ВОЙНЫ
ПОЛЬСКОГО
ИМПЕРИАЛИЗМА
1918—1921

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬС
МОСКВА — 1931

ДАТЕЛЬСТВО

ВОЙНЫ ПОЛЬСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

1918—1921

*

ПЕРЕВОД
ПОЛЬСКОГО ТРУДА АДАМА ПШИБЫЛЬСКОГО
„БОРЬБА ПОЛЬШИ ЗА СВОИ ГРАНИЦЫ"
С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
М. БОБРОВСКОГО

*

Львів. Бібліотека
АН УРСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1931

WOJNA POLSKA

1918—1921

A. PRZYBYLSKI KPT. DYPL

WARSZAWA — 1930

„Войны польского империализма“. Труд Пшибыльского является сжатым очерком главнейших кампаний Польши в течение 1918—1921 гг. Он строго выдержан в духе шовинизма и польского фашизма. Автор труда при разборе почти любого вопроса выделяет на первый план Пилсудского как „создателя“ и „спасителя“ Польши. Пшибыльский сознательно затушевывает империалистическую роль фашистской Польши в прошлом (когда она создавалась при помощи империалистических держав и в особенности Франции как форпост против пролетарской революции) и в настоящем ее подготовку к войне против СССР. Предисловие и примечания т. Бобровского вскрывают лживость Пшибыльского. Они являются необходимым руководством для нашего читателя при чтении данной книги. В труде Пшибыльского читатель найдет новые подробности войн, которые вела Польша в 1918 — 1921 гг.; подробности эти особенно необходимы историкам, изучающим специально этот вопрос. С вышеприведенными оговорками в общем же книгу можно рекомендовать для старшего и высшего начсостава РККА.

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ:
РЕДАКТОРЫ А. АНТРОПОВ И М. СТРУВЕ,
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Д. МОИСЕЕНКО,
КОРРЕКТОР К. РУБИН

Сдано в производство 8/IV 1931 г.
Подписано к печати 20/XI 1931 г.
Вышло в свет в ноябре 1931 г.
16 авт. л.
Бумага 82,5 × 110.
Печ. шрифта 78948 зн.

Львівська державна наукова бібліотека
1321

Ленинградский Облиздат № 18595. ОГИЗ № 197. В.-33. Зак. № 1815. Тираж 4.000—8(1/29) п. л.

Л. О. Центр. тип. Наркомвоенмора им. Клима Ворошилова, Ленинград, пл. Урицкого, 1 0.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

История „борьбы Польши за свои границы", это—история захватнических войн Польши. Целью этих войн было не национальное освобождение, которого она могла добиться в результате революций в государствах, разделивших ее (первой из этих революций была революция рабочего класса в России). Целью их было расширение пределов польского буржуазного государства, захваты, аннексия территорий с большинством непольского населения в целях ограбления и угнетения этих национальностей.

Никакая часть из этих военных операций не может быть причислена к числу освободительных, так как даже в тех случаях, где борьба происходила на польской территории с угнетающим государством (Познань, Цешинская Силезия), она сразу же приносила элементы начинающегося угнетения национальных меньшинств, населяющих эти территории [1].

Захват непольских территорий Белоруссии, Украины и др. каждый раз сопровождался хвастливыми, лживыми заявлениями и манифестами об освобождении этих территорий,

[1] В 1914 г. Ленин определял сущность национальной войны начала буржуазной эпохи: „сплотить национальную территорию как базу развития капитализма, смести докапиталистические остатки"... сущность империалистической войны: „всем уже тесно в гибнущем капиталистическом корабле, оттеснить других и оттянуть конец капитализма" (см. „Ленинский сборник", т. XIV, стр. 15). Польские „восстания" 1918 г. не имели также характера восстаний аннексированных областей, о которых в 1916 г. Ленин писал: „Именно в эру «империализма», которая есть эра начинающейся социальной революции, пролетариат поддержит с особой энергией сегодня восстание аннексированных областей, чтобы завтра же или одновременно напасть на ослабляемую таким восстанием буржуазию «великой державы»" (*Ленин.* Собр. соч., 1-е изд., т. XIX, стр. 177). В то время побежденная Германия не была уже великой державой, и в ней начиналась своя пролетарская революция, а Польша выдвинулась в разряд государств, покровительствуемых Антантой.

стилю которых могли бы позавидовать авторы знаменитых „воззваний к полякам" Николая Николаевича, Людендорфа и т. п.

„Освободительная" мотивировка захватов не может изменить их захватнической сущности, которая является результатом развития капитализма на территории Польши еще до начала империалистической войны. Во время существования „единых, неделимых" России, Германии и Австро-Венгрии крупная буржуазия Польши и не мечтала о независимости Польши. Рынки сбыта она находила в пределах государств, разделивших Польшу и предоставлявших ей вместе с тем орудия угнетения рабочего класса. Крупные помещики — магнаты — считались частью единой семьи, на которую опирался престол монарха.

Но жесткие рамки, которые ощущал развивающийся польский капитализм, отражались на стремлениях средней и мелкой буржуазии, помещиков и крестьянства, которые все более, а особенно с 1905 г. в русской и австрийской Польше, стали выражать националистические тенденции, до сих пор монополизированные ярко националистической партией ППС. Рост национального движения кладет отпечаток на содержание партийных программ разных буржуазных партий, особенно в австрийской Польше, где допускалась пропаганда лозунга независимой Польши, но только русской Польши.

Впрочем лозунги независимости Польши даже у ППС великолепно уживались с австрофильской и даже прусскофильской ориентацией, с планами объединения русской и австрийской Польши „под скипетром австрийского монарха", с перспективами расширения польских владений на востоке за счет Белоруссии, Литвы и Украины. Такие иллюзии порой поддерживались и германскими империалистами, которые взамен за „исправление границ" на западе обещали расширение польской территории нав остоке.

В то же время существовала и другая, противоположная ориентация, зародившаяся среди буржуазии русской Польши, представляемая самым выдающимся ее теоретиком Р. Дмовским, лидером „народовых" демократов, который важнейшую задачу для Польши еще до войны усматривал в присоединении к русской Польше польских провинций Пруссии и Австро-Венгрии в результате грядущей мировой войны, победы Антанты, в том числе России, конституционный „монарх" которой должен был взять на себя труд объединения автономной Польши под своим скипетром.

Стремления польского капитализма до мировой войны основывались на его реальных ресурсах, на мощных промышленных центрах и районах Лодзи, Варшавы, Домбровского бассейна.

Мировая война нанесла сильнейший удар польской промышленности, которая была сосредоточена в районах военных действий и, что важнее, на территории, оккупированной германскими империалистами, которые сознательно проводили политику механического разрушения этой промышленности. Однако после окончания войны и свержения оккупационных властей, несмотря на все разрушения, не могли при наличии сильных технических кадров и благоприятных естественных условий не возродиться планы расширения возникающего польского государства путем присоединения к нему всех „спорных в национальном отношении территорий" в первую очередь, а затем территорий с явно непольским большинством. Захватнические планы обосновывались предлогом „исправления исторического преступления" — раздела Польши, освобождения других народов, взятия на себя миссии развития малокультурных народов и т. п.

В докладных записках, которые посылались дипломатическим канцеляриям разных держав деятелями польского империализма всех направлений, исходными данными для обоснования притязаний на захват чужих территорий являются цифры статистики национального состава этих территорий, причем эти цифры и данные искажаются самым бессовестным образом. Так в ноте польской делегации на мирной конференции о восточных границах Польши от 3 марта 1919 г. говорится: „Территория, которую требует польское государство, в своих восточных границах обнимает на севере область литовского языка, которая имеет от 15 до 25% польского населения, далее, на юг—территорию с большинством населения, говорящего по-польски, центром которой является Вильна. Далее, на юг, она обнимает Полесские болота с их редким населением, говорящим по-польски, белорусски и украински; наконец на юге — территорию Волыни, а также небольшую часть западной Познани с населением, большею частью говорящим по-украински, где однако сильное польское меньшинство представляет единственную (!) интеллектуальную и экономическую силу страны".

Докладная записка ген. Розвадовского, посланного Пилсудским на Версальскую конференцию (май 1919 г.), содер-

жала поддерживаемые уполномоченными Польши эндеками Падеревским, а затем Дмовским требования „минимальной" пограничной линии, проходящей от Старой Ушицы на Днестре до Уллы на Западной Двине, требования аннексии территории Украины и Белоруссии с Каменец-Подольском, Проскуровом, Шепетовкой, Лунинцом, Барановичами, Минском и Молодечном. Записка утверждала, что белоруссы „не имеют ничего против присоединения их к Польше" (!). Что же касается украинцев, то „минимальные" требования вызываются преувеличенными украинскими требованиями (!). „Максимальная граница" должна была проходить по линии Двина—Днестр.

Поскольку эндеки требовали аннексий главным образом на западе — всей Западной Пруссии с Данцигом и значительной части Восточной Пруссии, всей Верхней Силезии и Познани,—сторонники быв. австро-германской ориентации с Пилсудским во главе направляли свои устремления преимущественно на восток. Пилсудский пишет в своем труде „1920 год", что уже в 1918 г. он самостоятельно поставил себе четкую цель для „войны с Советами". Эта цель заключалась в том, чтобы „возможно дальше от мест, где вылуплялась и выковывалась новая жизнь, сбросить всякие попытки навязать нам еще раз чужую жизнь, жизнь, строенную не нами самими". Как известно, стремление к этой империалистической цели привело к захвату в 1919 г. большей части Белоруссии до Березины, а в 1920 г. — к походу, целью которого был Киев. Под красивой формулировкой цели скрывалось наглое стремление к захвату чужих территорий.

II.

Почти 50 лет прошло с тех пор, как в своем последнем общем заявлении по польскому вопросу в конце 1880 г., в связи с юбилейным чествованием в Женеве польского восстания 1830 г., Маркс и Энгельс дали исторический очерк роли поляков во всех освободительных войнах и революциях со времени войны за независимость США в XVIII в. Они указывали в нем на события 1848 — 1849 гг., когда революционные армии — немецкие, французские, венгерские, итальянские — кишели революционерами-поляками, которые отличались в качестве рядовых солдат, военачальников; на восстание 1863 г., которое послужило исходным пунктом Интернационала, основанного при участии поль-

ских эмигрантов; на Парижскую коммуну, которая нашла защитников среди польских эмигрантов.

Национально-революционная борьба поляков в XIX в., главным образом в городах, создала в массах мелкой буржуазии и отчасти среди отсталых рабочих известные военно-национальные традиции, которые сохранились и в период развития польского капитализма вплоть до империалистической войны. Эти традиции нашли свое выражение в XX в. в той военной работе, которую проводила националистическая ППС в период 1905—1907 гг., а затем в „Союзе активной борьбы", созданном Пилсудским в Галиции в 1908 г. из быв. боевиков ППС, в союзах „Стржелец" („Стрелок"), которые послужили образцом для военных организаций, организуемых в Галиции правыми политическими партиями.

В своей военной работе Пилсудский исходил из предпосылки, что в эпоху массовых армий партизанская война не может дать решающих результатов и что необходима подготовка регулярной массовой армии. Его союз с австро-венгерским и германским командованиями не дал ему ожидаемых результатов, так как пополнением его легионов (всего в 1914/15 г. было создано до 3 бригад) могли служить лишь добровольцы из числа поляков русских подданных, избегнувших мобилизации. В дальнейшем выдвинутая в 1916 г. варшавским военным генерал-губернатором Безелером и поддержанная Людендорфом идея сформирования от 4 до 5 польских дивизий оказалась политически несостоятельной вследствие нежелания польского крестьянства добровольно поддержать империалистическую войну Германии. Созданная германскими оккупантами в 1917 г. из остатков легионов после ареста Пилсудского польская вооруженная сила — „Вермахт"[1] — была немногочисленна. Параллельно существовали скрытые подпольные кадры пилсудчиков, оставшихся на свободе летом 1917 г., в виде так называемой „польской военной организации" (ПВО), подпольная работа которой была направлена теперь против Германии.

Больших количественно результатов достигло в 1917 г. после Февральской революции развитие польских частей в составе русской армии: I польский корпус Довбор-Мусницкого в Белоруссии; более слабые II и III корпуса на

[1] Прозвище по названию одного из отделов управления германского генерал-губернаторства в Варшаве.

Украине (командование II корпусом принял Галлер в 1918 г. после своего бегства со 2-й бригадой легионеров из Буковины); кром етого дивизии Желиговского (на Дону) и Чумы (на Урале), сформированные в 1918 г. из тех же элементов на территориях, захваченных русской контрреволюцией. Со всеми этими формированиями Красной армии приходилось в разное время иметь дело на разных фронтах во время гражданской войны.

Наконец следует отметить созданную в 1917 г. под покровительством и при значительной технической помощи французского империализма польскую армию во Франции или так называемую позднее „армию Галлера", состав которой достиг 6 дивизий. Эта армия, созданная первоначально в расчете на пополнение живой силой истощенной французской армии, весной 1919 г. во время версальских переговоров по приказу Фоша была переброшена через Германию в Польшу, где нашла применение в операциях в Восточной Галиции и в самом деле завершила ее завоевание.

Освобождение Польши от германских и австрийских оккупантов не потребовало по сути дела значительных и вообще никаких регулярных войск. Германский оккупационный аппарат с его вооруженной опорой [1] развалился или эвакуировался более или менее спокойно по соглашению с Пилсудским.

Военные задачи более крупного масштаба возникли тогда, когда был поставлен вопрос о „границах Польши", о завоевании территорий, заселенных большей частью или частично непольским населением, не признававшим польского владычества, господства польской буржуазии и помещиков.

В соответствии с этими задачами и организовывались вооруженные силы на местах, в наиболее близких к фронтам районах; наконец центральное правительство, создав армию, начало посылать на фронты и перебрасывать с фронта на фронт в соответствии с определенными завоевательными задачами сформированные внутри страны и на фронтах дивизии.

Вопрос о военной системе в связи с формированием армии как оплота буржуазии — регулярная армия или добровольческая „милиция"—возник с первых же дней существования Польши. Пилсудский будто бы отстаивал в то время

---

[1] В Польше находилось около 80 000 германских оккупационных войск.

второе решение, начальник генерального штаба регентского совета ген. Розвадовский, он же — командующий группой „Восток" в Восточной Галиции, — первое, которое получило осуществление.

Конкретно задача массового укомплектования вооруженных сил встала перед польским правительством в январе 1919 г. Завоевательная программа большого масштаба, сформулированная господствующими классами в заявлениях самого главы государства Пилсудского, представителей партий, прессы и т. д., требовала мобилизации значительных сил. Сравнительно небольшими силами можно было воевать с чехами и немцами, так как война на западе имела территориально небольшие цели и кроме того размах ее регулировался верховным командованием Антанты. Наоборот завоевания на востоке можно было осуществить лишь большими силами, так как операции в Советской Белоруссии и Советской Украине и по протяжению театров военных действий и по глубине операций не могли не потребовать массовой армии.

Еще при регентском совете 27 октября 1918 г. был издан временный закон о всеобщей воинской повинности. В Галиции и прусской Польше уже в конце 1918 г. были попытки призыва военнообязанных по воинской повинности на основе австрийских и германских законов (!). Однако только 7 марта 1919 г. было принято сеймом постановление о призыве 6 возрастных классов. Это постановление было принято по предложению правых депутатов Скарбека и Корфантого от имени военной комиссии сейма, которая предлагала произвести призыв только на территории быв. русской Польши, так как быв. австрийские и прусские провинции сделали до сих пор „усилия, превышающие всякую справедливую меру, не пропорциональные их величине сравнительно с усилиями остальной (т. е. б. русской.—*Авт.*) Польши". Аппарат местного военного управления в то время был слабо развит, а главное — „опасность коммунизма, как пишет польский автор Гуперт, требовала не спешить с всеобщим призывом новобранцев". Только по мере подавления массового рабочего движения (роспуск советов рабочих депутатов), создания „дефензивы" (охранки и контрразведки), а также развития офицерских кадров [1], выполняющих роль „организующих сил" армии, можно было приступить к более энергичному проведению в жизнь принципа всеобщей воинской повинности.

[1] Закон о прохождении службы офицеров был издан в августе 1919 г.

Не касаясь развития аппарата центрального и местного военного управления, приведем цифры роста численности польской армии на различных фронтах и внутри страны как наилучший показатель развития польского милитаризма в первой же стадии существования польского государства.

	Едоков			Бойцов			
	Апрель 1919 г.	20 июня 1919 г.	15 августа 1919 г.	Декабрь 1918 г.	Апрель 1919 г.	20 июня 1919 г.	15 августа 1919 г.
Восточн. Галиция	60 528	76 822	57 556	12 508	37 689	49 434	28 928
Волынь	5 437	—	30 997	2 052	4 051	—	17 386
Литва и Белоруссия	11 612	44 875	76 452	—	8 888	23 217	41 085
Силезия	3 453	40 921	—	4 505	2 418	21 989	—
Всего	*81 030*	*162 618*	*165 005*	*19 065*	*53 046*	*94 640*	*87 399*
Быв. прусская Польша	—	73 512	—	—	—	43 482	—
Быв. русская Польша	—	29 933	135 092	—	—	9 256	64 908
Резерв гл. командования	—	12 700	—	—	—	7 184	—
Всего	—	*116 145*	*135 092*	—	—	*59 922*	*64 908*
Итого	—	**278 763**	**300 097**	—	—	**154 562**	**152 307**

Количество едоков составляло 15 января 1919 г. (за исключением прусской Польши) 110 000, из которых только 23 000 — на фронте (Восточная Галиция, Волынь, Силезия). Месяц спустя имеется уже 156 000 чел., из которых 57 000 бойцов, из них 25 000—на фронте. 1 апреля на фронтах находится 53 000, из которых 42 000—на Галицийско-волынском фронте (против украинцев), только 9 000—на Белорусском фронте (против Красной армии). В середине июня из 155 000

бойцов на Украинский фронт приходится 49 000, на Познанско-силезский фронт и участок Нарева (против Восточной Пруссии)—74 000, Белорусский (против Красной армии)—только 23 000 бойцов; резерв главного командования—7 000.

В середине августа после подписания Версальского мира и после Минской операции число бойцов составляет (без внутренних округов) 152 000, из них 46 000—на Галицийско-волынском и 41 000—на Литовско-белорусском фронте против Красной армии; внутри страны в русской Польше имеется еще 65 000 бойцов.

В сентябре 1919 г. количество мобилизованных перевалило за 586 000, из которых 203 000 бойцов.

В конце 1919 г., после объединения с великопольской армией, после ряда призывов, польская армия насчитывала уже 600 000 чел.

По данным Сикорского в период наступления Польши на советские республики, с 1 января по 1 июля 1920 г., было призвано всего 436 000 чел. и принято 87 000 добровольцев, всего 523 000 чел. До 1 июля 1920 г. были призваны возрастные классы 1896—1901 гг. Новое усилие было сделано с 1 июля по 20 августа в период отступления к Варшаве, когда было призвано 137 000 чел. (1894 г., часть, 1895 и 1902 гг., унтерофицеры 1890—1895 гг., кавалеристы 1885—1895 гг.) и принято 77 000 добровольцев, из которых 50 000 невоеннообязанных. Из призванных быв. русская Польша дала 383 000, быв. австрийская—98 000, быв. прусская—93 000 чел. Добровольцев больше всего дала быв. русская Польша—103 000, быв. прусская—36 000, быв. австрийская—меньше всего—26 000 чел.

Таким образом в 1919—1920 гг. мобилизовано было полностью почти 9 возрастных классов (1894—1902 гг.), что является значительным напряжением, если учесть, что население Польши в ее тогдашних пределах не насчитывало более 18—20 млн. чел. и что взрослое мужское население (родившееся в 1860—1900 гг.) в течение империалистической войны в быв. прусской и австрийской Польше было полностью мобилизовано и понесло большие потери убитыми и инвалидами [1].

Людские ресурсы в общем имелись еще в большом количестве, но достигнутая численность действующей армии

---

[1] Войны Польши „за свои границы" обошлись ей в 251 329 человек потерь, из которых более 200 000 приходятся на киевский поход и его последствия.

(360 000)[1] являлась показателем предела максимального напряжения при данном состоянии классовых противоречий и запасов материального снабжения.

Техническое снабжение польской армии состояло прежде всего из значительного количества оружия германских, австрийских и русских образцов.

В ноябре 1918 г. фирма „Шкода" будто бы предлагала Польше купить все свои запасы и завод перенести в Польшу, очевидно в предвидении „разооружения". На эту сделку Пилсудский и Морачевский по каким-то причинам не согласились[2]. Между тем недостаток оружия по сравнению с численностью армии и планами ее увеличения был значительный. В январе 1919 г. при численности армии в 110 000 чел. имелось 100 000 винтовок, 11 млн. патронов, 1 200 пулеметов (по 5 000 патронов на пулемет), 352 орудия и 88 000 снарядов. Однако в апреле 1919 г. прибыла галлеровская армия, а в мае—миссия ген. Анри, и вместе и вслед за ними начался приток вооружения. Особенно увеличилось его поступление в период, предшествовавший киевскому походу.

В общем снабжение польской армии при бесхозяйственности, на фоне общего экономического упадка страны было благодаря помощи Антанты удовлетворительное.

Организация командования и штабов в польской армии вначале представляла большие затруднения. Пилсудский и пилсудчики представляли собой группу боевых офицеров, военный опыт которых простирался не далее командования стрелковой бригадой. Для новой организации крупного масштаба пришлось привлечь „старых специалистов" — быв. офицеров и генералов поляков, а иногда и других национальностей австро-венгерской и русской армии. Впервые оперативный штаб для действий более крупного масштаба был создан во Львове быв. австрийскими офицерами полковником Сикорским и майором Гемпелем. Этот штаб послужил впоследствии образцом для формируемого весной 1919 г. „генерального штаба" главного командования. Последний только со времени майского наступления Галлера в Восточной Галиции стал более углубленно руководить операциями на фронтах.

Количество офицеров по отношению к численности армии было недостаточное: в первой половине 1919 г.—около

---

[1] При свыше 1 млн. мобилизованных.

[2] После переворота 1926 г. Пилсудский добился соглашения с фирмой „Шкода" при участии французского капитала.

5%, притом мало подготовленных. Офицеры были выходцами из быв. русской, австрийской, французской, германской армий, из легионов. Части не имели польских уставов, так как уставы легионов были распроданы или напечатаны не в достаточном количестве. На практике применялись разные уставы и боевые порядки; команды подавались часто не на польском языке.

Большую роль в формировании, объединении, снабжении и руководстве польской армией сыграла французская военная миссия, о чем неблагодарный автор книги о войнах Польши не говорит ни слова.

Чтобы осветить роль Франции в деле создания польской армии, необходимо обратиться к французским источникам и в частности к недавно вышедшей книге Сэн-Дизье[1], который приводит новые данные о формировании крупных соединений польской армии.

По поводу галлеровских дивизий, которые появились в Польше весной 1919 г., Сэн-Дизье пишет: „В течение всей зимы 1918/19 г. и в начале 1919 г. Франция ценой значительных жертв (все эти жертвы были поставлены в счет Польше) организовала пять полных дивизий, а также одну учебную дивизию. Когда они прибыли в Польшу, они составляли единственную силу действительно организованную и спаянную, которая там имелась".

Раскритиковав таким образом косвенно военное творчество Пилсудского, Сэн-Дизье говорит, что польское правительство не использовало этой организованной силы так, как это можно было. „С политической целью и по персональным соображениям было предрешено лишить ген. Галлера его блестящего (!) командования. Голубые дивизии (называемые так вследствие их лазоревой формы) были немедленно отделены одни от других и распределены по четырем углам Польши, так, чтобы между ними не могло быть никакой связи. Затем они были прямо обречены на истощение. Под предлогом, что они были укомплектованы старыми возрастными классами, была начата демобилизация большей части людского состава, который не был замещен. Лошадей не кормили... Наши винтовки оказались слишком старого образца... Даже наши пушки 75-*мм*, эти полевые пушки-королевы, лучшие в мире в эту эпоху, не находили ласки перед критикой польских артиллеристов. Коротко, галлеровская армия разложилась под беспомощным взором

[1] L'aigle blanc contre l'étoile rouge. Paris. 1930.

ее начальника в то время, как в министерстве полк. Рыбак (бывший австрийский офицер разведывательного отдела австрийского генерального штаба. — *Ред.*) по приказу Пилсудского подготавливал пресловутое слияние голубой армии (Галлера), зеленой (Довбора-Мусницкого) и серой (легионов). Это слияние было необходимо, чтобы снабдить Польшу армией подлинно национальной и объединенной, но момент был плохо выбран. Нужно было подождать конца войны с большевиками... Армии Галлера и Довбора-Мусницкого уничтожались систематически... Это дало повод впоследствии маршалу Пилсудскому сказать и повторять во многих речах и писать в книге „1920 г.“, что он создал польскую армию из ничего, абсолютно из ничего“.

Все эти рассуждения Сэн-Дизье показывают трения при слиянии различных частей польской армии и вместе с тем отмечают, насколько Франция была заинтересована в сохранении руководящей роли более близкого ей в тот момент ген. Галлера. Впрочем вскоре с приездом французской миссии ген. Анри все „недоразумения“ были забыты, и Пилсудский оказался не меньшим „другом Франции“, нежели Галлер.

Но основное заключается в том, что французский империализм действительно в огромной степени вырастил польскую армию, которая без его помощи не могла бы рискнуть предпринять ряд „освободительных войн“, описываемых Пшибыльским.

В результате всех осуществленных организационных мероприятий, а также проделанной политической работы польская армия эпохи польско-советской войны, будучи далеко неоднородной, превратилась в довольно мощное орудие польского империализма, связанного тесными узами с французским империализмом.

III.

Главные операции польской армии развивались по линиям наибольшей экспансии Польши — на востоке, причем различие политических концепций „федералистов“, пилсудчиков и эндеков- „инкорпорационистов“ (сторонников аннексий) не исключало общего стремления к захватам более или менее обширных областей.

В разное время завоевательные цели ставились различным образом. В отношении оценки важности тех или иных направлений часто происходило расхождение между основ-

ными политическими планами пилсудчиков и эндеков. Они расходились также в отношении определения последовательности выполнения тех или иных „исторических" задач. Так, известно, что первым планом Пилсудского в 1918 г. был захват Виленщины в ущерб активным действиям в Восточной Галиции, где „бодрствовали" эндеки, в частности военный представитель польских помещиков Восточной Галиции ген. Розвадовский. Этот последний первой задачей считал захват Львова и Восточной Галиции. Для этой цели он организовывал „местные силы", добивался помощи в Западной Галиции, в Люблине, наконец получил в критический момент подкрепления из Познани. Главное командование помогало Восточной Галиции на первых порах в небольшой степени (группа „Буг" ген. Ромера).

В конце января положение в Восточной Галиции главному командованию казалось настолько безнадежным, что на военном совещании в Варшаве (27-го) оно считало необходимым заключить мир с украинцами немедленно, причем им предполагалось „уступить" или Львов, или нефтяной бассейн. Продолжение борьбы привело бы, по его мнению, к отходу через 2 недели за р. Сан.

Только с прибытием армии Галлера из Франции можно было рассчитывать на развитие операций против украинцев в Восточной Галиции, действия в которой, как мы видели, привлекали $^{7}/_{10}$ всего количества бойцов.

Чтобы двинуть в наступление в Галиции армию Галлера, которая формально подчинялась командованию Антанты в лице Фоша, польское главное командование, прибегнув к хитрости, решило избрать для наступления направление из Холмщины и Волыни на юг в обход Восточной Галиции; кроме того предполагалось передать командование Галлеру в последний момент (Гуперт) так, чтобы его стремительные действия застигли врасплох Антанту, неединодушно поддерживавшую польские захватнические планы в Восточной Галиции. На самом деле действия против украинцев затянулись, и пришлось оперативный план несколько перестроить.

Операции в Литве и Белоруссии потребовали больших сил с апреля, когда Пилсудский решил захватить всю территорию до Двины и Березины. Для этой цели сначала были использованы первые сформированные дивизии легионов, отборные войска Пилсудского, составлявшие ядро сил, захвативших Вильну, Лиду и Барановичи в апреле.

Второе наступление (июль—август 1919 г.) было выполнено при содействии познанских дивизий, снятых с германского фронта после подписания Версальского договора.

В середине июля 1919 г. петлюровцы предложили Пилсудскому заключить соглашение. Перемирие было подписано 1 сентября, причем демаркационная линия была установлена на линии р. Збруч — Базалия — Корец — Олевск — Мозырь. Петлюровские войска очутились в полосе между польской и Красной армией. В начале сентября Деникин занял Киев и начал движение на Гомель — Мозырь. Наступление Деникина на запад отбросило петлюровцев к линии Лунинец — Проскуров. В ноябре поляки заняли территорию, оставленную петлюровцами, выдвинули свои войска в Подолии на р. Смотрич, на Волыни до р. Случь, заняли Новоград-Волынск и вошли в соприкосновение с деникинцами.

О дальнейшем взаимодействии с Деникиным против Советской России не могло быть речи по той причине, что наступление Деникина с лозунгами воссоздания „единой и неделимой России" угрожало захватническим планам Польши, в первую очередь на Украине и в Белоруссии, а в дальнейшем—и самой независимости Польши. Впрочем в конце декабря, когда войска Деникина начали отступать перед Красной армией, обстановка выяснилась достаточно. Пользуясь его отступлением, Галицийский фронт поляков продвинулся еще более на восток — до р. Ушица — Проскуров — Староконстантинов, а в конце декабря поляки занимали часть Подолии и Волыни, почти все Полесье и Белоруссию до Двины и Березины. Завоевательные планы в Белоруссии были в значительной степени осуществлены. Началась памятная по настоящее время всей Белоруссии польская оккупация. Факт захвата чужой территории не прикрывался внешними формами. Никаких планов создания „белорусского государства", о чем пишет Пшибыльский, никогда у Пилсудского не было.

Захватнические планы польского империализма не ограничились Белоруссией. Очередной задачей являлось осуществление программы захвата Украины, о чем в 1919/20 г., как и в настоящее время, открыто писали польские империалисты. Расхождение между „правыми" (эндеками) и „левыми" (пилсудчиками) касалось только формы захвата. Правые—„инкорпорационисты"—требовали аннексии западной части Украины примерно до современной границы, включая и Каменец-Подольск и Проскуров, пилсудчики—„федералисты" — „освобождения и федерации с Украинской на-

родной республикой", суживая пределы непосредственной аннексии до Восточной Галиции и трех западных уездов Волыни.

В изложении политических и военных планов Польши этого времени у капитана Пшибыльского (гл. VI и IX), попутно с довольно открытой постановкой основного вопроса о вторжении на Украину, мы видим замазывание их соображениями, явно вымышленными, о мнимой угрозе Польше со стороны Советской России, которая, как указывает Пшибыльский, начиная с декабря 1919 г., несколько раз предлагала начать мирные переговоры.

На самом деле предварительные переговоры о мире между советским правительством и буржуазной Польшей, прерванные нападением Пилсудского на Вильну в апреле 1919 г., возобновились еще в начале октября, когда на линию фронта в Полесьи (Микашевичи) отправился Ю. Мархлевский с полномочиями, объем которых превышал одни только переговоры об обмене заключенными и заложниками. Переговоры эти совпали с приостановлением польских операций на фронте в период, когда польская армия начала приходить в соприкосновение с Деникиным в Белоруссии и на Украине. Вскоре Красная армия стала наносить Деникину удары под Орлом и у Воронежа.

Еще за месяц до кризиса наступления Деникина и до начала переговоров с Мархлевским, Пилсудский зондировал почву в странах Антанты с целью выяснить, как интервенционистские круги рассматривают роль Польши в интервенции против Советской России. Как пишет Черчиль в докладе английскому правительству от 22 сентября 1919 г. [1]: „Поляки склоняются теперь к тому, чтобы обратиться к Антанте с одним из следующих предложений: а) чтобы Антанта финансировала увеличение польской армии до 500 000 чел., которые должны продвинуться в глубь России и занять Москву (!); б) чтобы поляки заключили мир с большевиками". Такая постановка вопроса не соответствовала политике английской интервенции. Англия в то время была связана с Колчаком и Деникиным и не могла возложить на Польшу выполнение плана „московского похода". С другой стороны она не могла допустить заключения мира Польши с большевиками. „Если поляки заключат сепаратный и поспешный мир с большевиками, большевистская армия, находящаяся на польском фронте и являющаяся

[1] Churchill W., The worldcrisis. The aftermath. London. 1929.

Львівська державна наукова бібліотека 1321

третьей самой сильной большевистской армией, будет быстро переброшена на Деникинский фронт. Это может поставить под угрозу его существование. Поощрять поляков заключить подобный поспешный мир для нас при такой конъюнктуре, когда все обстоит так критически, в конечном итоге свело бы на-нет: а) всю политику Антанты, заключающуюся в обещании поддержки Колчаку; б) особую политику Великобритании, состоящую в отправке большого количества снабжения Деникину".

Делая ставку главным образом на российскую контрреволюцию, Англия не могла рассматривать белую Польшу как главную силу интервенции. Денег на создание армии в 500 000 человек она не дала Польше, но добилась того, что осенью 1919 г. поляки мира с Советской Россией не заключили. Вместе с тем однако она не могла помешать временному фактическому перемирию и частичной переброске сил Красной армии с Западного на Южный фронт.

Переговоры в Микашевичах продолжались с 9 октября по 22 декабря. За это время Пилсудский проводил деятельную политическую и организационную подготовку к новому наступлению против советских республик (соглашение с Петлюрой); продолжая ее в первые месяцы 1920 г. при помощи Франции, которая берет на себя общее руководство интервенцией после провала английской политики поддержки Колчака и Деникина. В 1920 г. Польша превращается в главную силу интервенции против пролетарской революции. За счет французских займов она доводит свою армию до 600 000 чел., мобилизованных зимой 1919/20 г.

Календарь событий этого периода при помощи Пшибыльского и других источников в настоящее время может быть значительно уточнен. В конце декабря Польша заключила военное соглашение с Латвией, а в течение января польские войска захватили Двинск и продвинулись вместе с латвийскими до линии оз. Освея — Свинюха. В феврале 1920 г., когда мы все еще ожидали польского ответа на ноты т. Чичерина, было заключено окончательное политическое соглашение между Петлюрой и Польшей. Петлюра отказывался от Восточной Галиции и Западной Волыни западнее р. Горынь. Польша обещала ему „освободить" всю Украину к западу от Днепра. В апреле было заключено с Петлюрой тайное военное соглашение, которое определяло характер военной помощи, оказываемой Петлюрой белой Польше. С января по апрель фронт, главным образом Украинский, получил значительные пополнения

(115 000 чел.). 8 марта были созданы командования четырех армий: VI (Подолия), II (Волынь), IV (южная Белоруссия), I (северная Белоруссия). 5 марта было произведено предварительное наступление на Мозырь и Калинковичи с целью прервать кратчайшее сообщение между нашим Западным и Юго-запфронтом на участке Коростень—Жлобин.

Удар поляков в Полесьи показал нам, что обмен нотами с Польшей не приведет к миру и что Пилсудский готовит продолжение войны. 11 марта Ленин телеграфировал члену РВС Запфронта т. Уншлихту: „Поляки видимо воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны. Надо также усилить чрезвычайно агитацию на польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой“ [1].

Этот документ показывает, насколько не соответствует действительности мотивировка решения „верховного вождя“: „предупредить решительное наступление противника и разбить его живую силу“ (Пискор, Стахевич).

„Стратегическое“ обоснование выбора направления для наступления носит у польских историков чрезвычайно путаный характер. В то время как Пилсудский доказывает, вопреки мнению своего начальника штаба С. Галлера, что нашего контрнаступления следует ожидать на том фронте, где поляки менее сосредоточены (т. е. на Белорусском), его ближайшее окружение считало несомненным другое, и тогдашние участники этого решения — Пискор и Стахевич — в качестве современных историков приводят вышеуказанную формулировку решения наступать на Украине.

После наступления поляков в Полесьи естественно и красное командование должно было приступить к разработке своих предположений, что и было сделано только в конце марта, когда у поляков давно были готовы не только решение вести войну, а не заключать мир, но и конкретный план нападения на Украину.

Дальнейший ход событий показал полякам, что они нанесли удар по второстепенному по силам противника фронту, что, несмотря на численный перевес, у них нехватило сил и уменья для разгрома всех красных сил на Украине, что у нас имеются резервы, в то время как их нет в Польше, что население Украины им не сочувствует. Киевская „операция“ оказалась авантюрой [2]. Успехи Пилсуд-

[1] „Гражданская война“, т. III.

[2] По поводу „киевской авантюры“ Сэн-Дизье пишет: „Польские армии не уничтожили даже тех нескольких дивизий, которые им противостояли. Вместо того чтобы начать наступление левым крылом непосредственно

ского кончились. В течение июня и июля последовательные удары наших фронтов на Украине и в Белоруссии привели к отступлению польских войск, которые поспешно и местами панически, не всегда „по плану", стали отходить от одного рубежа к другому, вплоть до самой Вислы. Следует отметить, что для контрнаступления мы сосредоточили в общем лишь незначительно превосходящие силы и достигли в июне и июле крупных оперативных успехов благодаря первоначальному удачному распределению сил и искусным действиям, особенно на Украине (июньский прорыв 1-й Конной армии). Переоценивая эти успехи и слабость противника, наше командование не учло изменения соотношения сил по мере отхода противника внутрь своей территории, не старалось закрепить захваченные позиции, перегруппировать свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, создавшейся при отходе польских армий за Буг, подтянуть тылы, подвести резервы. Мы продолжали „огульное продвижение вперед". Тов. Сталин говорил [1], что ошибка советских войск в 1920 г., если взять только военную сторону дела, состоит в том, что они пренебрегли правилами наступления.

Но т. Сталин еще в 1920 г. указывал на политическую сторону войны, когда в начале польского наступления на Украину в апреле он подчеркивал, что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть по существу поход Антанты, что в отличие от тыла Колчака и Деникина тыл польских войск является однородным и национально сплоченным [2].

южнее Припяти и попытаться отрезать большевистские силы от мостов у Киева, наступление происходило почти фронтально, через Казатин и Бердичев, прямо на Киев. Советские отряды быстро оторвались и перешли на восточный берег Днепра... Польское наступление попало в пустое место, не причинив противнику серьезных потерь. Это наступление служило только советским интересам, так как оттягивало польские силы в эксцентрическом направлении, удлиняя непомерно линию польского фронта. Политическая цель была достигнута только частично (?). Петлюра вернул власть, но украинское население не только не восстало, чтобы поддержать польские войска, но стало вскоре нападать в тылу на польские обозы. Затем во время отступления оно создавало массу трудностей, уничтожая мосты и убивая отдельных военнослужащих". Несмотря на то, что Сэн-Дизье ограничивается советами оперативного характера и указаниями на бесталанность Пилсудского, косвенно он разоблачает роль французской дипломатии и генерального штаба в этой авантюре.

[1] См. „Ответ товарищам-колхозникам". 1930 г.

[2] В то время польская армия состояла только из жителей собственно Польши.

Оценивая тыл Польши 1920 г., когда сохранялся в памяти широких масс польского населения национальный гнет русского царизма и когда рабочие и крестьянские массы не испытали еще всех прелестей фашистского господства отечественной буржуазии и помещиков, т. Сталин подчеркивал, что „классовые конфликты еще не достигли такой силы, чтобы прорвать чувства национального единства и заразить противоречиями разнородный в классовом отношении фронт“ [1].

Факторами новой обстановки в Польше были подъем национального шовинизма, поддержка международного капитала, главным образом Франции, выразившаяся в посылке не войск, а технической помощи и военных специалистов (миссия Вейгана). Последние проверяли польские планы и методы работы и вносили в них серьезные коррективы и в значительной мере руководили операциями.

Так в частности случилось с польским планом операции на Висле, который разрабатывался, уточнялся и исправлялся при деятельном участии Вейгана и его офицеров. Появление большого количества „энергичных“ иностранных офицеров в обстановке начинающегося развала несомненно укрепляло политико-моральное состояние армии и особенно ее командного состава.

Вот что пишет Сэн-Дизье о „заслугах“ Вейгана и французской военной миссии по отношению к белой Польше в период варшавского сражения:

„Единственная организация, хорошо изученная и хорошо приспособленная, была организация артиллерийской обороны. Эта организация была созданием полк. Бансийона из французской военной миссии. Располагая кроме дивизионной артиллерии 40 батареями различных калибров, переданных в его распоряжение военным министром, он снабдил оборону мощным и подходящим орудием, которое способствовало удержанию оборонительной линии. В своей книге Пилсудский приписывает заслугу этой организации Сосновскому, который однако, будучи военным министром, занялся только организацией батарей и не принял участия в организации обороны Варшавы. Впрочем это—привычка Пилсудского не упоминать, когда он не отрицает о помощи, которую он получил со стороны французской военной миссии или со стороны Вейгана. Задача была не легкой для ген. Вейгана, который, не имея

[1] „Новый поход Антанты“, газ. „Правда“ 1920 г., № 112.

никогда возможности добиться у начальника ген. штаба ни да, ни нет, должен был прибегнуть к методу записок (нот), о котором Пилсудский упоминает в своей книге не без иронии...

Положение казалось настолько отчаянным самому Пилсудскому, что он предложил Вейгану действительное сотрудничество в командовании. Ген. Вейган должен был отказаться, так как Франция не была официально в состоянии войны с советами".

Нужно отметить, что за несколько дней до нападения Пилсудского на Киев, 20 апреля 1920 г., уполномоченный французского правительства Дюшен после переговоров с т. Литвиновым об обмене пленными подписал в Копенгагене договор „о ненападении". Французское правительство, — читаем мы в тексте соглашения,—вновь формально подтверждает, что оно не будет вмешиваться во внутренние дела России и что оно не будет сотрудничать ни в каких наступательных мерах против Советской республики. Это обстоятельство по лицемерной интерпретации французского империализма давало будто бы Франции право „неофициально" участвовать в войне. Этим объясняется, что Вейган был „только" советником начальника генерального штаба, а не „верховного вождя" Пилсудского. Этим объясняется, что французские офицеры, как пишет тот же Сэн-Дизье, будучи „некомбатантами", участвовали в боях под Варшавой „в белых перчатках и с хлыстом", а не с оружием в руке!

Кроме помощи французского империализма, выразившейся в посылке военного имущества и военных специалистов, немалую роль в деле оказания военной помощи белой Польше оказала активность Врангеля в конце июля, вследствие чего часть наших глубоких резервов должна была быть оттянута на Крымский фронт. Тов. Сталин указывал еще в июне: „Не следует утешать себя надеждой на то, что Врангель не споется с поляками: Врангель уже спелся с ними и действует за одно с ними".

Изложение Пшибыльским хода операции на Висле, хотя и чрезмерно преувеличивает роль Пилсудского, отличается в общем ясностью. Хотя важнейшие тактические детали, равно как и детали подготовки операций не выявлены, хотя и не приводятся сведения о соотношении сил и нет указаний о факторах изменения этого соотношения, — в общем получается довольно отчетливая картина действий обеих сторон. Автором приводятся интересные данные об

условиях, в которых происходило преследование наших армий, потерпевших поражение, данные, которые должны свидетельствовать о том, насколько неумело и нерешительно выполнял эту задачу польский Северный фронт, действовавший против главных наших сил, наступавших севернее Варшавы, в результате чего могли отступить в сравнительном порядке наши 15-я и 3-я армии. В изложении этого вопроса автором сказываются политические трения между Пилсудским и его противниками—Розвадовским, Галлером, Сикорским и др., которые в критические дни взяли в свои руки управление польским Северным фронтом и армиями, входившими в его состав.

Когда дело доходит до „развития успеха", автор вновь возвращается к программе расширения границ Польши. В вопросе польско-литовских и польско-советских отношений к концу войны автор повторяет измышления польской дипломатии и прессы, чтобы оправдать политический смысл последних польских военных операций, в результате которых была установлена современная восточная граница Польши.

При оценке исхода войны с Польшей для нас являются решающими слова Ленина:

„Поэтому особенно велико значение победы, которую в конечном итоге одержала Красная армия, несмотря на поражение под Варшавой, так как она поставила Польшу в такое положение, что она не имеет совершенно сил продолжать войну. Она должна была пойти на мир, который ей дал меньше чем то, что мы предлагали в апреле 1920 г., перед польским наступлением, когда мы, не желая отрываться от работ хозяйственного строительства, предлагали границы в высшей степени невыгодные. Тогда пресса мелкобуржуазных патриотов, к которым принадлежат и наши эсэры и меньшевики, обвиняла большевиков в примиренчестве и почти в толстовском отношении, проявленном советской властью. Она называла толстовским отношением то, что мы соглашались на мир по тогдашней линии Пилсудского, по линии, по которой Минск оставался в руках Польши, а граница проходила верст на 50, а местами верст на 100, восточнее той, которая установлена теперь. Но конечно мне нет надобности перед собранием партийных работников останавливаться на том, почему мы соглашались и должны были соглашаться на худшие границы, если бы действительно наша хозяйственная работа не была прервана. В результате получилось то,

что Польша, сохраняя буржуазный порядок, вызвала крайнее хозяйственное расстройство всей страны, вызвала чрезвычайный рост недовольства, вызвала буржуазный террор, который свирепствует не только против промышленных рабочих, но и против батраков. Общебуржуазное положение Польши сделалось до такой степени неустойчивым, что и речи быть не могло о продолжении войны" (из речи на Московской губернской партконференции 20 ноября 1920 г.).

IV.

Значительная часть книги является хвалебным гимном Пилсудскому и его армии. Не приходится особенно подчеркивать, что книга капитана Пшибыльского является не только историей польских войн 1918—1921 гг., но вместе с тем пропагандистским произведением: автор ни на минуту не забывает, что „война есть продолжение политики". Тем не менее в книге Пшибыльского политика разоблачила себя как империалистская политика, а „войны Польши за свои границы" — как империалистские войны, и внимательный читатель сможет отличить в ней более или менее объективное изложение хода событий от империалистской идеологии ее автора, которой пропитана вся книга.

Основным недостатком книги капитана Пшибыльского является недостаточный учет помощи, оказанной Польше ее „союзниками", в частности французами, смазывание роли белой Польши в планах и осуществлении противосоветской интервенции империализма 1918 — 1921 гг. и наконец фактического сотрудничества с российской контрреволюцией, которой Польша помогала, и наоборот. Успехи белой Польши в ряде операций против Советских республик могут быть поняты только в связи с действиями российской контрреволюции, поддерживаемой иностранными интервентами. Успех нападения на Вильну весной 1919 г.,— операция, которой так гордился Пилсудский,—может быть оценен только в связи с одновременным наступлением Колчака и Деникина, с кулацкими восстаниями на юге Украины. Успех наступления в Белоруссии летом 1919 г., лавры которого собирали Шептыцкий и другие генералы, объясняется не только возможностью усиления Пилсудским Белорусского фронта в связи с подавлением в Версале германского сопротивления и переброской польских дивизий с западной границы, но также и успехами Колчака и Де-

никина, против которого советское правительство бросило все свои лучшие силы. Весьма непрочным успехом Киевского похода Пилсудский обязан тому же Деникину и Колчаку, ликвидация которых отвлекла от белопольского фронта далеко на восток значительные силы Красной армии. Наконец „чудо на Висле" в громадной степени стало возможным благодаря той помощи, которую оказал белой Польше Врангель своим постоянным давлением и наступлениями в решающие моменты на тылы Красной армии. Если и не было непосредственного формального соглашения в 1919—1920 гг. между Пилсудским, Деникиным и Врангелем относительно объектов операций, то при громадных фронтах и размахе гражданской войны для осуществления взаимодействия достаточно было под общим руководством со стороны интервентов: в 1919 г.—Франции и Англии, а в 1920 г.—Франции, более или менее согласовывать последовательность отдельных кампаний. Между белой Польшей и российской контрреволюцией не могло быть в силу ряда противоречий полной договоренности. Были моменты, когда Польша покидала своих фактических союзников. Так было осенью 1919 г. в момент приближения. Деникина к Гомелю и занятия им Киева, когда намечалось непосредственное соприкосновение войск польского империализма и российской контрреволюции. В этот момент, вопреки мнению польских эндеков [1], Пилсудский решил временно приостановить наступление против Красной армии. Пилсудский при этом исходил из возможностей польской армии и условий наступления зимой, а главное из ближайших политических перспектив, связанных с победой Деникина.

Равным образом в октябре 1920 г., насытившись завоеваниями в Литве, западной Белоруссии и на Волыни, под давлением жестокого хозяйственного развала и под угрозой революционного движения Пилсудский вынужден был заключить мир с советскими республиками и тем самым обрек Врангеля на изоляцию и поражение.

Не могло быть и речи о полном единстве интересов и планов у обеих групп контрреволюции, российской и польской, но все же как десять лет тому назад, так и в 1930 году контрреволюционные хищники временно находили общий язык. В июне 1920 г. выходящий в Сева-

[1] Ср. статью Фалевича в органе эндеков „Газета варшавска" от 19/I 1925 г.

стополе орган Шульгина „Великая Россия“ писал: „Сегодня нам выгоден союз с поляками против общего врага, а завтра... завтра будет видно“.

Это „завтра“ расшифровал виднейший представитель эмигрировавшего заграницу „генерального штаба“ белых генерал Головин, который уже в 1924 г., не дождавшись создания „будущей России“, разбалтывал политические задачи „будущей России“ и стратегические планы, стоящие перед „будущей российской вооруженной силой“ [1].

Эти задачи и планы, достаточно четко и подробно изложенные ген. Головиным, означают немедленную подготовку наступательной войны „будущей России“ против Эстонии, Латвии, Польши и Румынии.

Но, несмотря на эти противоречия внутри лагеря контрреволюции и перспективы будущих войн между „союзниками“, в последние годы вновь происходит сплочение всех контрреволюционных элементов в целях подготовки войны против СССР, против социализма. С 1925 г. по 1928 г. руководство подготовкой интервенции принадлежало Англии. С 1928 г. это руководство вновь переходит к Франции. В стратегических планах интервенции, вырабатываемых под руководством французского генерального штаба,

---

[1] Ср. книгу ген.-лейт. Головина, Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы. София, типогр. „Новая жизнь“, стр. 82—83. Вот что пишет между прочим ген. Головин: „При всем своем миролюбии будущая Россия должна быть готова с оружием в руках заставить своих западных соседей считаться с ее национальными интересами и не позволит им мешать ее экономическому развитию. Это приводит к неминуемому следствию, что всякая война, начавшаяся на западном фронте России, может привести к соответствующим результатам только в том случае, если она, хотя бы в своем конце, закончится стратегическим наступлением.

Стратегическое направление этого наступления будет всецело зависеть от той политической задачи, которая будет поставлена. Таких политических задач может быть три: 1) открытие свободного экономического доступа к Балтийскому морю — потребует наступления против Эстонии и Латвии; 2) освобождение захваченных и угнетаемых Польшею русских областей — потребует наступления против Польши; 3) освобождение захваченной и угнетаемой Румынией Бессарабии — потребует наступления против Румынии.

Окончательный выбор того или другого операционного направления за главную операционную линию представляет собою задачу плана войны...

Наступление по любому из перечисленных направлений должно быть организовано так, чтобы привести к быстрым и решительным результатам т. е. к уничтожению вооруженной силы на избранном направлении...

Вот почему мы считаем, что при стратегически наступательном плане войны на операционном направлении, избранном для главного удара, мы должны иметь двойное превосходство и в числе пехотных дивизий“ и т. д.

вновь фигурирует на одном из первых мест Польша в союзе с Румынией, прибалтийскими странами, ... врангелевской армией, красновскими казаками и вредителями — членами „промпартии".

Начало военных действий назначалось на 1930 г., причем первой должна была выступить Румыния, спровоцировав предварительно какой-нибудь пограничный инцидент[1]. Вслед за Румынией должна была выступить Польша, а затем лимитрофы. План войны сводился к одновременному двойному удару на Москву и Ленинград. Создавались две армии: южная—для действий в правобережной Украине и дальше против Москвы, и северная, которая при поддержке морского и воздушного флота должна была действовать против Ленинграда. Врангелевские войска после перехода через Румынию должны были присоединиться к южной армии. Морские операции англичан на Черном море имели задачей обеспечить высадку десантов красновских казаков и отрезать кавказские нефтяные месторождения, черноморское побережье должно было подвергнуться обстрелу. При морской поддержке на юге и на севере интервенты рассчитывали на успех с сравнительно небольшой армией в 600 — 800 тысяч человек.

Но главные надежды в то время возлагались на контрреволюционные восстания и вредительство. Восстания на Украине и на Дону должны были перерезать сообщение между Донбассом и Москвой, увеличить кризис в снабжении металлом и топливом, подготавливаемый вредительской организацией „промпартии". Когда выяснилась ненадежность расчетов на восстания, выросло значение вредительских и диверсионных операций.

В плане войны на 1931 г. роль Польши вырастает. Провокация войны лежит на Польше, которая должна захватить Литву. Роль Англии уменьшается, но усиливается роль Франции[2], союзником которой является Польша.

Мы не знаем, какие коррективы были внесены интервенцией в план 1931 г. после провала столь важной его части, как работа вредительской организации. Ясно одно, что должна была усилиться роль и значение вооруженных

---

[1] Определенных инцидентов ни действительных ни даже выдуманных еще не было, но мастер по политической подготовке войн Пуанкаре поспешил в феврале 1930 г. провоцировать общественное мнение всего мира слухами о военной опасности на советско-румынской границе.

[2] Из показаний проф. Рамзина — см. „Удар по интервентам", стр. 33, М., 1930. — Дело „промышленной партии", „Правда" от 27/XI 1930.

сил Польши и ее союзников, как ни хотелось интервентам осуществить свои планы при помощи вредителей, подешевле.

V.

„Войны Польши за свои границы" нельзя рассматривать, как последние войны Польши. Завоевание громадных территорий не удовлетворяет ее. Польский империализм, как это подтверждают многочисленные выступления и заявления сторонников фашистского диктатора Польши Пилсудского, ставит себе конкретную задачу — завоевание украинского рынка путем восстановления капитализма на советской Украине. Эту задачу он облекает в лозунги „освобождения Украины", время от времени неутомимо поднимая так называемый „украинский вопрос" в выступлениях наиболее ответственных представителей современных правящих кругов Польши [1]. Правобережной Украины Польша требовала в переговорах с интервентами, и нет оснований предполагать, что „компенсации" на Украине ей не были обещаны в том или ином виде французскими руководителями интервенции. Войну за „освобождение Украины" она готовит, подвергая жесточайшему гнету и белому террору украинское население захваченной ею части Украины; разнузданный террор на западной Украине, напоминает кровавые дни, пережитые западной Украиной в 1918/19 г. во время ее завоевания Польшей.

Участие Польши в подготовке новой интервенции против СССР неоспоримо. Улучшение с 1928 г. англо-французских взаимоотношений сопровождалось образованием военно-политического блока государств, граничащих с СССР с запада, от Балтийского моря до Черного моря. Военные соглашения между этими государствами были уточнены. В 1928 г. Пилсудский посетил Румынию, а румынские офи-

---

[1] Вот, что заявлял в марте 1927 г. ген. Стахевич, один из самых видных пилсудчиков, на торжественном заседании в Варшавской филармонии в весьма витиеватой по форме, но все же по содержанию ясной речи: „Великие и обширные планы маршала Пилсудского, стремящиеся к гегемонии Польши на востоке Европы, были перечеркнуты и постепенно захирели в серой, трусливой, грязной, мелочной жизни Польши. Будем надеяться, что неумолимая эволюция истории работает сегодня в нашу пользу и что продолжение истории востока Европы передаст в руки сильной, благодаря нынешней работе маршала Пилсудского, Польше, то ее блестящее будущее, над осуществлением которого в годы освобождения трудился глава государства и верховный вождь". („Глос правды").

Таких выступлений по всяким поводам в фашистской Польше не мало.

церы генштаба прибыли в Варшаву. В 1928 г. ген. Ле-Рон, который обосновал свою резиденцию в Данциге, приезжал в Польшу и Румынию. Начальник польского генштаба вел переговоры в Париже как раз в период создания комиссии ген. Жанена, которая разрабатывала вопросы интервенции.

В 1929—1930 гг. ген. Ле-Рон и Франше д'Эспере с участием французской фирмы Шнейдер и др. проводили следующие военные мероприятия в Польше: усиление морской базы в Гдыне, окончание постройки стратегической магистрали Верхняя Силезия — Гдыня, постройка ряда новых военных заводов, в том числе отделения чешской фирмы Шкода, зависимой от Шнейдера. Французская дипломатия ведет усиленную работу в целях ослабления польско-германских противоречий, причем Франция на всякий случай принимает меры к укреплению границы с Германией и к развитию воздушного флота в целях постоянной угрозы своим восточным соседям.

В 1930 и 1931 гг. по мере развития международного кризиса Франция усиливает политическую кампанию против СССР (провокационные речи Пуанкаре, кутеповщина, предательство Беседовского, ложь о демпинге). Лушер подготавливает возвращение ставленника Франции Кароля в Румынию, которая получает от Франции новые займы в целях реорганизации армии. Польская буржуазная пресса подхватывает, распространяет французскую клевету, участвует в „крестовом походе" папы, а часто самостоятельно фабрикует провокационные и лживые слухи о положении и политике СССР.

Наконец, увеличивая свои вооружения, Польша ведет систематическую борьбу с предложениями советского правительства о разоружении.

Недавно еще противники Пилсудского из буржуазного же лагеря, опасающиеся для Польши последствий новой войны, разоблачали махинации „коммивояжеров" международного капитала, пытающихся втянуть Польшу в новую интервенционистскую войну.

Впрочем из публичных выступлений руководителей польского фашизма, из тайных переговоров, раскрываемых в настоящий момент, наконец, следя за внутриполитическим положением Польши, мы видим, насколько настойчиво и методически ведется эта подготовка к войне.

Проведенные в ноябре 1930 г. вслед за полосой белого террора на Украине и арестов коммунистических депутатов, выборы в варшавский сейм показывают, что решительный враг

социалистической революции, верный союзник мирового империализма Пилсудский не брезгует никакими средствами, чтобы подчинить диктатуре буржуазии, воплощенной в его лице, и ее захватническим планам, рабочие и крестьянские массы Польши [1]. От них в последнем итоге зависит, какова будет Польша, каковы будут ее взаимоотношения с внешним миром, будет ли Польша на стороне социалистической революции или на стороне мировой контрреволюции. Польские массы не желают войны во имя интересов международного капитала. Раздавленные мировым кризисом капитализма и гнетом польских эксплоататорских классов, они стремятся найти путь к освобождению, опираясь на опыт Октябрьской революции.

Но предпосылки революционного кризиса в Польше обостряют опасность новой войны польского империализма, войны-интервенции против СССР.

В этой войне польский фашизм может броситься, очертя голову, на новую авантюру, как он уже это раз сделал под руководством Пилсудского в 1920 г. „Освободительные" лозунги все еще повторяются до последнего времени фашистами-усмирителями и завоевателями.

---

[1] По поводу выборов 1928 г. быв. представитель Петлюры при заключении договора 1920 г. „атаман или председатель Украинской республики" Андрей Левицкий написал другому „украинскому деятелю" такого рода письмо: „10 мая 1928 г. Результаты выборов в Польше в сейм известны вероятно вам из печати. Победа маршала Пилсудского—на всей линии. С этой победой связано и наше будущее. Все мы радуемся, что великие идеи маршала Пилсудского победили и что в скором времени его далеко идущие планы и идеалы будут осуществлены. По поводу этой победы я принес ему лично от себя и от правительства Украинской народной республики поздравления и пожелания, чтобы его политика получила в будущем самые лучшие результаты. Я не в состоянии описать вам, насколько сильное и глубокое впечатление мои слова произвели на г-на маршала. Его ответ был настолько искренний и сердечный, что запал мне глубоко в грудь, когда он сказал, что близок момент, когда он сможет поздравить меня с победой в Киеве. На этот раз польский сейм получит совершенно другой вид. Кроме наших сторонников украинцев, как д-р Дмитрий Левицкий, д-р Стефан Баран, Михаил Струтынский и др., в сейм вошли также наши горячие друзья поляки, как полк. Славек, брат маршала Ян Пилсудский и проч. Вообще, мне кажется, что новый сейм представляет собою отчетливое отражение взглядов и политики г-на маршала Пилсудского. А. Левицкий" (газета „Курьер Червоны"). Правда, друзья, вспоминавшие „минувшие дни" и мечтающие о новых походах, вскоре поссорились, когда Левицкому было предложено подписать еще какой-то договор, но от этого суть дела не меняется, так как место Левицкого занял в качестве контрагента Пилсудского по подготовке войны против СССР некий „генерал Сальский", в качестве представителя „дружественной украинской народной республики".

Но международное положение и внутреннее положение стран капитализма теперь другое, нежели в 1920 г. Если Польша в 1919—1920 гг. переживала ряд серьезных внутренних затруднений, то в настоящее время она не должна забывать, что „в условиях углубляющегося кризиса и все более нарастающей неустойчивости при одновременно происходящем укреплении экономической и политической мощи СССР вооруженное нападение на СССР означает теперь главную опасность для тех, кто посмеет нарушить мир и напасть на СССР".

Эта оценка относится в первую очередь к форпосту антисоветской интервенции — к фашистской Польше, где в порядке дня стоят планы новых империалистических войн и интервенции. И это—в то время, когда углубляющийся, доходящий до пределов катастрофы хозяйственный кризис польского капитализма, противоречия мирового империализма, борьба между империалистическими группировками и наконец назревающие предпосылки революционного кризиса ставят под угрозу существование всей буржуазной Польши.

М. Бобровский.

Глава I.

Польша во время мировой войны.

Возвращение Польши к самостоятельному государственному существованию является лишь одним из этапов в ее более чем тысячелетней истории. Поэтому 1918 г., являясь решающим исходным моментом для полного понимания современной истории возрожденной Польши, все же недостаточен для этого. Надо вернуться назад, в прошлое, но это трудно сделать, не выходя из рамок настоящего труда, имеющего главной целью набросать картину войны, которую возрожденная Польша должна была вести, чтобы сохранить свою вновь обретенную самостоятельность и установить свои границы. В этом очерке остается место лишь для весьма краткого общего обзора исторического периода, непосредственным результатом которого было возрождение польского государства и в течение которого вырабо-тались основные условия позднейшего развития этого государства[1].

Польша после восстания 1863 г. За последнее десятилетие XVIII в. Польша была вычеркнута из числа самостоятельных государств земного шара. Ее три могущественные соседа — Россия, Пруссия и Австрия—договорились разделить между собой ее территорию и живую польскую нацию. XIX в. на Венском конгрессе закрепил это положение. Вооруженная борьба, предпринятая несколько раз на всей территории бывшей республики в целях вновь приобрести самостоятельность и восстановить отдельное государство, борьба ожесточенная и полная жертв постоянно кончалась поражением, разбиваясь о железную солидарность захватнических держав, в условиях материального

[1] Этот абзац, имеющийся во французском издании, опущен в польском издании.—*Ред.*

и морального одиночества, в котором оставляли Польшу остальные европейские государства[1].

Эти поражения и главным образом безуспешность героического восстания 1863 г. оказали влияние на умы широких масс польского общества. В них усилилось сознание собственной слабости перед все возрастающим военным могуществом захватнических государств, уверенность в своем полном одиночестве, и они потеряли всякую надежду на интервенцию, до тех пор ожидавшуюся, западноевропейских государств. В трех провинциях начали брать верх умеренные настроения, склоняющиеся к соглашению с победоносными правительствами в целях обеспечить себе по крайней мере самые элементарные условия национального существования и экономического и культурного развития. Лозунг борьбы за независимость сменился мало-по-малу лозунгом органического труда.

Такого рода программа должна была безусловно привести к гибели единства политической мысли Польши и к поискам помощи одного или другого из захватнических государств для разрешения в том или в другом направлении польского вопроса в будущем. Непосредственным последствием этого положения явилась позиция, занятая большинством польского общества, в отношении к войне 1914[2].

Иосиф Пилсудский. Подпольные военные организации. Все же мысль о вооруженной борьбе в целях завоевания независимости, хотя и насильно придушенная в многочисленных местах восстанием 1863 г. и жестоко преследуемая после восстания победоносным русским правительством, не совсем погасла, не исчезла безвозвратно.

Уже в 1904—1905 гг., когда все русское государство сотрясалось революционной волной, сопровождавшей неудачную войну против Японии, революционное движение

[1] Раздел государств в эпоху капитализма является обычным явлением. Фридрих II в конце XVIII в. делил не только Польшу, но и Германию (Ф. Энгельс, „Насилие и экономика при создании нового германского государства"). Неверно утверждать, что польский вопрос в XIX в. не интересовал других буржуазных государств (например политиков Франции). Польским вопросом с точки зрения интересов революции интересовались и европейская демократия, и Интернационал (см. предисловие). — *Ред.*

[2] Неизвестно, что под этим понимает автор. Если речь идет о польской буржуазии, то она раскололась на два лагеря, из которых один стремился к союзу с царской Россией и Антантой („эндеки"), а другой — с австро-германской группой („пилсудчики" и „активисты"), которая в 1917 г. переметнулась на сторону Антанты. Дальше следует восхваление националистской политики Пилсудского, к числу решительных сторонников которой принадлежит Пшибыльский.— *Ред.*

в польских областях России приняло национальный характер, выбрасывая наравне с социальными лозунгами лозунг освобождения и независимости Польши.

Тот, кто превратил этот лозунг в основной, существенный, абсолютный приказ польской государственности, был Иосиф Пилсудский. Он был тем „романтиком в мечтах и реализатором на деле", который благодаря своей мощной индивидуальности, неукротимой энергии и настойчивости, не знающей упадка духа, стал во главе нового движения, наметил способы действия и придал ему конкретные формы организации.

Когда русское правительство подавило революцию 1905 г., польское движение за независимость перенеслось главным образом в польские провинции, присоединенные к Австрии, где общие условия национальной жизни, вытекающие из автономии Галиции, оставляли больше всего свободы и где многочисленные эмигранты приютились после революции.

Пилсудский нашел основу своего политического действия в глубоких изменениях, проявившихся на Берлинском конгрессе и относящихся к установлению международных отношений в Европе. Солидарность захватнических государств, составлявшая до сих пор угрозу для Польши, сменилась расколом на два враждебных лагеря, и противоречия между ними носили в себе зачатки вооруженного столкновения в близком будущем. Франко-русский союз, соперничество Германии и Англии в экономической области позволяли предвидеть возможность распространения конфликта на более широкие круги, а также глубокие потрясения всего материка.

Отдавая себе отчет, что война сразу же поставит в порядок дня польский вопрос, Пилсудский в разрез польским течениям, которые связывали этот вопрос с одним или другим из двух враждебных лагерей, включавших захватнические державы, и предписывали выжидательный образ действий, увидел, что главный и единственный смысл польских стремлений заключался в полном отделении от центральных империй[1] и кроме того в постановке в самом

[1] Комментарии автора к политической программе Пилсудского в 1914—1916 гг. не соответствуют действительности. Пилсудский входил в состав так называемого верховного национального комитета в Кракове, который являлся блоком польских буржуазных партий, стремившихся разрешить польский вопрос „в единении" с австро-германской монархией на основе ее победы. Политика буржуазии привела к постановке польского вопроса в международном масштабе, т. е. к исканию покровительства у обеих империалистических группировок. — *Ред.*

начале войны польского вопроса в международном масштабе при помощи самостоятельного вооруженного выступления. Причиной, предрешившей, что это выступление будет направлено против России, являлось то, что из трех разделивших Польшу государств Россия занимала наибольшую площадь [1] польской территории с ее столицей Варшавой и что как до, так и после раздела Россия была наиболее грозным врагом польской независимости.

Чисто военные приготовления были основаны Пилсудским на той предпосылке, что в эпоху массовых современных армий партизанская война вроде той, которая была организована во время последнего восстания 1863 г. или революции 1905 г., не сможет дать никаких результатов и что будущее вооруженное выступление потребует чисто военной подготовки и организации по принципу регулярных армий.

Первая организация этого рода, названная „Союз активной борьбы", состоявшая вначале главным образом из бывших участников революции 1905 г., была основана в 1908 г. Два года спустя Пилсудский основал „Стрелковый союз", за которым вскоре последовали подобные же организации, как „Стрелковые дружины", „Соколы" и некоторые другие.

Образцом всех этих организаций являлся „Стрелковый союз", который оставался под непосредственным руководством Пилсудского и достиг наивысшей степени развития [2].

В сфере влияния стрелковых обществ создались солдатские, унтерофицерские и офицерские школы, в которых молодые добровольцы, набиравшиеся в средних школах и университетах или в рабочей среде, обучались обращению с оружием, боевым приемам регулярных армий и изучали искусство командования. Вскоре деятельность боевой организации переходит границы польских провинций Австро-Венгрии и простирается на польские провинции России и Германии. Она проникает одновременно до больших польских эмигрантских колоний за границей. До войны насчитывалось несколько сот организационных центров, объединяющих несколько тысяч организованных членов.

---

[1] **Автор включает очевидно непольские области — объект притязаний польского империализма. — *Ред.***

[2] **Это быть может несколько преувеличено, так как в количественном отношении прочие военные организации, организуемые в Галиции, были не менее многочисленны. — *Ред.***

Польша на пороге мировой войны. Наконец настает давно ожидаемый решительный момент. Начинается война, которая, по всеобщему мнению, должна была зажечь весь европейский материк и вовлечь в свою орбиту почти все нации земного шара.

В это время польское общество [1] не было готово; оно было неспособно стать на единую и определенную позицию. Планам самостоятельной политики Пилсудского и сгруппированной вокруг него партии независимости, политики, основанной на предпосылке военного выступления против одной из захватнических держав, массы общества противопоставляли политику выжидания.

При этих обстоятельствах выявились последствия политики соглашения с захватническими державами, которая велась до войны во всех польских областях. Она положила начало двум противоположным политическим ориентациям: одна связывала вопрос о восстановлении Польши с Россией в ожидании победы этой последней и слияния под ее покровительство в одно целое трех бывших польских областей; вторая основывала восстановление Польши на победе австро-венгерской монархии, на присоединении этой державой польских областей России и на преобразовании двойственной австро-венгерской монархии в тройственную.

Этот основной раскол на три партии продолжался в принципе в течение всей войны. Изменения, происшедшие по мере того, как развертывалась война, в общей политической обстановке, на которой каждая из этих трех партий основывала свою политическую идею и свои способы действий, должны были конечно повлиять на них и вызвать соответствующий сдвиг как внутри этих партий, взятых отдельно, так и в их взаимоотношениях. Момент, когда вспыхнула русская революция 1917 г., отметил прежде всего поворот в этой эволюции и подразделяет историю Польши во время мировой войны на два совершенно самостоятельных периода: один — период борьбы партии независимости против внутренней инертности и против соглашательской политики двух остальных партий; другой характеризуется исчезновением соглашательских мыслей в пользу осуществления чисто национальной

---

[1] Во всех случаях, где говорится о польском „обществе", следует понимать буржуазию. Автор ни слова не упоминает о позиции рабочего класса. *Ред.*

ной программы, опираясь на союзные державы (Антанту) [1].

Шестое августа 1914 г. Первый период начался вооруженным выступлением против России.

Оставаясь верным своей главной идее, Пилсудский быстро мобилизовал „Стрелковый союз", во главе которого он находился, и принял командование „стрелковыми отрядами", бывшими до тех пор самостоятельными, и 6 августа 1914 г. за несколько часов до объявления Австрией войны России выступил во главе первых призванных частей, перешел австро-русскую границу и захватил местности, аннексированные Россией, объявляя таким образом войну последней [2]. За этими первыми отрядами последовали другие, достигшие в течение нескольких дней 6 пехотных батальонов и 1 кавалерийского отряда. Вступая в стычки с русскими конными прикрывающими частями, Пилсудский продвинулся внутрь страны и 12 августа занял Кельцы, посеял панику среди русских властей и частично дезорганизовал мобилизацию в пограничной полосе.

Все же расчеты, на которых Пилсудский основывал свой план действий, не сбылись; они были преждевременны. Он рассчитывал, что его вмешательство вызовет в русских провинциях общее восстание, которое имело большие шансы на успех в то время, как Россия находилась в разгаре мобилизации и не чувствовала себя вполне уверенно на польских землях, составлявших передовой театр военных действий, но население этих областей заняло пассивную позицию и беспрекословно подчинилось русской мобилизации и включению многих тысяч поляков в ряды иностранной армии [3].

Польские легионы. При этих условиях перед Пилсудским встала необходимость компромисса. Жестокая действительность мешала немедленному осуществлению обширного плана восстания большого размаха с далекими

---

[1] В широких кругах польской буржуазии и прежде всего у „пилсудчиков" эта эволюция характеризуется банкротством австрофильской ориентации в пользу антантофильской. — *Ред.*

[2] Партизанское выступление Пилсудского происходило конечно с ведома австрийского командования, хотя только 27 августа, после создания верховного национального комитета в Кракове и его верноподданнических заявлений, последнее дало формальное согласие формировать легионы, т. е. части, более значительные. — *Ред.*

[3] На самом деле в силу антинемецких настроений польского крестьянства мобилизация в русскую армию в 1914 г. произошла сравнительно исправно. — *Ред.*

целями [1]. Тем более являлось необходимым создать национальную армию, несмотря на целый ряд препятствий всякого рода, хотя бы временно окольными путями. Намеченной целью было бросить самый факт ее существования, имеющий большое моральное значение, на весы исторических событий, развертывавшихся в течение этого великого периода. Результатом этого компромисса явилось образование под покровительством Австрии, при полном содействии всего ее польского населения, польских легионов [2]. К концу 1914 г. они состояли из 2 пехотных бригад по 2 полка, 1 полка конницы и дивизиона артиллерии в каждом из них. В 1915 г. была создана третья пехотная бригада.

Бои польских легионов в течение 2 лет на различных участках австро-польского фронта превратили их в первоклассные формирования, обладавшие наивысшими боевыми достоинствами. Но этим не ограничивалась их задача, она включала в себе гораздо более обширную задачу, выходящую за рамки чисто военной деятельности. Уже фактом своего основания они являлись с точки зрения партии независимости политическим фактором, который должен был окончательно перенести польский вопрос на международную арену, подчеркивая жизненную необходимость его урегулирования.

Поэтому Пилсудский, мыслям и действиям которого легионы были обязаны своим существованием и который оставался их моральным вождем, хотя фактически командовал только первой бригадой, настойчиво и энергично сопротивлялся всем попыткам австрийского правительства уменьшить политическое значение легионов. Он энергично вел борьбу в среде польского общества, представленного верховным национальным комитетом, усматривавшим в легионах один из факторов политики, основанной на довоенной концепции восстановления Польши в рамках австро-венгерской монархии.

Но год войны прошел, не произведя заметного сдвига в польском вопросе. Ни одно из заинтересованных государств не высказалось конкретным образом и не дало обещания на этот счет, ограничиваясь более или менее

---

[1] Планы Пилсудского сильно преувеличены автором. Конкретно Пилсудский ставил вопрос лишь об организации диверсионной работы на тылах русской армии под контролем австро-германского командования. — *Ред.*

[2] По правилам австро-венгерского командования в легионы могли зачисляться русские подданные, а австрийские — только невоеннообязанные, включая в число последних и ополчение.— *Ред.*

торжественными и напыщенными прокламациями, обращенными к польскому народу [1]. Зато результат военных действий на востоке создал новое положение, с которым Пилсудскому при его планах приходилось считаться. Русская армия, разбитая летом 1915 г., должна была произвести большое отступление на восток, освобождая большую часть польских земель, которые были заняты германской и австро-венгерской армиями и на которых они обосновались в то время, как обессиленная русская армия с каждым днем теряла свою боеспособность и становилась совершенно не способной ко всякому решительному контрнаступлению. Итак наступило время, когда все внимание должно было быть сосредоточено на центральных европейских державах, являвшихся тогда победительницами. Представлялось два исхода: или немедленно приступить во всей стране к военным приготовлениям против последних, используя для этой цели силы, временно не нужные для борьбы с Россией, или оказать на них сильное политическое давление.

Пилсудский поэтому предписал приостановить добровольный набор в легионы и приступил вместо этого к созданию на польских землях, занятых войсками центральных держав, подпольной военной организации, развивая для этого и восстанавливая польскую военную организацию, существовавшую там с осени 1914 г. [2]. В короткий срок польская военная организация, обычно называемая сокращенно ПОВ, действующая в тесном контакте с легионами и опираясь на них, смогла привлечь в свои ряды и дать военную подготовку нескольким тысячам членов, становясь таким образом внутри страны серьезной и угрожающей для обоих государств силой, тем более что она была подпольной.

Наряду с этой организацией Пилсудский предпринял энергичные действия при посредстве „совета полковников“ [3], организации одновременно военной и политической,

---

[1] Стиль этих прокламаций копировал Пилсудский во время своих „походов“ 1919 и 1920 гг. — *Ред.*

[2] Эта организация возникла на территории германской оккупации с разрешения командования IX германской армии (Гинденбурга), с которым 21 октября она, выступая под вывеской так называемой „польской народовой организации“, заключила договор о сотрудничестве в пользу германской армии (вербовка в легионы, разведка, контрразведка, диверсия, пропаганда и т. п.). — *Ред.*

[3] „Полковничьи“ традиции сохранились по настоящее время как метод формирования Пилсудским современных фашистских правительств в Польше.— *Ред.*

опирающейся на различные формации легионов. Эти действия имели целью придать легионам характер вполне национальной армии и заставить центральные державы определенно высказаться по польскому вопросу в смысле независимости.

Провозглашение независимости Польши центральными государствами. Революция в России. Ответ был дан 5 ноября 1916 г. в форме официальной декларации германского и австро-венгерского императоров о создании независимого польского государства. Фактором, заставившим центральные державы принять решение, было их тогдашнее военное положение. В середине 1916 г. германское командование поняло, что силы его и его союзников истощаются и что без значительного подкрепления человеческим материалом они не смогут довести войну до благополучного исхода. Это подкрепление должно было быть доставлено именно русской Польшей в виде созданной из кадров легионов сильной польской армии, которая освободила бы часть германских сил на востоке, позволяя использовать их для решительных операций на западноевропейском фронте.

Несмотря на то, что ноябрьский акт обоих императоров содержал лишь обещание создания польского государства, откладывая на будущее его выполнение, значение акта в польском вопросе вследствие его международной постановки было огромно. Его прямым следствием [1] явилась декларация русского временного правительства от 30 марта 1917 г., провозгласившая независимость польского государства и развязывавшая этим, в широком смысле этого слова, руки союзных держав (Антанты), связанных до тех пор в этом вопросе своим союзом с Россией. С другой стороны этот акт оказал большое влияние в том смысле, что опрокинул существовавшие реальные основы односторонней концепции, заключавшейся в стремлении разрешить польский вопрос в австрийских рамках. Влияние этой концепции в широких массах населения исчезло.

Все же надежда, что Германии удастся склонить Польшу на свою сторону для борьбы против Антанты, исчезла по всей линии. Иосиф Пилсудский, вошедший в состав поль-

[1] Прямой связи между „актом 5 ноября" и декларацией временного правительства не было, но между австро-германским и русским империализмом на самом деле неизбежно происходило соперничество, вызывавшееся стремлением использовать польский вопрос в собственных целях. — *Ред.*

ского государственного совета, созданного правительствами центральных держав, сделался рупором почти всего польского общества и решительно и безоговорочно воспротивился созданию польской армии на условиях, предложенных Германией, настаивая на полном осуществлении ноябрьского акта и действительной передаче управления страной в руки поляков.

В это время вспыхнула революция в России и наступил самый критический момент для польского вопроса и для политики Польши. Партия независимости так же, как и государственные деятели, которые связывали мысль о восстановлении Польши с победой России, сделали из факта революции необходимые выводы [1].

Для Пилсудского русская революция обозначала выход из строя, по крайней мере на время, России как противника Польши и являлась исходной точкой для решительной оппозиции другим противникам Польши — центральным империям. В июле 1917 г. по приказанию Пилсудского польские легионы, предварительно снятые с фронта и рассеянные на территории германской оккупации, отказываются в громадном большинстве принести присягу фиктивному польскому правительству, установленному немцами, — государственному совету, так как эта присяга обязывала к верности и братству по отношению к армиям центральных держав.

Этот отказ вызывает сильный кризис. Отказавшиеся принести присягу частью — выходцы русских провинций — были заключены в лагерях военнопленных, частью — австро-венгерские подданные — были включены в ряды австрийской армии. Части, принесшие присягу, были переданы в распоряжение австрийского командования. Лишь одна, очень слабая численностью, группа осталась на территории, занятой немцами, и здесь образовала „польскую вооруженную силу", в которой немцы хотели видеть несмотря ни на что кадры подчиненной им столь желанной польской армии и доказательство, что Польша остается на стороне центральных держав. В то же время германские и австрийские власти преследуют польскую военную организацию, добиваясь ее полного уничтожения.

---

[1] Эта фраза означает полное банкротство как политики Пилсудского, так и политики эндеков — сторонников опоры на царское правительство, которые перешли на чисто антантофильскую позицию в результате Февральской революции в России. — *Ред.*

Объявив таким образом войну центральным державам, Пилсудский намеревался уехать в Россию[1], где он видел большие возможности для создания польской независимой вооруженной силы и естественную оперативную базу против центральных держав в согласии с Антантой. Отдавая себе отчет в опасности, которую для них представляла политика Пилсудского и он сам, немцы решают обезвредить его и заключают в Магдебургскую крепость.

Польские воинские формирования на востоке. На самой русской территории русская революция (Февральская) действительно создала благоприятные условия для развития действий польской партии независимости[2]: она создала исходные данные для образования польских воинских частей, для выделения польских солдат из русских войск. Необходимо здесь упомянуть, что попытка создать добровольческую армию в пределах русской армии, сделанная перед самым началом войны политическими деятелями — сторонниками политической ориентации на Россию, не дала никаких результатов. Так называемый Пулавский легион, созданный в октябре 1914 г., вскоре потерял свой отличительный национальный характер и утонул в потоке русской армии. Его идея не встретила никакого отклика в польском обществе; русское правительство также не благоприятствовало ей. Одна лишь Февральская революция вызвала среди польских солдат стихийное движение в пользу объединения в отдельные части; движение это стало быстро расти по мере того, как росла дезорганизация русской армии. На различных участках фронта стали создаваться „союзы польских военных", из которых позднее зародился „польский военный комитет", орган, направляющий общие действия.

Партия независимости с целью вполне использовать это движение, соответствующее польским интересам, постаралась непосредственно связаться с ним внутри страны. Мысль о создании польской армии, неоднократно высказываемая в продолжение 3 лет Пилсудским с целью использовать ее в борьбе за независимость, ставится по-новому,

---

[1] Если бы это случилось, то после Октябрьского переворота мы имели бы дело с польскими контрреволюционными частями, возглавляемыми Пилсудским вместо Довбор-Мусницкого и др. — *Ред.*

[2] Эти действия партии „независимости" привели к формированию белых польских частей при помощи Антанты в союзе с русской контрреволюцией (Деникиным, Колчаком и др.). Политически сплотились в этой работе как „эндеки", так и „пилсудчики", включая ППС. — *Ред.*

и новое понимание находит свое выражение в выборе первым общим съездом „военных поляков" в июне 1917 г. Пилсудского почетным председателем. Если его лозунг не вполне смог быть осуществлен, то это было вызвано с одной стороны усталостью и истощением от продолжительной войны, вызвавшими в массе солдат желание возможно скорее быть демобилизованными и вернуться на родину, с другой стороны — недостаточной осведомленностью о положении дел в стране и ее враждебным настроением по отношению к немцам, несмотря на внешнее признание.

Главным центром организации был I корпус ген. Довбор-Мусницкого в Белоруссии. Два других крупных соединения образовались на Украине — II и III корпус. Организационная работа делала быстрые успехи, и численность частей непрерывно росла.

Все же в конце 1917 г. благоприятные вначале условия испортились вследствие большевистской революции и враждебного отношения большевиков к польским формированиям, которые они считали контрреволюционными[1]. I корпус вскоре очутился в тяжелом положении. Он сначала вступил в бой с большевистскими отрядами, затем в конце февраля 1918 г. пришел в соприкосновение с германскими войсками, которые в это время ввиду нежелания советского правительства заключить мир начинают наступление на восток. Германцы хорошо понимают опасность, которую представляют для них польские военные формирования на востоке, поэтому, лишь только они вошли с ними в соприкосновение, они стремились их уничтожить. Вопреки идее, которая руководила образованием польских частей в России, ген. Довбор-Мусницкий, не стараясь найти другого выхода из этого жалкого положения, подчиняется германским требованиям и 22 мая 1918 г. без протеста и без сопротивления соглашается на капитуляцию своего корпуса[2].

Почти в то же самое время II корпус уничтожен на Украине. История этого корпуса тесно связана с историей польских легионов. Часть легионов, которая после кризиса с присягой находилась на австрийском фронте Буковины, при известии о сепаратном мире, заключенном в Бресте

[1] Как показал вскоре ход событий, советское правительство и командование правильно считали их контрреволюционными. — *Ред.*

[2] Автор не уточнил, что в феврале Довбор-Мусницкий, забыв о „патриотизме" во имя классовой ненависти к пролетарской революции, заключил договор с немцами и получил от них для оккупации часть Белоруссии.—*Ред.*

центральными державами с Украиной, вследствие которого часть национальной территории[1] отходила к украинскому государству, присоединилась к порыву протеста, который ввиду этого нового раздела поднял всю страну. Она это выражает, прокладывая себе дорогу с оружием в руках 15 февраля 1918 г. через австрийский фронт к востоку, где присоединяется к II польскому корпусу и сливается с ним в одно целое.

Командование реорганизованным корпусом, в котором части легионов благодаря их идеализму[2] занимают господствующее положение, было принято ген. Иосифом Галлером.

В середине апреля 1918 г. корпус был расположен в районе Канева на Днепре, к югу от Киева. Здесь, как и I корпус, польские части пришли в соприкосновение с германскими войсками, которые после Брестского мира под предлогом умиротворения страны совместно с австрийскими войсками заняли Украину. На предложение немцев сдаться и сложить оружие корпус ответил приготовлениями к бою. 11 мая немцы атакуют его. После упорного боя, продолжавшегося весь день, в течение которого немцы понесли большие потери — 1 500 убитых и раненых, корпус уступил численности и сложил оружие.

Последний из польских восточных корпусов, III, никогда не достиг численности и степени организации первых двух и мало-по-малу был совершенно рассеян.

После того как немцы покончили с польскими корпусами, часть их людского состава была перевезена на родину и демобилизована. Другая часть, желавшая во что бы то ни стало бороться под польскими знаменами[3], проложила себе путь через восставшую Россию к Мурманску, чтобы оттуда соединиться с польской армией, образовавшейся

---

[1] Подразумевается Восточная Галиция, от которой не хотела отказаться польская буржуазия. — *Ред.*

[2] В польском издании „идейное напряжение" чересчур просто определяется автором как сложная борьба интриг разных группировок, чтобы обеспечить свою кандидатуру. Агент Пилсудского Голувко, поддерживавший кандидатуру пилсудчиков, в своей книге „Через два фронта" описывает подробно свои интриги, характеризуя Галлера как человека, „высокое мнение которого о себе не соответствует определенной программе действий и не вытекает из величины духа и силы характера". — *Ред.*

[3] Эти дивизии, „желающие во чтобы то ни стало бороться под польскими знаменами", фактически боролись по указанию Антанты против пролетарской революции как в то время, когда еще не было независимой Польши, так и после того, как она создалась. — *Ред.*

во Франции, а другие вошли в соединения, образовавшиеся на русской территории. Последние образовали впоследствии 2 дивизии, вошедшие в состав польской армии во Франции, но на деле оставшиеся отдельными польскими частями на востоке. Это были: 1) 4-я пехотная дивизия ген. Желиговского, которая после годичного пребывания в областях, занятых антисоветской русской армией Деникина, возвратилась в Польшу в середине 1919 г., с оружием в руках пройдя через Румынию; 2) 5-я (Сибирская) дивизия, которая после ухода русской антисоветской армии Колчака отступила через Сибирь вместе с экспедиционными частями Антанты и затем морем также вернулась в Польшу летом 1920 г.

Польша и Антанта. Польская армия во Франции. Что же касается партии, стремившейся восстановить Польшу, опираясь на Россию[1], она не нашла у русского правительства сочувственной поддержки своим планам, несмотря на несколько сделанных в этом направлении попыток во время первых двух лет войны; русская революция и официальное признание русским правительством прав Польши на независимость, принятое с восторгом правительствами Антанты, создали условия, позволяющие выйти из узких рамок польско-русского соглашения и искать разрешения польского вопроса в непосредственной поддержке Польши. Робкие попытки в этом направлении уже были сделаны до того, но не были продолжены из-за союза западных держав с Россией, которая хотела рассматривать польский вопрос как чисто внутреннее дело. Эти попытки не выходили из рамок пропаганды, которая должна была выявить международное значение польского вопроса. Принимая во внимание новую конъюнктуру общей политики и главным образом внутреннюю дезорганизацию, которая усиливалась в России вследствие большевистской революции[2], польский вопрос становился на первом месте для Антанты и в частности для Франции и требовал положительного разрешения в смысле установления независимого и объединенного польского государства. В августе 1917 г. группа польских политических деятелей в Париже основала национальный поль-

---

[1] Автор имеет в виду противников Пилсудского—эндеков, которые после Февральской революции в России совершили новый маневр, перейдя на антантовскую ориентацию, считаясь теперь с русской буржуазией менее, нежели с русским царизмом в прошлом. — *Ред.*

[2] Новая конъюнктура для польской буржуазии заключалась в том, что можно было сыграть на контрреволюционной роли Польши в гражданской войне и интервенции против революции. — *Ред.*

ский комитет под председательством Дмовского. Комитет взял на себя управление и представительство польской политики перед союзными государствами, управление политическими делами и делами польской армии, организованной во Франции с июня 1917 г. Франция, Англия, Италия и Соединенные штаты признали комитет „официальным польским органом". Этот характер и был сохранен за польским комитетом, находившимся вдали от страны и не имевшим непосредственного влияния на развертывающиеся там события; он с успехом хлопотал о поддержке Антантой притязаний Польши и подтверждении ее прав на независимость и единство до того времени, пока получил из рук настоящего польского правительства в Варшаве полномочия и взял на себя защиту интересов Польши на мирной конференции.

Непоколебимая симпатия поляков к Франции была причиной, что многочисленные поляки[1], жившие во Франции в момент объявления войны, вступили добровольцами в французскую армию. В течение первых месяцев войны были созданы в 1-м полку Иностранного легиона отдельные части из поляков, которые позднее стали называться „байонцами" и „рюэльцами" (по месту их формирования в Байонне и Рюэле). Только в 1917 г. события сделали возможным организацию автономной польской армии, подчиненной французскому верховному командованию, но сражавшейся под польскими знаменами. Условия этой организации были определены декретом президента французской республики от 4 июня 1917 г. Как было сказано выше, политическое представительство этой армии было принято национальным польским комитетом. Руководство организационной работой было поручено франко-польской военной миссии.

Первоначальное ядро армии состояло из офицеров и солдат французской армии, поляков или польского происхождения; ряды польской армии мало-по-малу увеличивались добровольцами, в большом числе прибывавшими из Америки, добровольно вступавшими военнопленными поляками из германских и австро-венгерских армий и наконец с весны 1918 г. — выходцами из разбитых восточных кор-

[1] Относительно „многочисленные", так как польских эмигрантов во Франции было немного. Несомненно однако, что значительная часть этой эмиграции поддалась шовинистическому угару так же, как поддалось ему под влиянием шовинистической агитации значительное количество польских эмигрантов в США. — *Ред.*

пусов. В июле 1918 г., когда часть армии уже сражалась на германском фронте, во главе ее находился ген. Иосиф Галлер, бывший командующий 2-й бригадой польских легионов, прибывший из России во Францию.

После перемирия в ноябре 1918 г. польская армия во Франции состояла из 4 вполне организованных и прекрасно снабженных дивизий.

В последний год войны польские усилия и общеполитическая конъюнктура привели к прямой и безоговорочной постановке польского вопроса на международной арене[1]. Заявление президента Соединенных штатов от 8 января 1918 г. и впоследствии постановление конференции глав английского, французского и итальянского правительств от 3 июня 1918 г. поставили возрождение независимой и объединенной Польши с доступом к морю как одно из основных условий продолжительного и справедливого мира и восстановления права в Европе.

Накануне поражения центральных государств. Польская военная организация. Итак краеугольным камнем восстановления Польши явилась победа союзных держав и поражение центральных империй. Это стало очевидным для всего польского общества как внутри, так и вне границ страны. Немногочисленная группа тех, которые придерживались положения, определяемого ноябрьским актом центральных империй, с регентским советом как мнимопольским правительством, пожалованным этими державами, не могла претендовать на то, что она представляет общественное мнение, так как с трудом удерживалась на поверхности национальной польской жизни.

Зато в вопросах, касающихся методов действий и степени, в какой следовало делать выводы из военных событий, мнение страны не было единогласным. Те, которые пришли к Антанте посредством соглашения с Россией, оставались представителями политики пассивного выжидания. Наоборот лагерь независимости, сторонников Пилсудского, удвоил свою враждебность к центральным государствам, так ясно выраженную с 1916 г.

Не ограничиваясь одной пропагандой, Пилсудский продолжал свою военную организаторскую деятельность

[1] Поддержка, которую получила в 1918 г. польская буржуазия со стороны Антанты, объясняется с одной стороны стремлением последней ослабить Германию, с другой стороны—более важным планом Антанты—создать на западной границе советских республик сравнительно сильное польское государство для интервенции против них.—*Ред.*

с целью активно выступить в нужный момент против захватчиков. Польская военная организация смогла удержаться, несмотря на репрессии всякого рода, и не переставала усиливаться и развиваться, простирая свои ответвления во всех провинциях. Напряженность этой деятельности возрастала по мере того, как развитие операций на различных фронтах делало неизбежным в ближайшем будущем истощение сил центральных империй и их окончательное поражение.

Командование польской военной организацией имело уже с мая 1918 г. вполне разработанный план выступления против оккупантов, который должен был быть приведен в исполнение, когда ослабление неприятеля, вытекающее из общей стратегической обстановки, обеспечит необходимый минимум шансов на успех. Предусматривался в первую очередь захват власти на территории австрийской оккупации, где низкий моральный уровень австро-венгерских войск облегчал эту задачу; затем все усилия должны были быть направлены против германской оккупации. Выжидая благоприятный момент, который казался все ближе и ближе вследствие общего наступления Антанты на Западном фронте, польская военная организация развила диверсионный маневр и террористическую деятельность в стране, на Украине и в Белоруссии, занятой войсками центральных держав [1].

Время, когда так давно начатые военные приготовления должны были дать самым блестящим образом для будущего Польши свои результаты, быстро приближалось.

Глава II.

Ноябрьская революция 1918 г. в Польше.

(См. схему 1 в конце книги).

Поражение центральных государств и его влияние на положение в Польше. Последнее громадное усилие, предпринятое немцами в марте 1918 г. на Западном фронте с целью вырвать победу у своих противников, было сломлено. В середине июля союзники в свою очередь перешли

[1] Детали этой диверсионной работы в 1918 г. против германских оккупантов мало известны. Более известны детали этой работы в 1919 г., направленные против Советской Белоруссии и Советской Украины, при совершенно другой обстановке, но той же организацией. — *Ред.*

в общее наступление. Военная мощь Германии истощалась и разваливалась под удваивавшимися ударами. Германский фронт на западе беспрерывно отступал. В середине сентября болгарский фронт трещал. Болгария просила мира и капитулировала. Поражение центральных держав стало неминуемым. В начале октября Германия, Австро-Венгрия и Турция просили мира. 11 ноября было подписано перемирие, продиктованное главнокомандующим Антанты, ген. Фошем.

Эти события оказали сильное влияние на положение в Польше. Большая часть населения усиливала свое враждебное отношение к центральным державам[1]. Широкая пропаганда, которую вела против них партия независимости, усиливалась и делалась все более напряженной. Вызывающая наступательная активность Польской военной организации развивалась. Диверсионная и террористическая работа с каждым днем принимала все большие размеры. В середине октября на всей занятой территории в многочисленных пунктах происходили одновременные нападения на германские учреждения и войска. Кое-где дело доходило до регулярных боев. Германские прокламации свидетельствуют, в какой мере эти операции оказывали влияние; эти прокламации грозили превратить Польшу в кучу развалин, если она не прекратит свою „преступную деятельность".

Обратившись с просьбой о мире, центральные империи потеряли последнюю и единственную основу, на которой держался их престиж в широких массах общества, сознание их военной мощи.

Разложение Австро-Венгрии. Непосредственное влияние их общего поражения сказалось главным и самым сильным образом на Австро-венгерской монархии. Внутренняя дезорганизация Австро-Венгрии, угроза полной гибели вполне ясно обрисовались уже в конце сен-

---

[1] В польском издании имеется следующий абзац: „Связанный с Германией регентский совет вместе со своим кабинетом министров стоит совершенно вне национальной жизни, лишенный всякого на нее влияния как фактического, так и морального. Подчиненная формально верховной власти регентского совета, в действительности же зависящая от германского генерал-губернатора фон-Безелера, „польская вооруженная сила" не составляет действительного фактора; несмотря на существование на территории обеих оккупаций сети территориальных организационных вербовочных центров, численное развитие этой силы не удается". Из-за ликвидации представительства этого гнилого регентского совета в Москве польское правительство (социал-предатель Василевский) вскоре стало посылать советскому правительству угрожающие дипломатические ноты. — *Ред.*

тября. Австрийское правительство это поняло и старалось найти якорь спасения в превращении монархии в национальное союзное государство. Но этот план уже был нереален, и самый манифест императора от 16 октября, который должен был образовать основу для проведения в жизнь этого плана, оказался беспредметным актом. Центробежное национальное движение народов монархии к независимости было слишком сильным и зашло слишком далеко, чтобы его можно было остановить. Тяжелое военное поражение, перенесенное на итальянском фронте вследствие итальянского наступления от 26 октября, окончательно определило распадение монархии, совершившееся изнутри.

Польские земли, бывшие тогда под австрийским владычеством, состояли из:

княжества Цешинского (австрийская Силезия), с давних пор принадлежавшего Австрии, но польского по расе и по культуре;

из аннексированных провинций в собственном смысле, включавших Западную Галицию с Краковом и Восточную Галицию (западную Украину) с Львовом;

областей, оккупированных вследствие военных операций, т. е. южной части Конгрессового королевства (Царства Польского), с значительными городскими центрами— Ченстоховом, Петроковом, Кельцами, Радомом и Люблином.

Каждая из этих трех областей, или провинций, имела свою особую систему управления. Цешинская Силезия была непосредственно подчинена центральным австрийским властям; Галиция пользовалась автономным управлением; оккупированные области находились под властью генерал-губернатора, находившегося в Люблине. Последствием этого положения было, что освобождение польских земель от австрийского подчинения не протекало по однородному руслу, и хотя происходило одновременно и на общей основе, но в каждой области протекало различным способом.

Переворот в Галиции и в Цешинской Силезии. 15 октября польские члены государственного совета издали заявление, что они считают себя подданными и гражданами польского государства. 28 октября в Кракове образовалась польская ликвидационная комиссия, состоящая из представителей почти всех польских партий, которая взяла на себя власть в Галиции от имени польского государства.

Все административные посты были ловко и быстро заняты. То же было и с военными должностями. Во главе военной администрации польская ликвидационная комиссия назначила ген. Роя, бывшего командира 4-го пехотного полка польских легионов. 31 октября он принял на себя командование краковским генерал-губернаторством и приступил к разоружению австро-венгерского гарнизона. В то же время были разоружены австро-венгерские гарнизоны в провинциях. Эта операция была выполнена бывшими легионерами, в большом количестве рассеянными по стране, польскими солдатами австрийской армии, а также многочисленными провинциальными организациями ПОВ. Уход иностранных войск вскоре начался. Все вооружение и весь военный материал остался в руках поляков.

Все же переворот в Галиции не сумел охватить эту провинцию целиком; в ее восточной части захвату власти поляками предшествовал украинский переворот. Он являлся следствием трений, существовавших между двумя национальностями, обитающими на одной и той же территории, и плодом австрийской политики, сознательно стремившейся обострить польско-украинский конфликт и воспользоваться им для ослабления положения поляков в Австрии, превращая часть польской территории в частное владение Короны [1]. Для приведения в исполнение этой политики австрийские власти к концу октября совершенно закончили освобождение Восточной Галиции от военных формирований, составленных из польских элементов, и заменили их частями, состоявшими целиком или в большинстве из украинских элементов. Украинское политическое представительство — национальный украинский совет — воспользовалось этим положением вещей и решило поставить своих соперников перед совершившимся фактом организации в Восточной Галиции украинского государства, занимая эту провинцию и захватывая ее.

В ночь с 31 октября на 1 ноября украинцы заняли Львов и взяли в свои руки управление всей областью к востоку от Сана. Самопроизвольная защита польского населения Львова, предпринятая 1 ноября, отметила начало польско-украинской кампании.

---

[1] Таким образом создание Украинской республики в Восточной Галиции автор приписывает австрийским интригам в то время, как стремление к самоопределению украинского населения Восточной Галиции было вполне естественным ввиду того, что оно, а не поляки, было национальным большинством в этой области.—*Ред.*

Захват власти в Цешинском княжестве от имени польского государства был произведен национальным польским советом, образовавшимся там 1 октября. Предупреждая враждебные намерения немцев и чехов, заявивших притязания на эту провинцию, национальный польский совет объявил 30 октября возвращение Цешинского княжества освобожденной независимой и объединенной Польше и захватил временную верховную власть над этой провинцией.

Действия, предпринятые польскими солдатами австрийской армии, имели результатом разоружение в течение 31 октября самого значительного цешинского австро-венгерского гарнизона, а впоследствии разоружение остальных, менее значительных гарнизонов.

Переворот на территории австрийской оккупации. 1 ноября переворот распространился до районов оккупации. Революционный лозунг был брошен „главным комендантом" польской военной организации полковником Рыдз-Смиглым, бывшим командиром 1-го пехотного полка польских легионов, предписавшим разоружение австрийских войск на своей территории. Приказ был ловко и быстро приведен в исполнение среди всеобщего восторга и при деятельном участии широких слоев населения. Австрийские войска не оказали сопротивления, бросили свое оружие и стихийно в беспорядке демобилизовались.

Итак с первых же дней ноября значительная часть польской территории, все области, присоединенные к Австрии, за исключением Восточной Галиции, и части старых областей, присоединенных Россией, оказались в руках поляков.

Временное правительство в Люблине. Организация вооруженной силы. Вопрос о том, кто будет властью, которая водворит порядок во всем этом хаосе и будет руководить дальнейшим ходом событий, стал на первом плане. Регентский совет пытался выполнить эту задачу, но конечно безуспешно. Бездна, легшая между ним и страной вследствие его сотрудничества с центральными империями, его социальный облик, не отвечающий радикальным устремлениям, охватившим тогда массы общества, его постоянная зависимость от германских оккупационных властей невзирая на кажущуюся эмансипацию, как например прокламация от 7 октября к нации об объединении и независимости Польши или как предоставление Пилсудскому портфеля военного министра, являлись препятствием к тому, чтобы он сделался авторитетом, которого требовали обстоятельства на сво-

бодной и независимой польской земле. Комиссар, назначенный регентским советом для Галиции, не был принят польской ликвидационной комиссией в Кракове, объявившей себя единственной временной ответственной властью в этой стране. Гражданский комиссар и военный комендант, посланные регентским советом в Люблин, чтобы взять власть на территории прежней оккупации, не смогли приступить к исполнению своих обязанностей. Событиями могло управлять только правительство, вышедшее из рядов партии независимости, партии, олицетворявшей в течение всей войны идею полной независимости, правительство создателя превращений, происшедших за это время в сознании большинства нации [1]. Таким образом 7 ноября в Люблине было объявлено временное правительство „народной республики" под председательством Игнатия Дашинского. Портфель военного министра и командование вооруженными силами доверялись ген. Рыдз-Смиглому.

Лица, стоящие у власти в бывших присоединенных областях, а также и на территории оккупации, очутились лицом к лицу с задачей, одинаково трудной как внутри страны, так и вне ее. Над всеми вопросами преобладала необходимость создать в возможно короткий срок вооруженные силы, которых требовало и внутреннее положение, и внешние опасности. Во многих местах вспыхивали опасные восстания социального характера [2], например в южных округах Люблинского района, в Домбровском бассейне, в Тарнобжеге. Бандитизм усиливался в районе Кельц. Одновременно кучка защитников Львова, окруженная со всех сторон, взывала о немедленной помощи. Вторжение восставших войск Днепровской Украины угрожало с востока Холмской области. В районе Бреста были сосредоточены большие германские силы, позиция которых вызывала опасение всяких неожиданностей. Наконец взоры населения освобожденных местностей были обращены к столице Варшаве, еще занятой немцами. Все отдавали себе отчет, что только ее освобождение создаст действительные условия для восстановления независимого и объединенного государства.

---

[1] Под этим подразумевается правительство ППС, которое, обманув народные массы названием „рабоче-крестьянское" и обещаниями „социальных реформ", сумело удержаться до января 1919 г., расчистив дорогу блоку правых с центром.—*Ред.*

[2] Автор подтверждает наличие революционного движения рабочего класса и крестьянства, подавить которое взяла на себя партия независимости—ППС вместе с Пилсудским.—*Ред.*

Кроме польской военной организации легионеры и солдаты бывших польских формирований в России послужили активом для создания вооруженных сил. Последние имели основанием добровольный набор—единственно возможный способ набора при существующей обстановке[1], причем одновременно использовались центры военной организации, оставшиеся после ухода австрийцев. Первые части образовались стихийно в виде самостоятельных местных пехотных частей, все же немедленно было произведено их слияние в соответствующие кадры в военных округах, специально организованных для этой цели ген. Роем и ген. Рыдз-Смиглым.

Главное ядро сил было поглощено на месте, по мере его создания, службой внутренней безопасности[2]. Все же не пренебрегались и острые нужды полосы военных действий. Уже с 9 ноября первые свободные части были переброшены из Кракова по направлению к Львову и отняли Перемышль у украинцев. Другой отряд, также предназначавшийся в помощь защитникам Львова, был быстро сформирован в Люблине. В Холме были созданы части, предназначавшиеся для защиты линии Буга от вторжения частей из правобережной Днепровской Украины.

Переворот на территории германской оккупации. 10-го в свою очередь вспыхивает переворот на территории, занятой германскими войсками.

Количество германских чиновников и солдат на всех занятых территориях можно считать в 80 000 чел., из которых большая часть (30 000, в том числе 12 000 бойцов) была сосредоточена в Варшаве. Остальные были разбросаны маленькими группами по всей стране. 8 ноября при получении из Берлина известия, что вспыхнула революция и император отрекся от престола, варшавский гарнизон разложился. Генерал-губернатор фон-Безелер тайно и спешно покинул Варшаву, его штаб весь распался. Восставшие солдаты образовали солдатские советы, и офицерский корпус передал им в руки беспрекословно всю власть, прося лишь покровительства во имя национальной солидарности.

---

[1] В революционной обстановке буржуазия естественно в первую очередь могла приступить лишь к формированию частей чисто белогвардейского и фашистского типа. — *Ред.*

[2] Подавление революционных выступлений рабочего класса и крестьянства—вот главная задача польской армии в первый период ее существования. — *Ред.*

Солдатский совет в Варшаве[1], отдавая себе отчет, насколько уже давно была подорвана основа, на которой покоилась власть немцев в Польше, и боясь последствий активного выступления поляков, прежде всего постарался договориться с польской общественностью.

Предположения германского солдатского совета были вполне обоснованы. Главнокомандующий польской военной организацией на территории, занятой немцами, не ожидая приказаний из Люблина, посланных между прочим одновременно и в Варшаву, приказал приступить 10 ноября к общему разоружению немцев.

10 ноября утром приезжает в Варшаву освобожденный германской революцией из Магдебургской крепости Иосиф Пилсудский. Приезжает тот, кто с давних пор был единственно предназначенным взять в руки управление возрождающейся страной. Это произошло в соответствии с естественным ходом вещей, как бы автоматически. Акт регентского совета от 11 ноября, передающий Пилсудскому военную власть и верховное командование над польской армией, и от 14 ноября, передающий ему всю государственную власть, являются лишь пустословными формулами.

Ликвидация германской оккупации, начавшаяся 10 ноября, продолжалась до 19-го.

В большинстве случаев разоружение было произведено польской военной организацией, сеть которой простиралась по всей территории до самых отдаленных местностей.

В Варшаве и в некоторых других важных пунктах сыграла важную роль кроме ПОВ также „польская вооруженная сила“ („Вермахт“). Офицеры и солдаты бывших польских корпусов усиленно помогали работе этих двух организаций. Главная часть германских войск была разоружена в ночь с 10-го на 11-е и в день 11 ноября.

Польские войска заняли наиболее важные пункты: были захвачены железные дороги, телеграф и телефон. Германские чиновники и служащие, воинские части, разбросанные по стране, за немногими исключениями, когда дело доходило до кровавых столкновений, в общем не оказывали сопротивления. Зато в Варшаве несколько отрядов сохранили свою боевую готовность, особенно когда 13 ноября из Берлина пришло известие, что солдатские советы должны

---

[1] Как большинство других, этот совет находился в руках социал-предателей. — *Ред.*

носить лишь совещательный характер, но действительная власть должна вновь перейти к офицерам.

Пилсудский, желая избежать излишней борьбы, удовлетворяя сразу после своего приезда в Варшаву выраженное перед этим германским солдатским советом стремление к соглашению, 11 ноября начал с ним переговоры на той основе, что германцы должны были оставаться спокойными и воздержаться от провоцирования поляков, при соблюдении чего им обеспечивалось возвращение на родину в кратчайший срок. Предложение германцев сохранить за собой управление главными железнодорожными путями, оставшимися в их руках: Варшава — Млава, Варшава — Калиш, Варшава — Ченстохов, которые являлись главными путями, ведущими в Германию, было отклонено, равно как и предложение пройти через Польшу походным порядком. 16 ноября по этому предмету была подписана конвенция. Руководство эвакуацией оставалось всецело в руках поляков. Германские части, сохранившие до тех пор свое оружие, увозили его с условием, что оно должно было быть сдано польским властям на последних пограничных станциях. На самом деле возвращение германцев польским транспортом было начато до подписания упомянутой конвенции, т. е. до 13 ноября. Положение снова обострилось вследствие решения, сообщенного солдатскому совету командованием германскими войсками в Бресте на Буге (Брест-Литовск) об оказании деятельной помощи германским частям, расположенным на территории генерал-губернаторства. Это являлось признаком опасности, которую могли представлять для Польши германские войска, начинавшие одновременно эвакуацию Украины и Белоруссии. Давление, оказанное на солдатский совет в Варшаве, помешало этому внешнему вмешательству. Солдатский совет, оставаясь в рамках конвенции, признал инициативу брестского командования излишней и вредной. Все же между частями польской военной организации и германскими войсками в районе Бялы и Мендзижеца завязалась регулярная борьба.

19 ноября вся территория была очищена от германцев. Последние германские части сдали свое оружие на границе.

Значение ноябрьского переворота. В общем низвержение иностранной власти, совершенное в октябре в большей части польского государства, произошло сравнительно легко благодаря слабости врага, и борьба ни разу не достигла большого напряжения. Все же это

стихийное освобождение страны от захватчиков и от оккупантов имело огромное значение и сильно повлияло на будущее восстановление польского государства.

Среди хаоса, царившего в международных отношениях в период ликвидации великой войны, все совершившиеся факты, каковы бы они ни были, неизбежно должны были оказать решительное влияние на новые отношения, в особенности в странах, где хаос был всего сильнее — на окраинах центральной и восточной Европы.

Таким совершившимся фактом и являлось предупредившее международные решения и постановления самопроизвольное создание польского государства на собственной территории, опирающего свою верховную власть на крепкой основе широких масс страны и имеющего собственную вооруженную силу, мощь которой быстро росла. Быстрое и своевременное создание государственного аппарата со всеми атрибутами сразу придало польской нации степень независимости, необходимую, чтобы положить широкие основы для построения единой и свободной Польши и потребовать то, что ей причиталось, и в случае необходимости добыть это силой[1].

Начало войны из-за границ и ее основные линии развития. Глашатаем свободного и независимого существования Польши в условиях того времени должен был быть и был прежде всего ее солдат[2]. Это он с первого же часа суще-

---

[1] Буржуазная Польша в то время отлично использовала весьма благоприятную для себя международную обстановку, когда она смогла сравнительно легко справиться с развалившейся оккупацией и, опираясь на поддержку Антанты, оказываемую ей в важнейших вопросах, быстро перейти к осуществлению своей захватнической политики, в частности на востоке, где ее захваты сопровождались борьбой с Советской республикой, что и нужно было Антанте. — *Ред.*

[2] В изложении Пшибыльского получается, что „польский солдат" был глашатаем польской независимости, боролся, „чтобы сохранить за родиной восточную Малопольшу и Львов", устанавливал „защитный кордон против красной волны, идущей от Москвы" и т. д. (стр. 58). Однако тут же автор добавляет (стр. 62), что „моральную силу" в начале войны могли проявить только добровольцы, т. е., иначе говоря, буржуазия, помещики и деклассированные элементы, так как массы рабочих и крестьян не шли в буржуазную армию добровольно. К концу кампании 1919 г., когда была завоевана Белоруссия и часть Украины наступлением многочисленной польской армии, насильственно мобилизованной, польский солдат „прикрывал своей грудью сердце государства" (стр. 142). Автор не объясняет в дальнейшем причин разложения польской армии, а именно, — как в 1920 г. произошла „моральная депрессия" в рядах солдат; скрыв методы восстановления боеспособности армии посредством полевых судов и шовинистической агитации, он не указал, как под Варшавой вновь наступил „психический перелом" (стр. 184). Все

ствования государства поднялся на защиту его прав, обеспечил свободу и безопасность его восстановительной работы, добивался причитающегося ему и достиг этого. Страницы истории двух первых лет существования возрожденной Польши являются главным образом страницами истории солдата и его подвигов.

Вот основные линии этой истории, чтобы читателю было легче ориентироваться в целом.

Первое действие, первое выражение вооруженной деятельности Польши было освобождение территорий, присоединенных к Австрии, оккупированных Австрией и Германией, совершенное в ноябре, затем немного позже—освобождение областей, захваченных Германией, т. е. Великопольши (Познанская область).

Вторым действием была стихийная деятельность с перерывами, не всегда проводившаяся по строгому плану, стремившаяся отбиваться от ударов и толчков, наносимых со всех сторон молодому государству. Эта деятельность занимает промежуток от ноября 1918 г. до апреля 1919 г. В это время польский солдат борется, чтобы сохранить за родиной восточную Малопольшу (Галицию) и ее столицу Львов; он сопротивляется далеко заходящим попыткам Днепровской Украины, устанавливает защитный кордон против красной волны, идущей от Москвы, отбивает внезапную атаку на один из очагов национального богатства—Цешинскую Силезию и ведет бои за полное освобождение колыбели пястовской династии — Великопольши [1].

Третье действие, это—сознательное и организованное усилие, совершенное, чтобы установить границы государства, отбрасывая изнутри страны советские и украинские войска. Это усилие началось со времени, когда увеличение и рост сил Польши позволили предпринять в большом масштабе хорошо подготовленные и хорошо увязанные операции. Это—период ликвидации Украинского фронта в Восточной Галиции, закончившейся в середине 1919 г.,

---

фашистские похвалы автора польскому солдату имеют целью доказать, что вся солдатская масса добровольно дралась и умирала за буржуазную Польшу. В конце книги автор приводит образец величайшего лицемерия — приказ Пилсудского к „своим солдатам" (стр. 231), в котором он уверяет их, что походы польского капитализма, это—защита Польши и ее границ. Не приходится доказывать, что „польский солдат", в значительной степени лишь вследствие принуждения или в силу несознательности участвовал в завоевательных походах польского империализма. Верно однако и то, что классовые противоречия в польской армии в 1920 г. были еще слабы (стр. 21). —*Ред.*

[1] См. предыдущее примечание. — *Ред.*

и оттеснения советских армий изнутри Белоруссии, Волыни и Подолии, закончившегося в конце 1919 г.

Затем наступает период спокойствия, собираются силы для решительной борьбы, имеющей важные и отдаленные объекты, против самого грозного и настойчивого противника Польши — России[1]. Весной и летом 1920 г. разворачивается это последнее действие, завершившееся окончательной победой.

Борьба за Верхнюю Силезию составляет отдельную страницу усилий польского солдата, она характеризуется тремя последовательными восстаниями.

Глава III.

Ноябрь 1918 г.—апрель 1919 г.

1. Первая стадия организации польских вооруженных сил.

Общие условия организационной работы. Создание польских вооруженных военных сил в первый период существования Польши является небывалым событием в современной военной истории. Правда мировая война показала пример быстрого и импровизированного поднятия в Англии и Америке миллионных масс, но это было осуществлено в столь отличных условиях, что никакое сравнение недопустимо.

Англия и Америка создали свою армию, опираясь на давно существующую государственную структуру; они располагали для этого регулярно организованными кадрами, правда немногочисленными, но превосходными и пригодными для развертывания мощной армии. Высокий экономический уровень этих двух государств и их безопасность от непосредственной угрозы неприятеля давали им полную свободу в их организационной работе.

В совершенно иных условиях появились первые элементы польских вооруженных сил.

Государственный аппарат не существовал, были положены лишь первоначальные устои в виде высших государ-

---

[1] **Автор сознательно извращает факты, когда говорит о защите страны против Красной армии, якобы угрожавшей независимсти Польши. Чтобы разжечь шовинизм своих польских читателей, автор Красную армию всюду называет „русской армией". —** *Ред.*

ственных властей, административных органов и аппарата общественной безопасности.

Казна была пуста, промышленность разрушена. Напряженность социальных отношений и усталость от войны, захватившие широкие слои населения, разногласия, разделявшие общество при попытках творчества во всех отношениях, отсутствие всякой консолидации внутри страны увеличивали хаос и нагромождали огромные трудности восстановления государства. Военных кадров в виде регулярных частей почти не существовало. Нехватало военного материала, запасы которого ограничивались тем, что осталось на месте после ухода оккупационных войск держав, участвовавших в разделе Польши.

Вот в общих чертах картина условий, в которых зародилась в конце 1918 г. польская вооруженная сила.

Трудности, возникавшие вледствие тяжелого внутреннего положения страны, осложнялись внешними трудностями, с каждым днем увеличивавшимися. Польша в то время не имела прочно установленных границ, на их месте постоянно и исключительно возникали новые боевые фронты[1]. При постоянном влиянии безотлагательных и настоятельных нужд этих фронтов согласованная и систематическая работа, устремленная к созданию вооруженной силы, была невозможна. Лихорадочная поспешность, сопутствовавшая созданию некоторых частей, их преждевременная отправка на боевые участки должны были неблагоприятно отзываться на совокупности организационных мероприятий.

Поэтому можно, не преувеличивая, сказать, что первый период организации польских вооруженных сил, начавшийся в первых числах ноября 1918 г. и продолжавшийся до апреля 1919 г., явился громадной и великолепной импровизацией, тем более замечательной, что она совершалась нашими собственными силами. Помощь, которую нам оказали союзники в виде военного материала и технических средств, пришла позднее, и еще позднее пришла помощь этих государств в смысле организации и обучения войск[2].

Эта фаза может быть разделена на два периода: первый — от ноября 1918 г. до февраля 1919 г. — характеризовался созданием с перерывами большей частью стихийно лишь одних маленьких частей, численностью не превышавших

[1] Эти фронты создавала сама Польша, систематически отказываясь от мирных переговоров. — *Ред.*

[2] Автор очень мало говорит о французской помощи, которая была решающей в деле создания польской армии. — *Ред.*

батальона, эскадрона или батареи; во втором периоде эти части становятся в некотором роде кадрами для более крупных тактических соединений. Они объединены в полки; тогда же начинается организация пехотных дивизий и кавалерийских бригад планомерно и под руководством центральных военных властей.

Характер и состояние кадров в момент ноябрьского переворота. Создание польских вооруженных сил в собственном смысле, начатое 11 ноября 1918 г., когда „комендант" Пилсудский взял на себя обязанности верховного главнокомандующего, было основано на результатах, достигнутых во время мировой войны.

Эти достижения в то время были двоякого рода: с одной стороны уже существовала регулярная организация, с другой—был налицо источник сил, более или менее подготовленных к тому, чтобы быстро превратиться в регулярную организацию. На первый из этих двух моментов были направлены усилия регентского совета, а также усилия областей, впервые освобожденных от австро-венгерского владычества. Положительным результатом усилий, произведенных регентским советом в последнюю фазу его существования, явилось присвоение себе верховной власти над „польской вооруженной силой" („Вермахт") и превращение ее в „первую бригаду польской армии". Кроме того он положил первую основу в конце октября в деле создания высших военных органов: военного министерства с управляющим полковником Врочинским и генерального штаба с начальником ген. Розвадовским[1]. Но усилия регентского совета увеличить наличный состав армии путем формирования территориальных пехотных полков и территориальных кавалерийских эскадронов в рамках 15 военных округов, специально для этой цели созданных, дали такие ничтожные результаты, что 11 ноября часть округов еще не действовала, а в уже существующих наличие организованных частей было очень незначительно.

В освобожденных областях работа по реорганизации имела результатом преобразование нескольких запасных частей бывшей австрийской армии в кадры польских частей. В то же время началось восстановление бывших легионов и мобилизация польской военной организации (ПОВ), что дало в конце-концов на 11 ноября некоторое количество

[1] Ген. Розвадовский, быв. австрийский генерал, сыграл крупную роль в польской военной истории этих лет, особенно в 1920 г.

регулярных частей, все же небольших, не превышающих батальона каждая.

Количественно наличный состав более или менее организованных сил, которые могли рассматриваться как кадры, более или менее хорошо подготовленные к принятию нового человеческого материала и могущие способствовать дальнейшему восстановлению армии, не превышал 11 ноября 24 пехотных батальонов, 3 кавалерийских эскадронов и 5 артиллерийских батарей.

С кадровым составом дело обстояло гораздо лучше. На первом месте находились легионеры как офицеры, так и рядовые, затем польская военная организация. Солдаты бывших восточных корпусов составляли значительную составную часть их. Из поляков, служивших в рядах захватнических армий, можно было рассчитывать лишь на офицеров, так как рядовые, усталые от продолжительной службы в чужих армиях, желали прежде всего быстро вернуться к мирным условиям.

Основы и формы организации. Первые результаты. Первой задачей, стоявшей перед организаторами польских вооруженных сил в эту критическую минуту, являлось установление принципа, который должен был лечь в основу организации этих сил: воинская повинность или добровольчество. Было избрано второе решение.

Против непосредственного введения воинской повинности имелись важные соображения. Во-первых не было достаточно готовых органов общей администрации и военной мобилизации, необходимых, чтобы успешно выполнить столь сложную задачу. Затем возрастные классы, подлежавшие призыву, уже были мобилизованы Австрией и отчасти Россией. Призыв в ряды национальной армии массы людей, утомленных длительной войной, деморализованных дезорганизацией, свидетелями которой они были во время службы в иностранной армии, или людей, хотя и не служивших еще, но морально утомленных войной, этот призыв мог оказать катастрофическое влияние на моральную стойкость новой армии, а следовательно на ее силу, тем более что новые условия службы должны были быть очень тяжелыми из-за скудости материальных средств, особенно оружия и снаряжения.

В то время главным фактором, обеспечивающим создающейся армии живую силу, могла быть только моральная сила больших масс солдат, сила, которую могли проявить только добровольцы [1].

---

[1] См. примечание на стр. 57. — *Ред.*

В качестве территориальных кадров организационной работы были созданы так называемые генеральные округа: Варшава, Лодзь, Люблин, Кельце и Краков. Генеральные округа состояли из нескольких „войсковых районов". Территория бывшего Конгрессового королевства была подразделена на 15 войсковых районов, бывшая Галиция — на 2; Кроме того существовал так называемый район действующей группы ген. Розвадовского, включавший в себя восточную Малопольшу (Восточную Галицию) на восток от р. Вислока.

Одновременно началось создание центральных властей. Военное министерство было поручено ген. Врочинскому, которого вскоре сменил ген. Лесневский. Начальником генерального штаба был назначен ген. Шептыцкий, преемник ген. Розвадовского, получившего командование фронтом. Действительное руководство организационной работой было централизовано позднее, так что довольно продолжительное время начальники генеральных округов играли на практике руководящую роль.

Некоторые генеральные округа приступили с созданию пехотных и кавалерийских полков. Таким образом на территории Варшавского генерального округа было сформировано 14 пехотных полков и 2 кавалерийских. Келецкий округ дал 4 пехотных полка и 2 кавалерийских полка, Люблинский — 3 пехотных полка и 2 кавалерийских полка, Краковский — 11 пехотных полков и 4 кавалерийских полка. Организация артиллерии была сосредоточена в Варшаве и в Кракове, где оккупационные войска оставили значительные запасы материала и склады.

Выбор принципа добровольческого набора в то время оказался удачным. Наплыв добровольцев отвечал существующим возможностям, определявшимся материальными ресурсами. Польская военная организация была влита в ряды армии; она давно ждала этого момента; части легионов, разбросанные по всей стране, соединились. Польские кадры бывшей австрийской армии увеличились. Были восстановлены организационные центры бывших восточных корпусов и бывшей русской армии. Учащаяся молодежь, до тех пор неорганизованная, рабочая и крестьянская молодежь в большом количестве откликнулись на призыв.

В середине января 1919 г. наличный состав польских вооруженных сил достигал уже приблизительно 110 000 чел. Число пехотных батальонов было свыше 100, артиллерийских батарей—свыше 80, кавалерийских—свыше 70. Кроме

того существовал ряд тактических частей и некоторое количество авиационных эскадрилий.

Естественно, что организация этих частей далеко не достигала совершенства. Они не имели постоянных штатов, их состав был настолько переменным, что в различных батальонах колебалось число рот. Их обучение и уставы были лишены однородности. Вооружение было разнородное, и снабжение, и особенно снаряжение, было недостаточное.

Этот процесс быстрой организации происходил исключительно под постоянным влиянием беспрестанно растущих нужд фронта. Борьба за Львов, за Цешинскую Силезию, бои в Волыни, необходимость предпринять меры против надвигающегося советского вторжения[1] — все эти моменты заставляли отправлять части на фронт прежде, чем они достигли необходимого минимума подготовки, и перебрасывать на помощь угрожаемым пунктам отдельные батальоны и даже роты, разрывая этим все органические связи.

Эти условия исключали возможность согласованной работы внутри страны, а с другой стороны неблагоприятно влияли на положение боевых фронтов, где батальоны, эскадроны и батареи являлись высшими единицами, соединяемыми временно в оперативные группы и подгруппы.

Начало организации высших тактических соединений. Результат к концу марта. Наконец настало время, когда было учтено заметное развитие кадров и относительная стабилизация внутренних условий страны, в частности создание административного аппарата, а с другой стороны неудобство продолжать организацию войск в прежних условиях, неудобство как с точки зрения организационных принципов вообще, так и из-за необходимости в лице армии обеспечить себе орудие, могущее производить решающие боевые операции, поэтому главное командование решило приступить к организации больших тактических соединений, основываясь на системе воинской повинности. Помощь, обеспеченная Антантой в виде боевого материала и продовольствия, благоприятствовала этому решению.

Был установлен план организации, который предусматривал создание 12 пехотных дивизий и 6 кавалерийских бригад. Каждая пехотная дивизия должна была постепенно

[1] Автор извращает истину. На самом деле речь шла о вторжении Польши в Белоруссию и Украину, о чем Пилсудский откровенно пишет, а в других местах своей книги сам автор не отрицает захватнических целей Польши. — *Ред.*

быть соединена с 1 артиллерийской бригадой, 2 кавалерийскими эскадронами, техническими и вспомогательными частями и обозами.

Создание дивизий, предпринятое в феврале 1919 г., как общее правило, происходило по двум типам. Центр организации дивизии находился или внутри страны, или на фронте. В первом случае необходимо было прежде всего в подходящее время вывести с фронта отряды, принадлежавшие этой дивизии, реорганизовать их, пополнить и слить в одно целое с основой. Во втором случае нужно было сначала сосредоточить на одном и том же участке фронта отдельные части, предназначавшиеся для дивизии, части, до тех пор действовавшие самостоятельно и разбросанные вдоль всего фронта или даже находившиеся на других фронтах. Нужно было затем постепенно слить их в более крупные части, затем направить в сформированную таким образом дивизию части, созданные внутри страны. Быстрым темпом произошло создание, начиная с 21 февраля, следующих пехотных дивизий: 1-й и 2-й дивизий легионов — внутри страны; 3-й дивизии легионов, Львовской дивизии и 4-й пехотной дивизии — на фронте в Восточной Галиции.

Кроме того была начата реорганизация бывшей Литовско-белорусской дивизии, брошенной на противосоветский фронт, в район Волковыска.

Почти одновременно было произведено распределение функций между центральными властями. Военное министерство имело в своем ведении войска внутри страны. Министр ген. Лесневский имел двух помощников — ген. Маевского и ген. Соснковского. Этот последний главным образом нес всю тяжесть чисто организационной работы. Генеральный штаб, передав часть своего штата военному министерству, превратился в штаб верховного командования. Через его посредство последнее приобрело возможность оказывать более сильное влияние на операции на различных фронтах. Учреждение в генеральном штабе управления квартирмейстера усилило удовлетворение материальных нужд фронтовых частей. Во главе реорганизованного генерального штаба был поставлен полковник Станислав Галлер [1], занявший место ген. Шептыцкого, назначенного командующим одной из действующих групп.

---

[1] Как и его предшественники, С. Галлер — быв. австрийский офицер. Он был снят с поста начальника генерального штаба только в июле 1920 г. — *Ред.*

С 19 января частично был призван класс новобранцев 1898 г., и 7 марта учредительный сейм принял закон о призыве шести классов (1896 — 1901 гг. рождения).

В начале марта польская армия насчитывала уже около 170 000 чел., и 1 апреля на боевых участках находилось более 80 000 чел.

В то время ожидалось из Франции прибытие так называемой армии ген. Иосифа Галлера.

Организация отдельной великопольской (познанской) армии. До сих пор речь шла только о вооруженных силах, созданных польским правительством в быв. королевстве и в Малопольше (Галиции). Кроме того существовал организационный центр в Познанской области, где была создана особая армия, независимая от варшавского правительства и остававшаяся под начальством ген. Довбор-Мусницкого, так называемая великопольская армия.

Возникновение великопольской армии ведет свое начало с восстания этой провинции в последних числах декабря 1918 г. Она была создана военными из бывшей германской армии и включила в себя большую пропорцию офицеров бывших восточных корпусов[1]. Значительные запасы военного материала, оставленные германцами, облегчили ее задачу. Эта армия также формировалась в огне боев против германцев. Несмотря на это, она находилась в гораздо более благоприятных условиях и в результате достигла в сравнительно короткое время численности 3 пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады, всего около 60 000 чел.

2. Борьба в Восточной Галиции и на Волыни.

Украинская народная республика в Восточной Галиции. Украинская армия. Война захватила сначала юго-восточную часть польского государства.

Упоминая о ноябрьской революции, мы указывали, что освобождение польских земель Восточной Галиции от австрийского владычества совпало с украинским восстанием.

Это восстание, которое было уже давно подготовлено в благоприятных условиях, при поддержке австрийских властей, совершилось быстро и беспрепятственно. В ночь с 31 октября на 1 ноября украинцы захватили Львов и затем заняли всю Восточную Галицию до Сана на западе. Фактически господствуя в стране, они провозгласили „На-

[1] Офицеров быв. русской армии. — *Ред.*

родную республику западной Украины". Эта прокламация явилась делом национального украинского совета, существовавшего уже с середины октября и действовавшего в качестве временного правительства.

Вооруженная сила, бывшая одновременно основой и орудием восстания, состояла из запасных частей австрийской армии, укомплектованных большей частью украинцами. Эти части, окончательно очищенные от неукраинских элементов или же после стихийной демобилизации тех, кто отказывался продолжать службу, сделались вместе с быв. австрийско-русинскими легионами так называемых украинских „с и ч е в ы х стрелков", возвращавшихся из русской Украины, основой организации быстро импровизированной армии Народной республики западной Украины. Первые материальные нужды этой армии были удовлетворены при помощи запасов оружия, огнеприпасов, снаряжения, денежных сумм, найденных в австрийских запасных частях. Впоследствии оружие и огнеприпасы были ввезены из Венгрии и Чехо-словакии в обмен на нефть. Днепровская Украина также оказала некоторую материальную помощь. Большим препятствием к созданию армии явилось отсутствие офицеров. Этим можно объяснить, что весьма часто командные должности в украинских войсках были заняты офицерами немецкой национальности. Армия сначала набиралась преимущественно на основе добровольчества, но вскоре была восстановлена воинская повинность. В момент своего наибольшего развития, в конце марта 1919 г., армия западной Украины насчитывала около 40 000 чел., сведенных в 3 корпуса, из которых каждый включал в себя несколько пехотных бригад с артиллерией и техническими частями. Верховное командование было принято ген. Омельяновичем-Павленко, а в конце кампании — ген. Грековым. Управление административными и организационными делами было возложено на ген. Витовского.

Самозащита Львова и первая поддержка. Для поляков украинское восстание в Восточной Галиции явилось полной неожиданностью. Только во Львове его в некоторой мере предчувствовали, но все же не были приняты меры противодействия. Но когда восстание сделалось совершившимся фактом, польское население Львова через несколько часов, 1-го же ноября, стихийно организовало оборону.

Центром этой самозащиты сделались польская военная организация (ПВО) и часть солдат вспомогательного польского корпуса (ПКП). К этим элементам присоединились

легионеры, находившиеся в городе, и польские офицеры бывшей австрийской армии, организованные в польские военные кадры (ПВК); но как только лозунг борьбы был брошен, ряды защитников „польской идеи" во Львове[1] стали укрепляться из часа в час; население города стихийно взялось за оружие, отнимая его во многих случаях у самого врага.

Сначала довольно беспорядочная борьба завязалась последовательно в некоторых кварталах; капитан Менчинский и его заместитель поручик Лапинский взяли на себя высшее руководство. В несколько дней поляки вернули большую часть города, причем Львов был разделен боевой линией на две части: восточная часть—в руках украинцев, западная часть—в руках поляков; упорные уличные бои длились в течение 3 недель. Бои происходили за отдельные дома и за главные пункты города. Несмотря на тяжелые условия борьбы, почти каждый день приносил новый успех храбрым защитникам и увеличивал территорию, захваченную поляками.

Между тем украинское восстание распространилось на районы к северу, западу и югу от Львова и после занятия Перемышля достигло Сана. Слабая кучка защитников Львова оказалась совершенно отрезанной от центра страны. Связь удерживалась единственно посредством эмиссаров, прокрадывавшихся через восставшие районы, и летчиками. Через них Львов бросил призыв о помощи в Краков, затем—в Варшаву.

При известии о занятии Львова украинцами и о его храброй защите откликнулась Западная Галиция, первая освободившаяся от власти захватчиков. Уже 11 ноября вспомогательный отряд, наскоро организованный в Кракове под командованием майора Стахевича, освободил Перемышль и создал этим базу для дальнейших операций, целью которых было оказать непосредственную помощь

---

[1] Среди населения Львова преобладали до войны поляки, по австрийской статистике в 1910 г. лиц, признающих родным языком польский, было 88% против 11% украинцев; по вероисповеданиям—51% католиков, 19% православных и 28% евреев; в Львовском округе поляки имели перевес только в Львовском уезде, в остальных шести уездах поляки были в меньшинстве (от 26% до 48%); во всей Восточной Галиции поляки составляли меньшинство населения и по языку и по вероисповеданию (24%). Таким образом восстание польской буржуазии во Львове, связанное с наступлением отрядов, организованных польской буржуазией и помещиками из других областей в целях завоевания Восточной Галиции, носило характер не освободительной борьбы, а борьбы за порабощение украинского народа. — *Ред.*

Львову. Организацию этой помощи взяли на себя полковник Токажевский, посланный в Перемышль ген. Роя. 13 ноября Токажевский получил через летчика из Варшавы, только-

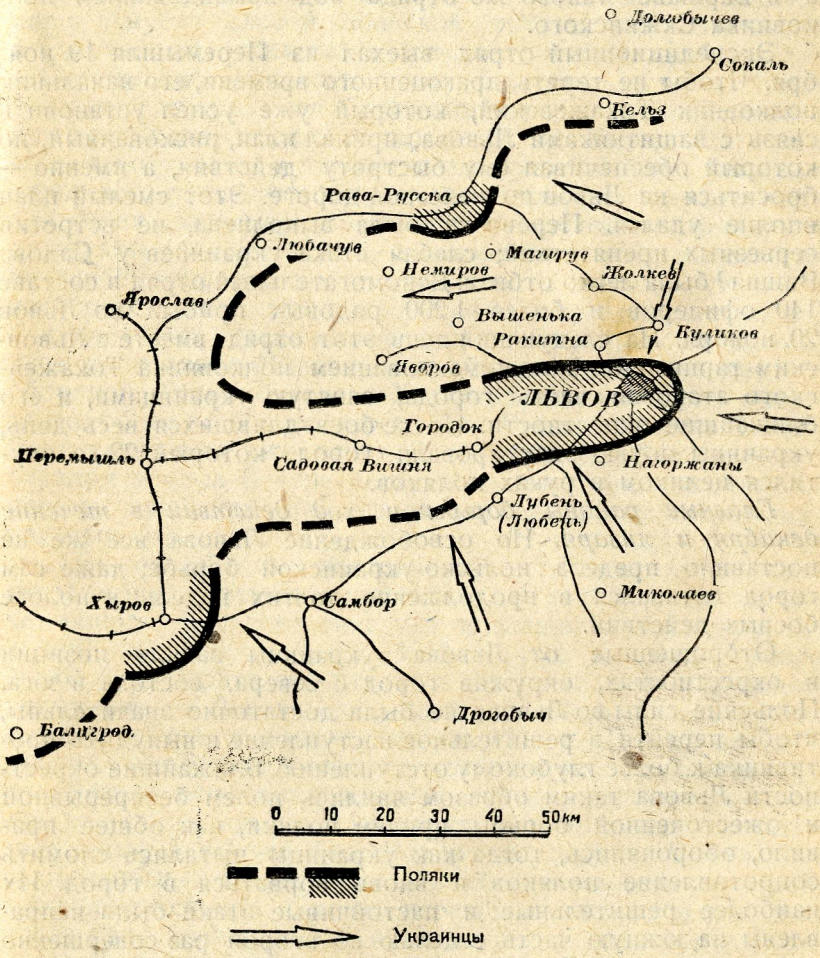

Схема 2. Восточногалицийский фронт.

что освобожденной, приказ верховного главнокомандующего об освобождении в возможно короткий срок Львова. Ген. Роя, командующий генеральным краковским округом, должен был подготовить необходимые для этой операции силы.

Быв. русская Польша также не осталась безучастной к призыву Львова; доказательством этого является сформирование в Люблине отряда, предназначавшегося для освобождения Львова, под командованием майора Вечоркевича, а в Варшаве—такого же отряда под командованием полковника Скжинского.

Экспедиционный отряд выехал из Перемышля 19 ноября. Чтобы не терять драгоценного времени, его начальник полковник Токажевский, который уже успел установить связь с защитниками Львова, принял план, рискованный, но который обеспечивал ему быстроту действия, а именно — броситься на Львов по железной дороге. Этот смелый план вполне удался. Перевозка была выполнена, не встретив серьезных препятствий; слабая атака украинцев у Садова Вишня [1] была легко отбита. Вспомогательный отряд в составе 140 офицеров и более 1 200 рядовых прибыл во Львов 20 ноября. На следующий день этот отряд вместе с Львовским гарнизоном под командованием полковника Токажевского атаковал часть города, занятую украинцами, и его ближайшие окрестности. После боев, длившихся весь день, украинцы ночью эвакуировали город, который 22-го очутился целиком в руках поляков.

Главные районы борьбы и ход действий в течение декабря и января. Но освобождение Львова все же не поставило предела польско-украинской борьбе; даже сам город оставался в продолжение долгих недель в полосе боевых действий.

Отброшенные от Львова украинцы заняли позиции в окрестностях, окружив город с севера, востока и юга. Польские силы во Львове не были достаточно значительны, чтобы перейти в решительное наступление и вынудить противника к более глубокому отступлению. Ближайшие окрестности Львова таким образом явились полем беспрерывной и ожесточенной борьбы, причем поляки, как общее правило, оборонялись, тогда как украинцы пытались сломить сопротивление поляков и вновь ворваться в город. Их наиболее решительные и настойчивые атаки были направлены на южную часть с целью во второй раз совершенно окружить город. Борьба достигла наибольшего ожесточения в конце декабря 1918 г. и в начале января 1919 г.

Вторым районом борьбы был Хыров. Украинцы собрали там довольно значительные силы и действовали

[1] Польское название: „Сондова Вишня". — *Ред.*

оттуда по направлению к северу, стараясь овладеть Перемышлем. Взятие этой крепости поставило бы польскую группу, которая вела бои около Львова, в очень тяжелое положение, разрывая ее связь с центром. Нанеся поражение у Хырова слабой польской группе, организованной в Саноке, им удалось в начале декабря приблизиться к Перемышлю. Но этот успех был сведен на-нет вновь созданной группой ген. Зелинского, которая наступлением из Перемышля отбросила украинцев за Хыров. Развитию польского успеха, в частности занятию Самбора, железнодорожного узла, представляющего большие преимущества для украинских операций, помешала необходимость вывести из группы ген. Зелинского часть его сил, чтобы немедленно их перебросить на помощь Львову, которому угрожала непосредственная опасность. Отряды, оставленные в районе Хырова, были соединены в одну группу под командованием полковника Минкевича и должны были ограничиться обороной. Кроме Львова и Хырова третьим театром напряженных боев были окрестности Рава-Русска, севернее Львова. Этот пункт был уже занят 27 ноября упомянутым ранее отрядом майора Вечоркевича. Затем мало-по-малу там по мере их прибытия из центра сосредоточились довольно крупные силы.

Благодаря этому постоянному усилению, хотя и производимому небольшими пополнениями действующих частей, численность польских сил, действовавших в Восточной Галиции, к концу декабря 1918 г. уже достигала около 12 000 чел. Первое значительное действие для улучшения положения во Львове было предпринято высшим польским командованием в начале января 1919 г. С этой целью в районе Рава-Русска была сосредоточена под командованием ген. Ромера особая оперативная группа, достаточно сильная при существующих условиях, а именно она насчитывала около 5 000 чел. Ген. Ромер направил часть своих сил на Долгобычев и Сокаль, чтобы обеспечить себя с востока, а главными своими силами перешел в наступление на юг; после ряда боев между 6 и 10 января он смог через Жолкев и Куликов пробиться к Львову.

Эта операция значительно увеличила силы бойцов у Львова, но не изменила общего положения, так как украинский фронт, временно прерванный севернее Львова, вскоре опять сомкнулся. Ген. Ромер снова принял командование частями, вновь прибывшими в район Рава-Русска, так называемой „группой Буга".

Характер и ход действий в феврале и в первой половине марта. Общая обстановка, создавшаяся в Восточной Галиции к концу 1918 г. и в начале 1919 г., оставалась без больших изменений до первой половины марта 1919 г. Фронт начинался у Балигрода на чехо-словацкой границе в Карпатах и проходил к востоку от железной дороги Хыров — Перемышль (группа полковника Минкевича); не достигая Перемышля, он загибался к востоку и продолжался между железнодорожными линиями Перемышль — Львов и Самбор — Львов до Любеня (группа ген. Зелинского), оттуда он подковообразно проходил к востоку и к северу от Львова (Львовская бригада, группа полковника Кулинского, группа полковника Сикорского).

В районе Рава Русска—Бельз (Белз) группа ген. Ромера вела бои вне связи с другими группами. Фронта в строгом смысле этого слова не существовало на всем этом протяжении. Как с польской стороны, так и с украинской наиболее крупные группировки частей находились только на двух флангах, в районе Хыров—Самбор, Львов—Грудек-Ягеллонский[1] и Рава Русска. Кроме того всюду происходили партизанские действия, главной целью которых являлась железная дорога Перемышль—Грудек-Ягеллонский. Активностью малочисленных польских отрядов, распределенных вдоль этого пути фронтом на север и на юг удалось обеспечить этот столь важный путь сообщения от беспрестанных налетов украинских отрядов, стремившихся перерезать его с севера или с юга. Таким же образом охранялась железная дорога Перемышль — Ярослав — Рава Русска, которой, постоянно угрожали украинские силы, занимавшие угол образуемый этой линией и линией Перемышль—Львов. Численность польских сил, действовавших в Галиции, достигала приблизительно 20 000 бойцов, причем эти силы были подчинены командующему „Востоком" ген. Розвадовскому.

Операции большого масштаба развернулись только в середине февраля. Пользуясь своим численным превосходством двух против одного[2] над поляками и находясь под угрозой внутреннего разложения своей армии в случае, если борьба будет продолжаться без видимых успехов, украинцы, тщательно приготовившись, перешли в наступление 14 февраля. Их главные силы снова произвели непосредственное наступление на Львов. Более слабая группа насту-

[1] На схеме — Городок. — *Ред.*

[2] Автор заявляет это голословно. — *Ред.*

пала на железнодорожную линию Перемышль—Львов с юга; она намеревалась прервать сообщение Львова с центром, ослабляя этим силу сопротивления его защитников, и облегчить задачу главным силам. Одновременно украинцы атаковали „группу Буга", чтобы сковать ее и помешать ей двинуться на помощь Львову. В конечном результате украинские планы потерпели полное поражение. Ожесточенные атаки, направленные на Львов, встретили такое же ожесточенное сопротивление поляков. Попытка перерезать железнодорожную линию увенчалась лишь частичным успехом.

Украинское наступление и вторая поддержка Львову. Польский фронт в Восточной Галиции зато очутился в более тяжелом положении меньше, чем месяц спустя. В первых числах марта украинцы возобновили наступление. В этот раз им удалось окончательно перерезать железнодорожную линию, прервать всякое сообщение между Львовом и Перемышлем и изолировать сосредоточившиеся во Львове польские силы от тыла страны.

С этого момента Львов снова был окружен. Его защитники были обложены в районе Львов — Грудек Ягеллонский и были принуждены вести бой со всех сторон.

Верховному командованию пришлось вмешаться. Оно быстро собрало и послало в Перемышль значительные пополнения, состоявшие из 10 пехотных батальонов и нескольких батарей, всего около 8000 чел., под командованием ген. Ивашкевича, подчинив ему группу ген. Ромера и группу полковника Минкевича.

В усилии, произведенном верховным командованием для отправки этой вспомогательной экспедиции, впервые участвовала великопольская армия, давшая 3 пехотных батальона с артиллерией под командованием полковника Конажевского. Наступление исходило из Перемышля вдоль железнодорожной линии; оно направлялось под руководством ген. Александровича. 20 марта оно достигло Грудек Ягеллонского. С того времени украинское кольцо, окружавшее защитников Львова, было прервано и связь с ними восстановлена.

В то время, когда развертывалось это контрнаступление по направлению к Львову, энергичные атаки украинцев против группы ген. Ромера у Белза были сломлены.

Командующий „востоком" ген. Розвадовский был отозван, и ген. Ивашкевич получил командование всеми силами, действовавшими в Галиции.

Оттеснение украинцев из района Львова. Положение на фронте в конце апреля. Двойное поражение, которое

потерпело наступление украинцев, ослабило их силу духа и сломило их настойчивость. Ген. Ивашкевич воспользовался этим, чтобы укрепить свое положение некоторым количеством последовательных действий. Он начал с очищения от украинских войск треугольника Львов — Перемышль — Рава-Русска, поручая эту задачу полковнику Минкевичу. Действительно в последних числах марта украинские отряды были оттеснены за линию Рава Русска — Немиров — Вишенка — Грудек Ягеллонский. Немного позднее, в апреле, был освобожден Львов, причем украинцы были отброшены немного на восток.

Во вторую половину апреля расположение и группировка польских сил в Восточной Галиции были следующие:

В районе Хырова была расположена бывшая группа полк. Минкевича, превращенная теперь вследствие общей организации армии в 3-ю пехотную дивизию легионов и находившаяся под командованием ген. Зелинского; севернее этой группы, у Садова Вишня, участок фронта был занят дивизией, находившейся в стадии формирования, — 4-й пехотной дивизией ген. Александровича. Более к востоку, на линии Любень — Нагожаны — Зубжа, действовала великопольская группа полковника Конажевского и группа ген. Сикорского. С востока и с севера Львов оборонялся группой ген. Краличек-Крайовского. Из Рокитны, к северу от Львова, отходил, направляясь на Магеров и Рава-Русска, участок „группы Буга“, остававшийся под начальством полковника Бербецкого, смененного вскоре полковником Минкевичем. Эта группа уже не находилась под начальством командующего „востоком“, а входила в состав Волынского фронта.

Силы, участвовавшие в боях в Галиции, в то время достигали 60 пехотных батальонов, 45 артиллерийских батарей и более 12 кавалерийских эскадронов.

Это был момент, когда Галицийский фронт переходил от обороны, которую он применял в течение 4 месяцев, к решительному наступлению с целью „освободить“ совершенно эту область от украинского владычества.

Вторжение войск Днепровской Украины на Волыни. Немного позднее, чем в Галиции, борьба разгорелась и на Волыни. Здесь нашими противниками были украинцы, но не те, у которых мы оспаривали владение Восточной Галицией [1].

[1] Наивное определение петлюровцев, которые в начале 1919 г. захватили Волынь, с которыми Польша теперь начала борьбу с целью завоевания этой области. — *Ред.*

Как только германские войска начали эвакуировать территории, занятые ими во время последнего периода мировой войны, Народная независимая украинская республика заняла украинские земли с директорией в качестве временного правительства.

Молодая Украинская республика, несмотря на то, что с первых же дней своего существования ей пришлось бороться с Советской Россией, которая упорно стремилась отнять у нее ее независимость, решила расширить свои пределы при помощи оружия к западу, намечая в качестве объектов Волынь и часть Полесья[1] и наконец угрожая Холмщине. В конце декабря 1918 г. украинские войска, состоявшие большей частью из партизанов и возникшие отчасти из местных волынских организаций, приблизились к Бугу под командованием атамана Оскилко.

Что же касается взаимоотношений обеих республик" западной Украины (Восточной Галиции) с одной стороны и Народной украинской республики, иначе называвшейся Днепровской Украиной, — с другой, то между ними существовало, хотя они составляли два различных государственных организма, известное соглашение, хотя и недостаточно определенное и довольно неустойчивое. Это соглашение неоднократно проявлялось в военном сотрудничестве настолько тесном, что можно было видеть части Днепровской Украины среди частей Галиции. С польской точки зрения тот факт, что Волынский боевой фронт являлся прямым продолжением Восточно-галицийского фронта и что стыком их был район Рава Русска, столь важный для операций, развертывавшихся перед Львовом, заставлял рассматривать оба фронта в некоторой степени как одно целое. Результатом этого явилось, что направления операции в Волыни и Галиции не были обусловлены ни старой государственной границей Восточной Галиции ни пределами обоих фронтов противника.

Польское противодействие. Развитие действий в период декабрь—апрель. Чтобы остановить наступательные попытки Днепровской Украины, высшее польское командование сформировало в декабре 1918 г. слабую группу, силой не более 2000 чел., под командованием ген. Рыдз-Смиглого

---

[1] Извращая факты, автор считает, что борьба советской власти на Украине против контрреволюционной „рады", это — посягательство на независимость Украины, в то время как стремление Польши захватить у Украины Волынь и Полесье является вполне законным. — *Ред.*

и перебросило ее к Влодаве, к месту слияния Буга с р. Гучва, с задачей оборонять Холмщину.

Эта группа выполнила свою задачу, перейдя в наступление, и продвинулась к востоку; 24 января она заняла Владимир-Волынский и 10 дней спустя—Ковель. Исходя из этих двух пунктов, как из базы, группа развила незамедлительно новые действия к востоку, разбила в целом ряде схваток и налетов украинские войска и продвинула свои передовые отряды приблизительно до линии Стохода.

Неприятель собрал свои силы вдоль железной дороги Ковель — Ровно в районе Луцка, оставляя слабые группировки на северном крыле в районе Торчин — Порицк.

Группировка левого крыла установила связь между фронтом атамана Оскилко и украинским фронтом в Галиции и поддержала их операции в направлении на Долгобычев. Силы неприятеля беспрерывно росли, особенно в феврале. В общем однако украинцы не предпринимали операций крупного масштаба и соблюдали сравнительно пассивный образ действий вследствие опасности, которую представляло для них успешное наступление с востока советской армии.

В первых числах апреля польское высшее командование приступило к реорганизации командования и перегруппировке сил на Волыни. Командование группой ген. Рыдз-Смиглого, которая к этому времени превышала 5 000 чел., было возложено на ген. Бябянского. Его участок в общем не был изменен и простирался от Грубешова до Маневичи через Владимир-Волынский и вдоль Стохода, но он перестал быть подчиненным непосредственно главнокомандующему, а был подчинен вновь созданному командованию волынским фронтом — ген. Карницкому, с „группой Буга“ (полковник Бербецкий, затем полковник Минкевич), подчинявшийся до тех пор командованию „востока“, занимавшего линию фронта Рокитна (севернее Львова) — Магеров — Унов — Белз.

Волынский фронт сохранил эту организацию без больших колебаний в военном положении до середины мая, когда он продвинулся в связи с решительным наступлением в Галиции.

3. Образование польско-советского фронта.

Эвакуация германских войск „Обероста“. Польско-германская демаркационная линия: Нашими первыми соседями к востоку от польской территории, освобожденной в ноябре 1918 г., были германские войска, которые уже несколько месяцев (с марта) оккупировали Украину, Белорус-

сию и Прибалтийские страны. Эти войска со времени германской революции и перемирия на Западноевропейском фронте начали эвакуацию оккупированных областей.

В интересах Польши, как и в интересах командования германскими войсками на востоке, было, чтобы эвакуация производилась восможно быстрее, в условиях, наиболее обеспечивающих безопасность обеих сторон. В силу соглашения, заключенного между представителями верховного польского командования и германского командования, германцам была оставлэна железная дорога Ковель—Брест—Белосток—Граево, которая являлась для них наиболее западной линией сообщения. Почти параллельно к западу от этой линии была проведена польско-германская демаркационная линия, защита которой с польской стороны вначале была обеспечена небольшими отрядами, специально предназначенными для этой цели Варшавским и Люблинским военными округами, а позднее по мере развития организации вооруженных сил литовско-белорусской дивизией ген. Ивашкевича и Подлясской группой ген. Листовского. На демаркационной линии за исключением маленьких спорадических столкновений в общем было спокойно. Предполагалось закончить эвакуацию к февралю 1919 г.

Казалось, что пока никакая опасность не угрожает непосредственно Польше с востока за исключением украинцев, с которыми уже велась война. Но вскоре косвенная опасность дала себя почувствовать на северо-востоке, со стороны Советской России [1].

---

[1] Никакая опасность, ни прямая ни косвенная, не угрожала Польше со стороны Советской России. Продвижение в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии Красной армии, носящей международный характер, состоящей из рабочих и крестьян латышей, эстонцев, литовцев и поляков, было неизбежным результатом ухода германских оккупантов; оно означало стремление создать новый советский строй на основе самоопределения указанных национальностей. 16 февраля 1919 г., когда Красная армия не дошла еще до рубежей Польши, временное революционное рабоче-крестьянское правительство Советской республики Литвы и ЦИК Советов ССР Белоруссии обратились к польскому правительству с заявлением о создании единой Литовско-Белорусской ССР. В этом заявлении они протестовали против насильственного вторжения в быв. Гродненскую губернию с ее белорусским населением военных сил Польши. Заявляя протест против попытки со стороны Польши насильственным путем разрешить территориальные споры, они подчеркивали свою готовность разрешить полюбовно и миролюбиво все спорные территориальные вопросы. В то же время (18 февраля) НКИД РСФСР обратился к правительствам Антанты с выражением готовности предложить свое содействие советской Литве и Белоруссии в полюбовном разрешении спорных вопросов. Вместе с тем он указывал, что нарушение польскими отрядами границ Литвы и Белоруссии происходит как раз в то

Занятие Литвы и Белоруссии советской армией. Революционная Россия в принципе признала независимость Польши. Советское правительство несколько раз повторяло заверения во время Брестских переговоров, подчеркивая, что будущие границы Польши так же, как и других государств, возродившихся на развалинах царской России, должны будут быть проведены, следуя принципу самоопределения национальностей. Настойчивость, с которой Советская Россия поддерживала принцип самоопределения новых зарождающихся государств, была тогда направлена против Германии, под властью которой оставались временно территории этих государств. Но, начиная с ноябрьской революции, выявилась настоящая политика России, политика агрессивная и империалистическая, с той только разницей, что бывший царский империализм превратился в революционный империализм, который предусматривал в поднятии революции на территориях, отпавших от России, способ их снова присоединить [1].

Факты не заставили себя долго ждать. 17 ноября советские войска начали свое продвижение на запад и, следуя шаг за шагом за отступающими германскими войсками, смогли занять к концу 1918 г., не встретив сопротивления, большую часть Литвы и Белоруссии и частично Латвию и Эстонию.

Продвижение советских войск на запад слишком угрожало Польше как с точки зрения ее настоящего положения, так и будущих границ, чтобы не вызвать с ее сторон противодействия, поэтому глава государства и главнокомандующий решил „сделать усилие, чтобы удалить как можно дальше с мест, где зарождалась и ковалась новая жизнь, всякую попытку и всякое предприятие, имеющее целью еще раз навязать нам чужую жизнь, жизнь, которая не была бы организована нами самими“ (Пилсудский — „1920 год“).

время, когда чрезвычайные представители держав Антанты только что прибыли в Варшаву и когда по данным радиотелеграмм державы Антанты потребовали от Германии „пропуска польских отрядов, направленных против большевиков“. Как раз в это время Пилсудский подготавливал свой захватнический поход в Вильну. Лживые фразы автора о революционном или красном империализме имеют целью замаскировать политику польского империализма, связанную с интервенцией Антанты (см. предисловие).—*Ред.*

[1] Эти лживые измышления обычно появляются в польской печати, когда ею делаются попытки замаскировать действия польского империализма.—*Ред.*

Было ясно, что эту задачу возможно было осуществить только с оружием в руках; все дипломатические возражения[1] оставались безрезультатными.

Схема 3. Движение Красной армии на запад зимой 1918/1919 г.

[1] Из опубликованной НКИД переписки („Красная книга“) видно, что польское правительство осуществляло свои планы, совершенно не считаясь с какими-либо „дипломатическими формами“. Оно послало в Москву своего представителя (Венцковского) для переговоров в момент, когда, организуя поход на Вильну, Пилсудский стремился осуществить его наиболее внезапно. — *Ред.*

Препятствием к этому являлось также присутствие на востоке германских войск; уступая России территорию, мало-по-малу освобождаемую ими, германцы сделали невозможным для Польши какое бы то ни было сопротивление продвижению советской армии. Попытки, сделанные в ноябре верховным командованием, чтобы перебросить польские войска через территории, занятые немцами, с целью образовать кордон против России и в частности, чтобы опередить советские войска в Вильне, не дали результатов или вернее дали результаты только тогда, когда красное вторжение дошло почти до границ Конгрессового королевства (быв. русская Польша), поэтому в продолжение всей зимы 1918/19 г. единственным элементом защиты польских интересов в Литве и Белоруссии [1] явились организации так называемой „самозащиты", которые создались стихийно и поддерживались верховным польским командованием.

Эти организации были однако слишком слабыми, чтобы играть мало-мальски значительную роль, тем более, что германцы на каждом шагу сопротивлялись их развитию. Они попытались в первых числах января 1919 г. удержать Вильну в своих руках и остановить этим дальнейшее продвижение советских войск к Польше, но эти попытки не удались.

Организация польско-советского фронта. Занятие Слонима и Пинска. Соглашение с германцами было заключено при посредничестве Антанты только в начале февраля 1919 г. Они обязывались не допускать советских войск на территории, оставляемые ими, до тех пор, пока германские войска не будут заменены польскими [2].

---

[1] „Польские интересы в Литве и в Белоруссии" — интересы кучки помещиков и капиталистов, которые толкали их и толкают на новые захваты в Литве и Белоруссии или на полное уничтожение последних. То же самое относится и к Украине. По довоенным данным (1909 г.) в Литве и Белоруссии (быв. Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская и Витебская губ.) польского населения насчитывалось 6%, в то время как помещиков поляков было 30%. На правобережной Украине (быв. Киевская, Подольская и Волынская губ.) поляков насчитывалось 4%, а польских помещиков — 21%. Польским магнатам принадлежали крупнейшие имения в Литве, Белоруссии и на Украине. Польские капиталисты владели большим количеством заводов и предприятий. Польским помещикам на Украине принадлежало 2 200 000 десятин земли стоимостью в 550 млн. рублей; годовая стоимость сельскохозяйственной и промышленной продукций в польских поместьях на Украине определялась в 100 милл. рублей в год.—*Ред.*

[2] Характерный пример международной классовой солидарности польской буржуазии в лице Пилсудского и германской буржуазии в лице пресловутого ген. Гофмана. — *Ред.*

В силу этого соглашения в период с 9 до 14 февраля первые польские отряды проникли на участок германских

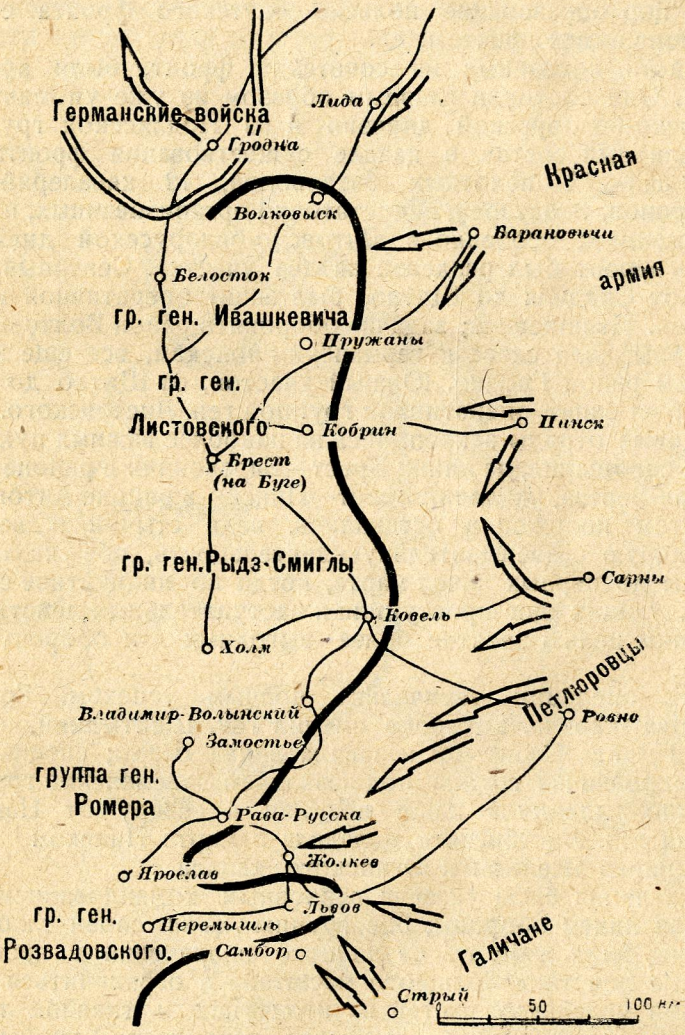

Схема 4. Восточный польский фронт в середине февраля 1919 г.

войск и заняли линию от р. Немана до Скиделя включительно, Зельвянка — Ружанка — Пружаны — Кобрынь и наконец Белосток, покинутый германцами.

Несколько дней спустя польские войска вступили в соприкосновение с передовыми отрядами советских войск, которые двигались со стороны Вильны, Барановичей и Пинска. С тех пор образование польско-советского фронта стало совершившимся фактом.

Войска, посланные на советский фронт, были крайне слабы. Они состояли главным образом из уже упомянутой Литовско-белорусской дивизии и из Подлясской группы. Их наличный состав в начале существования фронта не превышал 12 пехотных батальонов, 12 кавалерийских эскадронов, 3 батарей, недостаточно организованных, плохо снаряженных, особенно в Литовско-белорусской дивизии.

Весь фронт был разделен на два участка. Северный участок, от Скиделя до Щитно, был занят оперативной группой ген. Ивашкевича; задача: оборонять район Волковыска; она примыкала слева к германским войскам, все еще занимавшим район Гродно. Южный участок, от Щитно до Припяти, был занят оперативной группой ген. Листовского. Его передовые отряды закрепились на наиболее важных пунктах путей сообщения, на линии Брест—Барановичи в районе Картузская-Береза, на линии Брест—Пинск—в районе Антополя.

В этом положении оставались, ведя стычки и весьма энергичную разведывательную деятельность, обе указанные группы до первых чисел марта, когда по инициативе своих командующих они приступили к наступательным действиям, имевшим целью занятие более выгодных для обороны позиций.

Эти операции увенчались полным успехом. Группа ген. Ивашкевича, которого сменил ген. Шептыцкий, овладела 2 марта Слонимом и заняла линию Шары; специально сформированная группа под названием Занеманской группы выгодно выдвинула наши позиции к северу от Немана. Группа ген. Листовского овладела 5 марта Пинском [1] и заняла линию Ясельды и Огинского канала.

Эта линия была указана верховным командованием как главная линия обороны; обе группы из-за своей слабости должны были избегать случайного вовлечения в наступательные действия большого масштаба и ограничиться действиями маленьких частей на подступах к главной линии обороны, беспрерывно изматывая неприятеля, чтобы помешать его наступлению большими силами.

---

[1] В Пинске сразу после его захвата белополяками был устроен еврейский погром, как впоследствии в Барановичах и в Вильне. — *Ред.*

Действия, проведенные в этом духе, дали великолепные результаты, главным образом на участке группы ген. Шептыцкого. Части, находившиеся под его командованием, путем целого ряда налетов, завладели широкой полосой,

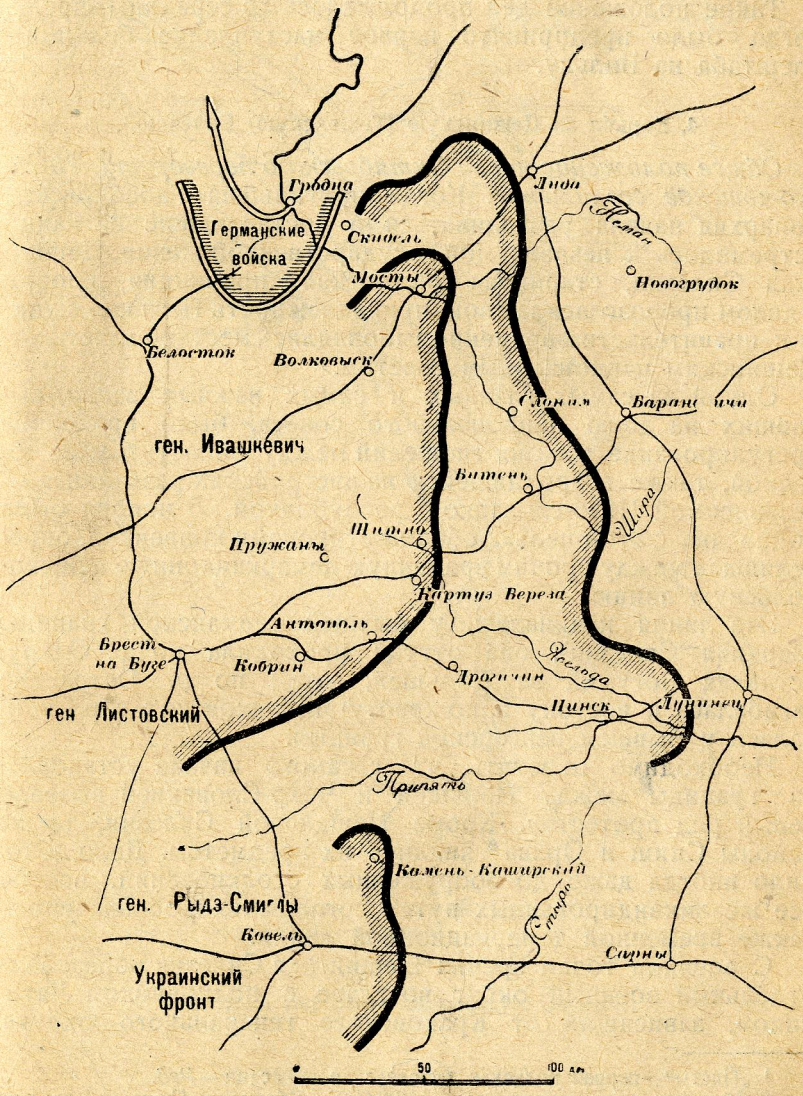

Схема 5. Белорусский фронт с середины февраля до конца марта 1919 г.

заключенной между Шарой и железной дорогой Лида—Барановичи, и временно даже заняли Барановичи; к северу от Немана передовые части дошли до р. Дитвы, почти до самой Лиды.

Такое положение дел продолжалось до середины апреля, когда было предпринято первое наступление большого масштаба на Вильну.

4. Борьба за Цешинскую (Тешенскую) Силезию.

Общее положение после Октябрьского переворота. Польско-чешское соглашение. Когда прогнившая Габсбургская монархия начала разваливаться и составлявшие ее нации устремились к независимой государственной жизни, Цешинская Силезия, старинная Пястовская [1] провинция, словом и делом провозгласила свою принадлежность Польше. Функции правительства временно выполнялись местной властью—Цешинским национальным советом.

Одной из самых главных и самых важных задач, выпавших на долю национального совета, было временное урегулирование взаимоотношений между областью и ее соседкой, также возродившейся на австрийских развалинах,—независимой Чехо-словацкой республикой. 5 ноября была подписана с этой целью обеими сторонами конвенция, определявшая между прочим временную демаркационную чешско-польскую линию.

Эта линия начиналась у бывшей германской границы (Верхняя Силезия); она оттуда проходила по р. Одеру, оставляя Богумин за Польшей, затем по р. Остравице загибалась к востоку и по хребту Яблонковских гор [2] кончалась у бывшей венгерской границы.

Необходимо отметить, что с самого начала установление границы между Польшей и Чехо-Словакией вызвало целый ряд протестов. Кроме Цешинской Силезии, также районы Спиш и Орава [2] явились их предметом. Дело доходило иногда даже до вооруженных столкновений, вскоре все же ликвидированных путем соглашения и обозначением также временной демаркационной линии.

С военной точки зрения Цешинская Силезия образовала отдельный военный округ во главе с полковником Лятиником, зависящий от Краковского генерального округа.

---

[1] „Пясты"—первая польская королевская династия—*Ред.*

[2] Яблонковские горы на карте 1/420 000—Яблонкау; Спиш и Орава на той же карте—у предгорья Татры.—*Ред.*

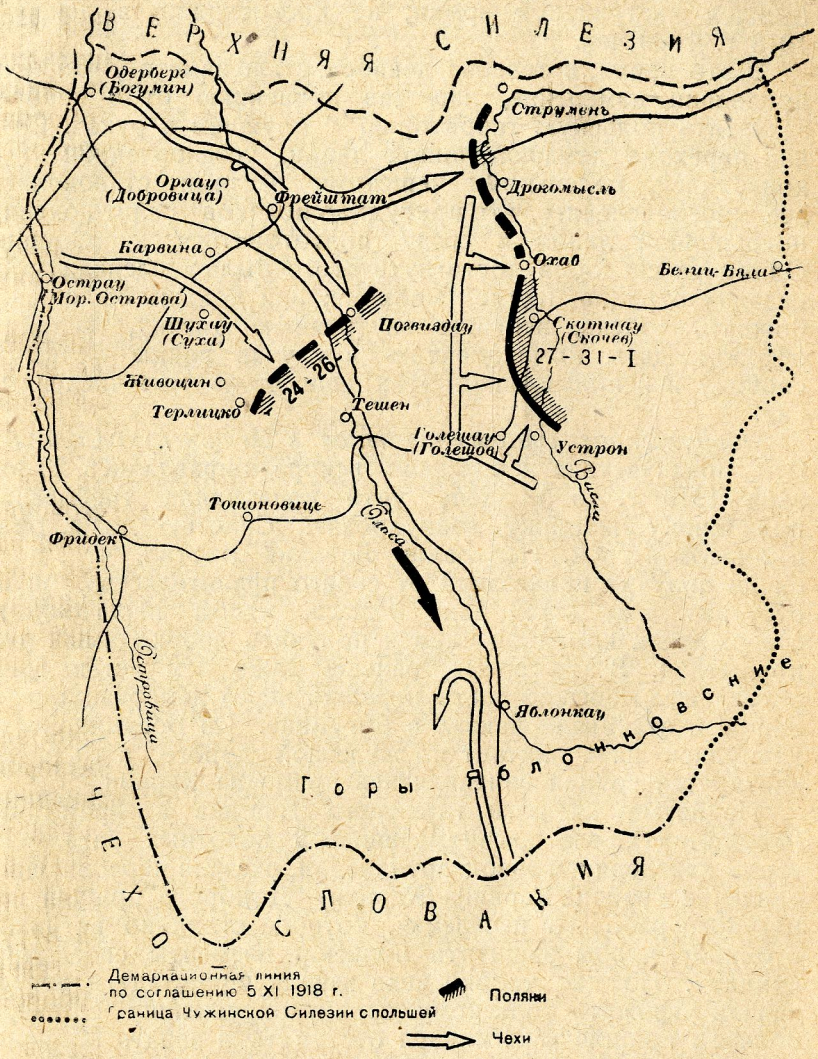

Схема 6. Борьба за Цешинскую Силезию.

Личный состав пехотных частей и отряда кавалерии, сформированных на территории округа при помощи кадров бывшей австрийской армии, не превосходил в декабре 1918 г. 4000 чел.

В это время, в течение декабря, стало заметно, что чехи проявляли намерение, нарушив конвенцию от 5 ноября, захватить польскую территорию с оружием в руках. Случаи перехода демаркационной линии, установленной этой конвенцией, маленькими чешскими частями становились все многочисленнее, что принудило поляков усилить охрану пограничной линии и сразу подготовиться к обороне. Одним из способов достигнуть этого была усиленная организация отрядов местной милиции; они должны были освобождать войска, несущие внутреннюю охрану, и таким образом дать командованию в случае войны большую свободу в использовании этих еще столь малочисленных сил.

Вооруженное вторжение чехов в Цешинскую Силезию. Эти предчувствия и опасения вскоре оправдались. 23 января 1919 г. в полдень чехи предъявили требование полковнику Лятинику эвакуировать Силезию до р. Бяла в 2-часовой срок. Полковник Лятиник ответил, что, пока он не получит приказаний от своего правительства, он не отступит. Ему было дано 2 часа, чтобы переговорить с верховным командованием и получить необходимые распоряжения. В это время, раньше даже чем истек срок, регулярные чешские части перешли через демаркационную линию и атаковали вокзал в Богумине. Из Богумина чехи двинулись на Фриштадт по железной дороге, в то время как другая группа направлялась прямо на Карвин.

Поднятые на ноги гарнизоны Цешина и Фришгадта (Фрейштадт), еле насчитывавшие 2 пехотных батальона, взвод кавалерии и взвод артиллерии, оказали первое сопротивление в районе Карвина (Карвин)—Домброва при участии местного рабочего населения, которое стихийно вступило в борьбу, чтобы защитить польские элементы своей провинции[1]. Но как только чехи заняли Фриштадт и оттуда начали угрожать польскому отряду окружением с севера, полякам пришлось 24 января отступить и занять оборонительную позицию в районе Цешина.

Одновременно чехи ворвались с юга на Яблонкау.

---

[1] В борьбу были вовлечены отсталые и шовинистически настроенные слои рабочих и интеллигенция. — *Ред.*

Бой у Цешина и бой у Скочова. Это являлось прологом к польско-чешской борьбе за владение Цешинской Силезией. Следующими двумя действиями этой войны, ограниченной во времени и пространстве, были бой у Цешина и позднее бой у Скочова (Скотшау).

Так же, как и во Львове, в Цешинской Силезии при известии о чешском вторжении подкрепления пришли со всей страны. Они были посланы прежде всего Краковским генеральным округом и позднее верховным командованием.

Первые подкрепления прибыли ночью с 23 на 24 января в виде кавалерийского отряда из Бельска; 24 января прибыл пехотный отряд из Вадовице, наконец пехотный отряд из Освенцима. В течение следующих дней прибыли подкрепления из Кракова, Мелеца, Ченстохова, Кельц, Лодзи, Радома и Варшавы. Число бойцов, вначале достигавшее 1 000 чел., выросло до 5 000 к концу борьбы. В частности численность артиллерии значительно возросла — от 2 орудий почти до 20.

24 и 25 января прошли вообще спокойно. Чехи использовали их, чтобы укрепиться в Карвинском бассейне; поляки — чтобы организовать оборону новой линии, окружающей Цешин с севера и с запада. Продвижение чешских войск, шедших из Яблонкау, было приостановлено.

На следующий день, 26 января, происходили новые бои. Потерявший связь польский отряд был у Зебжидовице разбит, и чешские силы, действовавшие в этом направлении, во второй раз подошли к флангу польского фронта обороны.

Перед превосходными силами польские войска, окруженные с севера и находившиеся под угрозой нового наступления со стороны Яблонкау, в силу соглашения командующего Силезским округом с командующим Краковским генеральным округом ночью с 26 на 27 января оставили Цешин и отступили на Вислу.

Новая оборонительная линия начиналась на границе Верхней Силезии у Струменя, где она прикрывала железнодорожный мост у Дрогомысла (Драгомишель), проходила по Висле до деревни Охабы (Гр. Охаб), опиралась на высоты, находящиеся к западу от Скочова, и возвращалась к Висле к северу от Устроня. Чехи вяло преследовали 27 января, что дало время укрепить позиции и подготовить оборону.

28 января начались серьезные бои на этой новой линии. 29 января чехи решительно атаковали; главным полем борьбы был мост у Дрогомысла.

30 января неприятель направил свои усилия прямо на Скочов и старался охватить с юга польскую оборонитель-

ную линию. Однако полякам удалось удержать все свои позиции, и неприятель не смог возгордиться никакими успехами.

Перемирие и установление новой демаркационной линии. Трехдневный бой у Скочова является кульминационным пунктом вооруженной борьбы за Цешинскую Силезию и одновременно обозначает ее окончание.

31 января по предложению чехов было заключено перемирие, сначала ограниченное продолжительностью в 24 часа, затем продолжаемое изо дня в день.

Это перемирие было впоследствии санкционировано конвенцией, подписанной 3 февраля в Париже, под покровительством „союзников", главным образом Франции, которая в этом была особенно заинтересована, дипломатическими представителями Польши и Чехо-Словакии. Эта конвенция откладывала окончательное урегулирование конфликта до решения мирной конференции и проводила в Цешинской Силезии новую временную демаркационную линию, не выгодную для Польши сравнительно с линией от 5 ноября, так как оставляла чехам часть Фриштадтского уезда с важной железнодорожной станцией Богумин, а также значительную часть Цешинского уезда.

Но прежде чем эта конвенция вошла в силу, чехи в ночь с 23 на 24 февраля внезапно атаковали польский фронт. Только отбив наступление и после подписания новой военной конвенции польские войска 26 февраля вошли в Цешин.

Окончательное разрешение польско-чешского конфликта заставило себя довольно долго ждать. В противоположность первоначальным предположениям Сен-жерменский трактат оставил вопрос о польско-чешской границе открытым, передавая его на решение верховного совета Антанты. Предположение этого совета произвести раздел Цешинской Силезии и установить границу Спиша и Оравы путем плебисцита не имело последствий до конца июля 1920 г.; как раз в то время, когда Польша вследствие советского наступления оказалась в особо критическом положении, конференция послов приняла окончательное решение.

В силу этого решения, почти полностью удовлетворявшего чешские претензии, Чехословацкой республике был передан в Цешинской Силезии весь Фриштадтский уезд с самим городом, весь угольный бассейн вместе с большей частью Цешинского уезда, а также и большая часть Спиша и Оравы.

5. Восстание в Великопольше [1].

Германская революция, вспыхнувшая в то время, когда военное поражение и внутренний хаос до последней степени ослабили столь могущественное до сих пор германское государство, застала поляков прусских провинций в состоянии политической и военной неподготовленности, которая помешала им сбросить одним порывом иго продолжительного рабства и иностранного владычества, как это произошло в австрийских провинциях и в областях, занятых войсками центральных держав. Лозунг военного выступления, брошенный 11 ноября польской военной организацией (ПОВ), в прусских провинциях не смог быть немедленно осуществлен, и пришлось ждать несколько недель для его осуществления.

Завоевание поляками их прав происходило в прусских провинциях постепенно, и прежде всего в Великопольше. Поморская область не смогла проявить себя в мощных манифестациях в этом направлении. Одновременно народное национальное движение расширялось и углублялось в Верхней Силезии.

Первым проявлением этого процесса было учреждение народных советов [2], начатое уже в ноябре, провинциального сейма, учрежденного в начале декабря, и верховного народного совета, назначенного этим сеймом, с комиссариатом совета как исполнительным органом. Таким образом образовалась в польских провинциях Пруссии первая организация, представлявшая польскую политическую власть.

Параллельно этому начинанию выросло второе, имевшее целью сосредоточение и организацию вооруженных сил. Вначале удалось иметь польское большинство в познанском совете солдатских и рабочих депутатов, что позволило затем под предлогом угрозы революционных приготовлений открыто организовать части службы охраны и безопасности, чисто польские или смешанные, но с польским большинством. Эти части службы охраны и безопасности так же, как и гражданская гвардия, также открыто сорганизовавшаяся, сделались со временем теми силами,

---

[1] В состав бывших польских провинций Пруссии входила быв. Познанская область (Великопольша), часть Западной Пруссии (Торнская или Поморская область) и часть Верхней Силезии. — *Ред.*

[2] Эти „советы", возникшие после революции в Германии, включали большей частью и мелкобуржуазные шовинистические элементы. — *Ред.*

которые первые вступили в борьбу. Главным очагом организационной работы была Познань, но вскоре эта работа распространилась в более или менее крупном масштабе в ряде пунктов области.

Восстание. Решительным днем в жизни Великопольши было 27 декабря 1918 г. Накануне в Познань прибыл с запада Игнатий Падеревский[1]. Польское население Познани приняло его с горячим энтузиазмом. На окнах городских домов были вывешены польские и союзнические флаги, что вызвало контрдемонстрацию со стороны немецкого населения. Встреча двух враждебных манифестаций явилась искрой, вызвавшей взрыв. Раздались первые выстрелы, вспыхнула борьба. После нескольких часов ожесточенного боя почти вся Познань оказалась во власти поляков.

Из Познани движение распространилось на всю область. Немецкий элемент, который со своей стороны не терял времени и, несмотря на социальную революцию внутри Германии, организовывался для защиты своей государственности, всюду оказывая противодействие. В центральных уездах, близ Познани, где поляки имели значительный перевес, удалось довольно скоро и легко сломить сопротивление немцев. Зато в уездах, близких к границе, главным образом в северной части Великопольши, в районе Быдгощи (Бромберг)[2], превосходство было на стороне немцев, так что там революция не смогла быть осуществлена действиями местных партизанских отрядов и пришлось призвать части, выведенные уже из освобожденных территорий, чтобы произвести необходимые наступательные операции.

Это было быстро приведено в исполнение, так что 10 января 1919 г. линия, обозначающая польские владения, была приблизительно следующей: на севере от быв. русско-германской границы, к северу от Иноврoцлава (Гогензальца), линия проходила через Шубин и следовала по южному берегу р. Нотеци (Нетце) до Чарнкова (Чарникау); на западе она проходила близ Мендзыхода (Бирнбаум) и

---

[1] Падеревский, известный польский пианист, стал участвовать активно в политической жизни только со времени мировой войны, причем примкнул к лагерю правых (эндеков)—антантофилов. Падеревский пользовался влиянием в кругах польской эмиграции в США и имел связи с их руководящими кругами, в том числе с Вильсоном и Гувером. Его прибытие в Польшу означало наступление против Германии и против Советской России. — *Ред.*

[2] На схеме не показано; западнее Торна. — *Ред.*

Збоншина (Бентшен), затем она продолжалась к юго-востоку, сливаясь приблизительно с границей Великопольши и Силезии.

Установление фронта. Организация великопольской армии. По всей этой линии завязались впоследствии упорные бои.

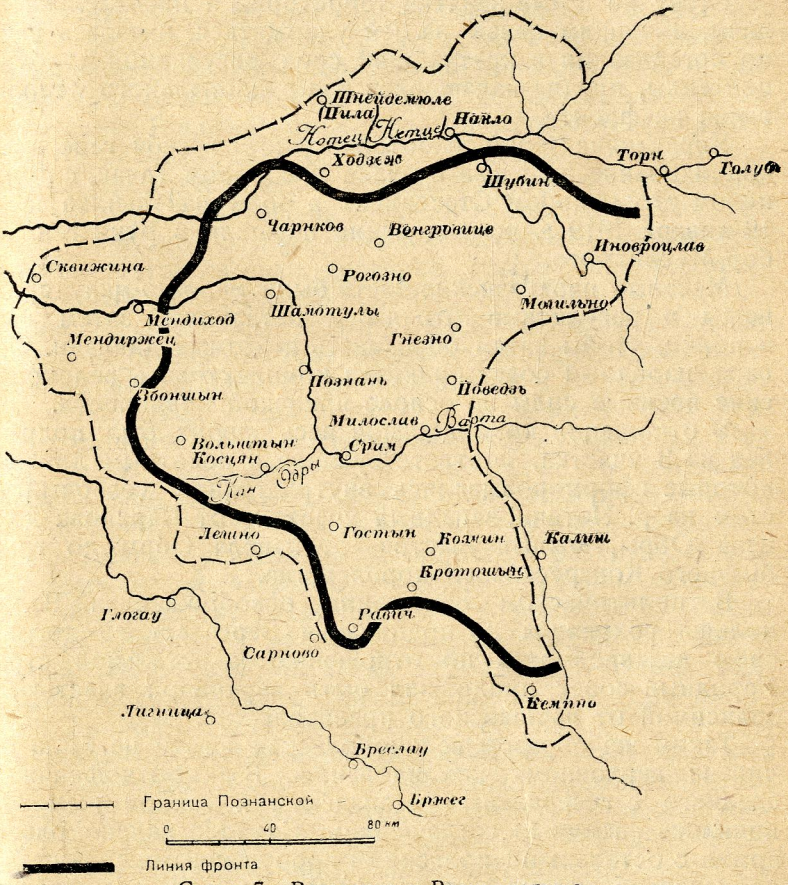

Схема 7. Восстание в Великополыне.

В западном и юго-восточном участке самые ожесточенные бои происходили в окрестностях Кольно, Збоншина, Вольштына, Сарнова и Равича. На севере главным очагом борьбы был Шубинский и Ходежский районы. 18 февраля после вмешательства главнокомандующего Антанты маршала Фоша, было заключено перемирие; но на деле бои,

менее ожесточенные и местного характера, продолжались в течение нескольких месяцев до подписания Версальского договора. Немцы, не имея возможности посылать регулярные войска, использовывали, кроме великопольских немцев, также и многочисленных добровольцев изнутри страны.

Сразу же после занятия территории и параллельно усилиям, имеющим целью на ней удержаться, началась работа по организации в кратчайший срок регулярной вооруженной силы, предназначавшейся для рационального использования на фронте.

Управление этой работой взяло на себя генеральное командование во главе вначале с майором Тачак, с помощником его майором Стахевичем в роли начальника штаба. 19 января 1919 г. командование перешло в руки ген. Довбор-Мусницкого.

Местные партизанские части были мало-по-малу превращены в регулярные отряды и батальоны, затем слиты в полки, чтобы затем образовать пехотные дивизии. 23 января народный совет приказал комплектовать великопольские военные силы на основе воинской повинности.

В отношении командования весь фронт был подразделен на 3 участка, соответствующие 3 пехотным дивизиям, которые сформировывались внутри границ: северный участок на р. Нотеци, западный участок—от Чарнкова до канала Обры, южный участок—от канала Обры до границ бывшего Конгрессового королевства.

В политическом отношении освобожденная Великопольша сохранила до подписания Версальского договора свою независимость по отношению к остальной стране. Народный совет продолжал быть верховной властью, независимой от варшавского правительства.

Таким же образом великопольская армия не была подчинена верховному командованию. Взаимоотношения последнего с генеральным познанским командованием ограничились взаимным соглашением. Слияние великопольской армии с остальными польскими вооруженными силами было произведено только 1 августа 1919 г. До этого времени лишь незначительная часть этой армии в виде специальных групп принимала участие в войне, которую Польша вела на востоке.

Первые великопольские части появились в Восточной Галиции в мрачные мартовские дни. Позднее, получив подкрепления, они приняли участие в майском наступлении. На советский фронт первые великопольские части прибыли только в конце июля 1919 г.

Глава IV.

Театр польско-советской войны[1].

В течение двух лет борьбы, посвященных укреплению существования государства и установлению его границ, Польше пришлось вести борьбу против многих врагов[2] на различных участках ее территории, но лишь одна война с Советской Россией послужила источником операции большого размаха. Бои с другими врагами, не исключая довольно продолжительной кампании против Украины, являлись операциями ограниченными и местными. По этой причине описание театра военных действий ограничится изучением театра главных действий, театра польско-советской кампании (см. схему 8 в конце книги).

Немногие замечания, которые будут сделаны по этому вопросу, не являются географическими описаниями интересующих нас областей, прибавлениями к карте; они не будут и попыткой создать жесткие и схематические формулы стратегического и географического характера. Они имеют целью лишь выяснить и подчеркнуть кое-какие наиболее существенные свойства вышеуказанного театра, чтобы облегчить читателю понимание влияния, оказанного географическими условиями на ведение и развитие войны.

В общих чертах театр польско-советской войны включает в себя низменности, расположенные к востоку от Вислы и Сана до Днепра и ограниченные на севере германской границей (Восточная Пруссия), территорией Литвы (приблизительно современная граница Польши и Литвы) и Западной Двиной; на юге — Днестром.

Разграниченную таким образом область можно в общих чертах разделить на две части: передовой район и внутренний район, естественные границы которого обозначены линией Среднего Немана, Верхнего Буга, продолженной Серетом или Стрыпой, левым притоком Днестра.

В передовом районе внимание привлекает прежде всего его протяжение: среднее протяжение его достигает 700 *км*, глубина его—от 300 до 400 *км*; существенной особенностью его является в связи с географическими свойствами деление на три вполне различных театра военных действий.

---

[1] Эта глава имеется только во французском издании. — *Ред.*

[2] По поводу этой благовидной характеристики войн польского империализма см. предисловие. — *Ред.*

Главный фактор этого расчленения — бассейн Припяти, составляющий центральный театр военных действий, так называемый Полесский. Он имеет форму треугольника, вершину которого составляет Брест-на-Буге, а основание образует примерно линия реки Днепра от параллели Бобруйска до параллели Припяти. Это—ровная и низменная местность с незначительными изменениями высоты поверхности. Густые лесные массивы, большие болотистые пространства, изобилие многоводных рек, текущих к югу или к северу по отношению к параллели Припяти, — таковы естественные факторы, превращающие Полесье в малодоступную область. Эта черта еще усугубляется ее очень низким экономическим уровнем, малой плотностью населения, редкостью населенных пунктов, слабо развитою сетью путей сообщений, включающей в себя лишь проселочные дороги с двумя только железнодорожными линиями—одной продольной, другой поперечной. Эти географические особенности превращают Полесье в область, неблагоприятную для военных операций крупного масштаба, и оказывают решающее влияние на природу и способ боевых действий, происходящих на этом участке.

Оба других театра военных действий, расположенные по ту и по другую сторону Полесья, не отличаются от него с географической точки зрения. Театр, расположенный к северу от Полесья, так называемый Белорусский или Литовско-белорусский, состоит из невысокого плоскогорья слегка волнистого и в большей своей части открытого. За исключением Березины, Вилии, Верхнего Немана и Шары этот театр не представляет значительных естественных препятствий. Он прорезан сравнительно многочисленными и хорошими дорогами, главным образом проселочными, и обладает сравнительно густой железнодорожной сетью.

Южный театр военных действий, или украинский, включает в себя Волынь, Подолье и часть Украины. Плоскогорья его северо-западной части к востоку спускаются к черноморским степям, а на севере — к Полесской низине. Возвышенная часть изобилует довольно значительными естественными препятствиями, это—левые притоки Днестра, протекающие с юга на север в глубоких руслах. Северная часть за исключением нескольких незначительных лесов открыта и, несмотря на несколько пересекающих ее водных линий, как Случь, Горынь, Стырь, не ограничивает свободу движения.

В условиях войны, захватывающей такую обширную область при сравнительно небольшом числе бойцов, основные пути сообщения — железные дороги — играют первостепенную роль. Эта точка зрения еще раз подчеркивается уже указанными характерными особенностями литовско-белорусского и украинского театров военных действий. Пути сообщения, идущие изнутри Польши, из области Вислы, к востоку, к России или к Украине, образуют две сети, обходящие Полесский театр военных действий, через который проходит лишь одна железнодорожная линия перпендикулярно фронту.

Наиболее многочисленные и значительные пути, имеющиеся на литовско-белорусском театре военных действий и соединяющие главные центры России с центром Польши, следующие: 1) Двинск—Вильна—Гродно, 2) Полоцк—Молодечно—Лида—Волковыск, 3) Орша—Минск—Барановичи—Брест.

Украинский театр обладает тремя железнодорожными линиями, перпендикулярными к фронту, но более слабо соединенными с центром Польши. Посредством узлов Ковеля и Ровно эти линии связываются с южными провинциями Польши. Эти две сети путей сообщений, перпендикулярные к фронту, сравнительно развиты и соединены в передовой полосе двумя рокадными линиями: 1) Орша — Жлобин — Мозырь — Коростень, 2) Вильна — Барановичи — Лунинец — Сарны — Ровно.

Первая линия проходит по восточному краю области; линия Граево—Белосток—Брест—Холм, образующая третью рокадную линию, находится уже вне предела и к западу от передового района.

Влияние географического фактора на ведение и развитие военных операций выражается именно в особенностях этих трех театров военных действий или, точнее, в их соотношениях между собой и с внутренним Вислинским районом. Советские армии, наступающие на Польшу, должны до Буга действовать двумя разрозненными группами, слабо связанными между собой, не имеющими возможности поддерживать быстрое и тесное взаимодействие. Поляки же наоборот с их операционной базой во внутреннем Вислинском районе имеют преимущество центрального расположения, позволяющее им объединять главную часть своих сил против одной из двух неприятельских групп и постараться разбить ее прежде, чем вторая сможет прийти на помощь находящемуся в опасности соседу. Кроме того сравнительная

легкость защиты польского театра военных действий обеспечивает и фланговое расположение по отношению к каждой из продвигающихся к западу советских армий.

Перенесение военных операций во внутреннюю область является для Польши решительным моментом войны. Наступающий с востока, которому удалось проникнуть в эту область, подвергает непосредственной угрозе самые жизненные центры польского государства. Восточная граница вышеупомянутого внутреннего района является одновременно и его первой линией обороны. Вторая, и последняя, главная защитная линия обозначена линией Вислы, продолженной линией Днестра, и доходит до Карпат.

С точки зрения рельефа внутренняя область не представляет особых отличительных свойств: местность обычно ровная, слабо всхолмленная, с рельефом, немного более подчеркнутым только на юге, между Львовом и Люблином. Из лесистых районов Беловежская пуща, простирающаяся между Неманом и Бугом, заслуживает особого внимания.

Все же необходимо отметить речную систему этой области, образуемую правыми притоками Вислы. Вся эта область подразделяется на несколько участков и на несколько оперативных районов, соответствующих этим участкам.

Первый, начиная с юга, это Люблинский район, между Саном, Вислой, Нижним Вепшем и притоком этого последнего—р. Тысменицей. Этот район преграждает путь неприятелю, который, перейдя украинский театр военных действий, хотел бы повернуть на север, в общем направлении на Варшаву; он образует в то же время исходную базу для наступления против фланга неприятеля, направляющегося на Варшаву через литовско-белорусский театр военных действий [1].

За исключением Люблинского района внутренняя область образует подступы к столице страны — Варшаве. Течения главных притоков Вислы, Буга и Нарева подразделяют ее на 3 района, расположенные веерообразно.

Область, ограниченная на севере Средним и Нижним Бугом, а на юге — Вепшем и Тысменицей, представляет район фронтального наступления на Варшаву; этот район можно назвать Седлецким. Буг по отношению к неприятельским армиям, наступающим с литовско-белорусского театра

[1] Значение Люблинского района выявилось во время операции в августе 1920 г. как против нашего Западного фронта, так и против 12-й и 1-й Конной армий (см. главу XIII и XV). — *Ред.*

военных действий, играет двойную роль: во-первых он образует последнее значительное прикрытие Варшавы с востока и с севера, затем он отделяет силы, надвигающиеся на Варшаву с фронта, от сил, старающихся ее обойти с севера.

Для защиты Седлецкий район, а также Брестский район, является хорошей исходной базой для флангового контрнаступления как на северо-восток по направлению к Волковыску и Белостоку, так и прямо на север в общем направлении на Ломжу [1].

К северу от Буга различают два района: один так называемый Подлясский, между течениями Среднего и Нижнего Буга с одной стороны, Нарева и Бебжи (Бобр)— с другой. Этот район имеет форму треугольника, который открыт к востоку и вершина которого расположена немного к северу от Варшавы. Второй район, это — коридор между Бебжой [2] и Наревом с одной стороны, и границей Восточной Пруссии—с другой; в начале узкий, пересеченный рядом правых притоков Нарева, покрытый в большей своей части лесами, он постепенно расширяется, начиная от р. Ожиц, чтобы превратиться в обширный и доступный район Нижней Вислы.

Подлясский район [3] предоставляет наступающему с востока возможность выполнить фланговый маневр по отношению к силам обороны, сосредоточенным в Варшавском и Седлецком районах. Вместе с проходом между Наревом и Восточной Пруссией он образует путь, дающий возможность наступающему с востока произвести большой обход всей внутренней области Вислы и выйти на тылы противника через Нижнюю Вислу. В этом случае оборона может использовать естественные оборонительные свойства Нижнего Нарева и его правых притоков. Для действий против неприятеля, наступающего против района Нижней Вислы, особое значение для обороны имеет укрепленный Модлинский район (Новогеоргиевск), он образует наиболее подходящий плацдарм для удара в тыл неприятеля.

Р. Висла составляет весьма серьезное препятствие. Ее ширина достигает максимума между Демблином и Варшавой (1 000 *м*), дальше к востоку она в некоторых местах сужи-

[1] Подобное контрнаступление польскому командованию не удалось осуществить в конце июля 1920 г. Месяц спустя через Седлецкий район с юга на северо-восток после варшавского сражения происходило наступление польских армий с линии р. Вепша. — *Ред.*

[2] На русских картах — Бобр. — *Ред.*

[3] В 1920 г. это был район действий 4-й и 15-й Красных армий.—*Ред.*

вается до 400 *м*. Ее русло не урегулировано, ее течение непостоянно, глубина неодинакова, но не позволяет перехода в брод. Мосты имеются только в Демблине, в Варшаве, Модлине, Вышегроде, Плоцке, Влоцлавке.

Глава V.

Апрель — июль 1919 г.

1. Общая обстановка.

Решение о переходе в наступление. Подготовка сил. В течение первых месяцев с польской стороны борьба приняла строго оборонительный характер. Польские войска отражали наносимые им удары, но придерживались оборонительного образа действий, стремясь лишь во что бы то ни стало удержать в своих руках то, чем они владели.

Это положение не могло продолжаться бесконечно. Затяжной характер борьбы в Восточной Галиции доказывал, что действия, принимавшиеся вначале за простой мятеж, были на деле польско-украинской войной. Образование к северу от Припяти польско-советского фронта должно было рассматриваться как начало новой войны с Советской Россией.

С этого времени пришлось оставить методы действия, которых придерживались до тех пор и которые оказались недействительными. Чтобы вполне осуществить цель войны, а именно освобождение Восточной Галиции [1], ее умиротворение и оттеснение наступающих красных войск возможно дальше на восток от границ Конгрессового королевства, нужно было оставить оборону и перейти от несогласованных операций с ограниченными целями к решительным операциям.

Все же это стратегическое правило, столь верное и ясное в основе, осложнялось тогдашним состоянием организации польских вооруженных сил. Чтобы осуществить эти задачи, нужно было сперва создать подходящее военное орудие—вооруженные силы, основанные на принципах организации современных регулярных армий. Батальоны, эскадроны и батареи, внезапно вырванные из наивысших организационных соединений этого времени—полков—и соединенные так же непланомерно на фронте в более или менее

[1] Завоевание всегда у автора называется „освобождением".—*Ред.*

значительные тактические или оперативные группы и подгруппы, должны были быть сведены и слиты в крупные соединения—пехотные дивизии и кавалерийские бригады.

Увеличение количества частей заставило оставить принятую до тех пор систему добровольчества и перейти к воинской повинности.

Из этих двух начал, стратегического и организационного, тесно связанных между собой, вытекал принцип, принятый, начиная с февраля, высшим польским командованием в основу его дальнейшей планомерной работы и приводивший к двум последствиям: оборонительный образ действий на различных уже достигнутых фронтах сил, уже вовлеченных в бой, и одновременно создание новых сил с запрещением их вводить преждевременно в бой; переход к наступлению, когда положение сил, которыми можно было располагать, обеспечит ему характер решительного наступления.

Выше было уже сказано более подробно об этой работе по планомерной организации войск, начатой в феврале 1919 г., так же, как и о применяемых способах и об условиях, в которых эта работа производилась. В конце марта она была уже достаточно подвинута, чтобы можно было поставить вопрос об использовании этих сил в операциях.

Львов или Вильна. В это время внимание всей страны было сосредоточено на Восточной Галиции, где обстановка была тем более серьезна, что как Львов, так и его сообщения с тылом находились под непосредственной и постоянной угрозой со стороны украинцев. Общественное мнение так же, как и политические круги, давно требовало от верховного командования решительных действий, в результате которых украинцы были бы изгнаны из треугольника Львов — Рава Русска — Перемышль и которые удалили бы их от железной дороги Львов—Самбор, устраняя таким образом окончательно опасность с их стороны.

Напряженность положения возросла в середине марта, в тот критический момент, когда Львов второй раз был совершенно окружен, и она не прекратилась даже тогда, когда кризис был изжит и прежнее положение было восстановлено благодаря контрнаступлению ген. Ивашкевича.

Всеобщий интерес к вопросу о Восточной Галиции и признание немедленной решительной операции на Украинском фронте необходимостью, имеющей перевес над всеми остальными задачами, были настолько преобладающими моментами, что оставался в тени вопрос о вторжении Крас-

ной советской армии, дошедшей почти до границ страны, как и вопрос о польско-советских отношениях вообще.

Главнокомандующий и глава государства не поддался этому мнению, он даже противопоставил себя ему, ставя как более актуальную задачу немедленное проявление инициативы на советском фронте. Главнокомандующий был первым и единственным в Польше, кто сформулировал политический план великой державы, стремящейся обеспечить Польше место, которое ей принадлежало в общем порядке международных отношений на востоке Европы.

Понимание действительных намерений Советской России, ее империализма [1], продолжающегося вне зависимости от формы государственного строя, ставили Польшу в необходимость отбросить эту Россию как можно дальше к востоку от фундаментов возрождающейся Польши. Молчание Польши в момент, когда будет решаться судьба и вопрос признания за каким-либо государством земель, лежащих к востокуот р. Буга [2], некогда являвшихся частью республики, было бы равносильно отказу от всяких широких притязаний в области дальнейшего развития Польши и угрожало бы самому ее существованию.

Первым этапом осуществления этого плана должно было быть освобождение Вильны, города, который всегда являлся политическим и культурным очагом литовских и белорусских земель. Для достижения этой цели необходимо было считаться не только с Советской Россией и ее вооруженной живой силой, удерживающей Вильну в своих руках, но также с трудностями более общего характера, вытекающими из третьего фактора. Являлось несомненным, что „союзники", несмотря на свою политику, мало благоприятную по отношению к Советской России, в принципе противились всякой экспансии Польши на восток, так как верили в быстрое возрождение старой России, по отношению к которой они имели обязательства еще со времени ведения общей войны против центральных держав. Они должны были рассматривать переход Польши за Буг, как захват в ущерб бывшей или, вернее, будущей России. Поэтому нужно было силой создать совершившийся факт, чтобы позднее получить признание de jure; надо было саблей разрешить вопрос о восточных границах Польши,

---

[1] Эти и следующие строки являются откровенной формулировкой притязаний польского империализма.—*Ред.*

[2] Р. Буг в общем является этнографической границей Польши. — *Ред.*

стоящий на очереди в высших международных комиссиях. И здесь приходилось считаться как с особенно важным с фактором времени. Операция на Вильну должна была произойти до решения Версальской мирной конференции[1].

Рассматриваемая под углом зрения столь широко задуманной и на много превосходящей запросы момента концепции, обстановка у Львова, хотя и действительно тяжелая, теряла часть своей остроты и сводилась к вопросу о том, нельзя ли отложить действия, имеющие целью коренное изменение этого положения.

Верховный главнокомандующий в этом отношении признавал, что ген. Ивашкевич с теми силами, которыми он в это время располагал, мог если не улучшить, то во всяком случае сохранить положение таким, каким оно было до наступления украинцев, и следовательно, что немедленная отправка к Львову последних сил, которыми можно было располагать, не являлась настолько острым вопросом, чтобы отказаться от наступления на Вильну и от широких политических замыслов, с ним связанным.

Таким образом верховный главнокомандующий, считая по указанным причинам более важным во времени наступление на Вильну, отложил решительные действия в Восточной Галиции лишь на короткий срок, необходимый, чтобы завершить организацию новых единиц, в числе которых находились дивизии польской армии, организованной во Франции, которые должны были к этому времени прибыть в Польшу.

2. Наступление на Вильну.

План действий. Подготовка. Подобно тому как решение об операции являлось творчеством верховного главнокомандующего, план ее исполнения был набросан также им одним.

В то время, когда этот план появился в своей окончательной форме, польские войска на советском фронте были расположены на линии Ясельда — Огинский канал (к востоку от Шары), приближаясь к северу от Немана к железной дороге Барановичи — Лида и к р. Дитва; за их левым крылом находились германские войска, которые все

[1] Пилсудский наивно считал, что российская контрреволюция победит до окончания Версальской конференции, что „русский вопрос" будет на ней решаться, и сам он, как и автор, полагал, что в этом случае союзники будут вынуждены примириться с завоеваниями Польши на Востоке вопреки притязаниям российской контрреволюции. — *Ред.*

еще занимали Гродненский район. К этому времени распределение неприятельских сил по данным, имеющимся у польского командования, было следующее: одна группировка находилась в Виленском районе, ее передовые части, расположенные фронтом к западу на линии Жосли — Высокий Двор — Пжелаи, были слабо связаны с литовскими и германскими войсками в Литве, и одни лишь их отряды левого крыла в районе Марцинканцы были частично расположены фронтом к польским войскам.

Другая большая группировка занимала район Лиды, связываясь посредством слабых отрядов близ Новогрудка с третьей большой группировкой в районе Барановичи.

В Полесьи советские войска образовали более значительную группировку в районе Лунинца. Резервы находились в Минске и Бобруйске.

При первом взгляде на схему распределения советских сил на фронте можно заметить пустое пространство между группировкой, базирующейся на Вильну и расположенной уступом немного к востоку группировкой у Лиды. Через это почти незащищенное пустое пространство проходили главные пути сообщения на Вильну, а именно три дороги и 1 железнодорожный путь.

На учете этого слабого места неприятельского расположения верховный главнокомандующий основал свой смелый и рискованный план операции[1]. Этот план заключался в быстром и открытом сосредоточении к западу от Лиды одной кавалерийской группы, одной пехотной группы, затем в продвижении этих групп прямо на север, по обеим сторонам дороги, идущей параллельно железнодорожному пути Лида — Вильна, и к востоку от него, оставляя в стороне Лиду; задача: как можно скорее овладеть Вильной. Верховный главнокомандующий рассчитывал, что кавалерия начнет атаку Вильны на 3-й, самое позднее на 4-й день марша. Пехота, идущая форсированным маршем, должна была обеспечить занятие Вильны, захваченной кавалерией. Другая группа, хорошо снабженная артиллерией, должна была во время рейда кавалерии атаковать Лиду и занять ее, чтобы прикрыть движение на Вильну и вместе с тем обеспечить нам необходимую базу для продолжения операции. Однако, чтобы советские силы, расположенные к югу

[1] Для понимания „смелости" польского плана необходимо иметь в виду осведомленность польского командования о положении Красной армии благодаря хорошей работе польского шпионажа. — *Ред.*

от Немана, не смогли произвести контратаку на Лиду, они должны были быть скованы одновременно наступлением

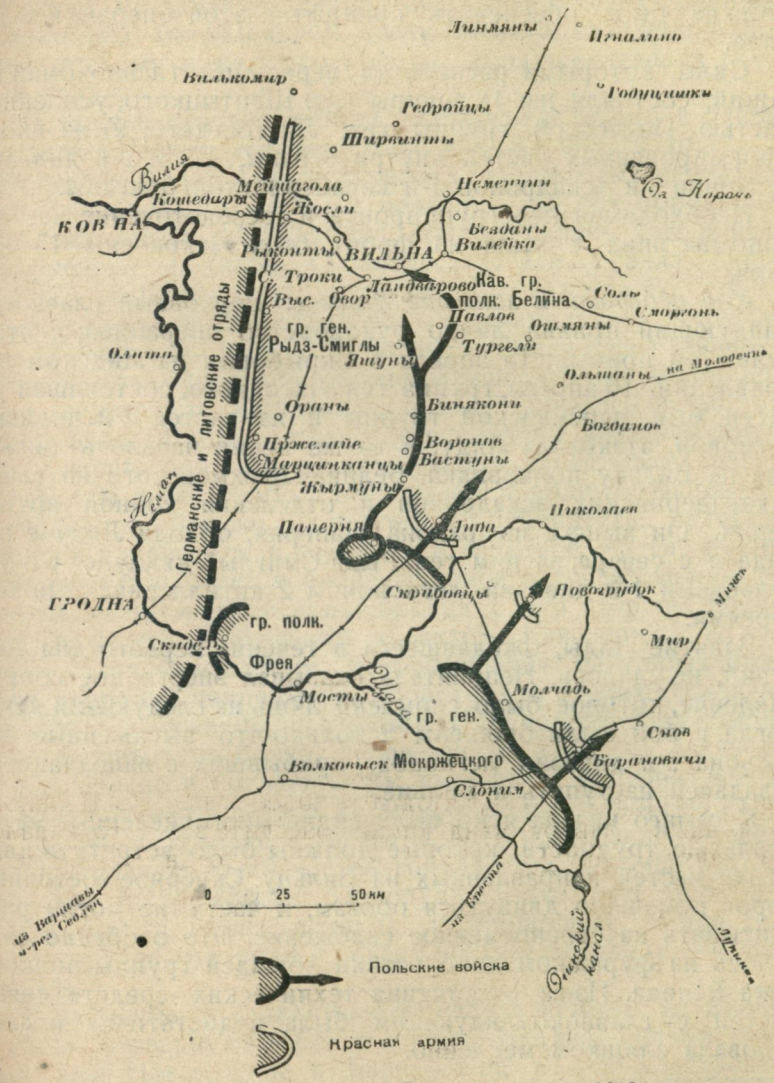

Схема 9. Наступление на Вильну в апреле 1919 г.

на Барановичи и Новогрудок. Наконец, принимая во внимание, что германцы еще занимали Гродненский район

и что их отношение к польским операциям на Вильну еще не выяснилось, специальная группа в районе Скиделя должна была обеспечить прикрытие этой операции с запада.

Силы, которыми располагал верховный главнокомандующий, состояли из: 1) группы ген. Шептыцкого, усиленной частью Полесской группы ген. Листовского; 2) из вновь сформированных частей внутри страны, 1-й и 2-й дивизий легионов [1] и эскадронов 1-й кавалерийской бригады.

Необходимая перегруппировка и сосредоточение частей, прибывающих с тыла на фронт, были закончены 15 апреля.

Ход действий и занятие Вильны. Верховный главнокомандующий принял лично руководство операцией; с этой целью он прибыл 15 апреля в Скрыбовцы на Лидском направлении. 16 апреля группа ген. Лясоцкого, состоявшая из части быв. занеманской группы и из частей 2-й дивизии легионов, атаковала Лиду; в то же время началось движение на Вильну полковника Белина-Пражмовского во главе 9 кавалерийских эскадронов и отделения конной артиллерии. Он вышел из района Паперня, обходя Лиду с запада и с севера; за ним ген. Рыдз-Смиглый двинулся с 3 батальонами 1-й дивизии легионов и 2 артиллерийскими батареями.

Занятие Лиды, ожидавшееся в течение первого дня действий, не удалось. Неприятель оказывал энергичное сопротивление, которое было сломлено лишь на следующий день, когда в бой были брошены 2 только-что высаженные батальона 2-й дивизии легионов, прибывших с запозданием, с задачей наступать к Вильне.

С самаго начала ясно были видны многочисленные материальные трудности, которые должны было встретить движение частей, направленных на Вильну. Скверное состояние дорог помешало двинуться обозам, и части не могли рассчитывать на своевременное снабжение. Это особенно сказалось на фуражном довольствии лошадей группы полковника Белина. Из-за отсутствия технических средств связь частей с главнокомандующим была недостаточна и действовала слишком медленно.

---

[1] Вопреки распространенному в нашей литературе мнению (например „Гражданская война", т. III, стр. 157, Москва, 1930) в Белоруссии в апреле 1919 г. действовали вновь сформированные дивизии „легионов" Пилсудского, а не галлеровские дивизии, которые были брошены на завоевание Восточной Галиции. — *Ред.*

Тем не менее продвижение в общем соответствовало плану главнокомандующего. Там, где приказы не доходили во-время, их заменяла инициатива командующих. Пробелы и недочеты материальной части были преодолены благодаря подъему и желанию победы, воодушевляющих молодых солдат.

18 апреля кавалерия была уже сосредоточена в районе Тургели—Павлов, готовая атаковать Вильну, находясь на расстоянии более одного перехода от пехоты, передовые части которой доходили до Бенякони. До сих пор неприятель еще нигде не оказывал сопротивления. Его войска, обращенные фронтом к западу, начали правда направляться на Вильну, но ничто не указывало на то, что советское командование отдавало себе отчет в близости опасности, угрожающей городу. Живительная идея плана главнокомандующего „использовать самое лучшее преимущество войны — внезапность, разбивающую силу", сбылась полностью.

На заре 19 апреля польские эскадроны внезапно появились перед Вильной. Одним ударом захватывают вокзал и главную часть города, сея панику и полный беспорядок в гарнизоне. Все же мало-по-малу неприятель, которому удалось удержаться в северной и западной части города, оказывает все более и более упорное и согласованное сопротивление, и временами борьба с его стороны принимает даже наступательный характер. Кавалерия с ее слабыми наличными силами, разбросанными на улицах большого города, непривычная бороться в таких условиях, оказалась в тяжелом положении. Но к вечеру ей на помощь пришли пехотные полки, перевезенные в поезде, захваченном в Вильне и посланном им навстречу. Решение все же было достигнуто только 21 апреля по прибытии ген. Рыдз-Смиглого с остальной пехотой, что позволило перейти в решительную атаку частей города, где все еще находились советские войска. Пополудни в этот же день весь город был в руках поляков. Отброшенный неприятель в беспорядке отступил к северу и к северо-западу — к Мейшаголе.

Одновременно с действиями, направленными на Вильну и Лиду, развернулись бои к югу от Немана, целями которых был Новогрудок и Барановичи; в бою участвовала группа ген. Мокжецкого, насчитывавшая едва 9 батальонов, 7 эскадронов и 3 батареи. Неприятель оказал серьезное сопротивление, и Новогрудок был занят только 18 апреля, Барановичи—19-го, после 4 дней ожесточенных боев.

Усталость войск, особенно Виленской группы, и группы ген. Мокжецкого, не позволила сразу же продолжать действия. Группа ген. Мокжецкого остановилась в дальнейшем на линии бывших германских окопов, находившихся к востоку от Барановичи и вдоль р. Сервеч до Немана. Виленская группа продвинула свои передовые части на линию Вилейка — Безданы — Неменчин — Мейшагола — Рыконты — Старые Троки; одна только группа ген. Лясоцкого продвинула вперед свою кавалерию, чтобы занять Богданов и Ольшаны и заполнить пустоту, которая образовалась в центре нового фронта.

Отражение советского противодействия. Дальнейший проект верховного главнокомандующего заключался в действиях в направлении на Молодечно и после овладения этим важным для советских войск пунктом в кавалерийском рейде на Минск; но неприятель опередил этот план и со своей стороны развил действия с целью вернуть Вильну.

Польское наступление сильно поколебало прежнюю группировку советского фронта. Линия Вильна — Лида — Барановичи, рассматриваемая советским командованием как передовая линия обороны, была потеряна, и дальнейшее продвижение польских войск к востоку угрожало Молодечно, важному пункту второй линии обороны, проходившей от Двинска через Минск на Гомель. Кроме этих чисто военных соображений оставление Вильны как важного политического центра являлось тяжелой потерей.

Советское командование удвоило свои усилия, чтобы восстановить положение и прежде всего снова занять Вильну. На угрожаемый участок фронта были брошены все резервы, которыми можно было располагать; были сняты даже силы из Полесья и с соседнего фронта, против Латвии. В последних числах апреля советские силы сосредоточились в трех районах: в районе Ширвинты к северо-западу от Вильны, в районе Подбродзе к северо-востоку и в районе Солы-Ошмяна к востоку. Эти три группировки, расположенные полукругом вокруг Вильны, должны были действовать концентрически против нее.

Главнокомандующий, которому пришлось 27 апреля вернуться из Вильны в Варшаву, поручил задачу обороны Вильны против ожидаемого наступления ген. Рыдз-Смиглому, который был поставлен во главе Виленской группы, состоявшей из отрядов 1 дивизии легионов, из 1 кавалерийской бригады и из нескольких частей Лидской группы ген. Лясоцкого, спешно переброшенных из Лиды на Вильну.

Группа насчитывала всего 8 пехотных батальонов, 8 эскадронов и 4 артиллерийских батареи. Подкрепления с тыла, которые были ей немедленно обещаны, должны были в следующие дни увеличить силы этих батальонов.

Эти несколько дней боев за Вильну против более сильного противника составляют славную страницу в истории молодых польских войск[1]. Ген. Рыдз-Смиглый, предугадывая намерения и планы противника, стремился им противодействовать, воспрепятствовать одновременно атаке его трех группировок и разбить их по отдельности.

Наступательные действия против неприятеля, сосредоточенного в Подбродзе, заставили внезапно отступить в район Свенцяны. Неприятельские силы, действовавшие со стороны Ошмяны, были скованы и отброшены от самых подступов к городу. Наконец ген. Рыдз-Смиглый отбросил остаток советских сил вместе с неприятельскими частями, которые успели в последнюю минуту укрепиться в северо-западной части Вильны и атаковали на Ширвинтском направлении.

Восстановление Литовско-белорусского фронта. Обстановка на Полесском фронте. 1 мая все планы неприятеля, непосредственно угрожавшие Вильне, были разбиты. С этих пор польские войска ускорили наступление и целым рядом атак отбросили неприятеля далеко от города; они заняли Мейшаголу, Гедроицы, Подбродзе и Сморгонь. В то время как Виленская группа вела в течение нескольких дней бои за Вильну, на остальном фронте не происходило серьезных действий. К югу от Немана группа ген. Можецкого все еще занимала линию германских окопов и организовывала там оборону, выбрасывая к востоку лишь слабые отряды. Группа ген. Лясоцкого, действовавшая в районе к востоку от Лиды, продвинулась 8 мая до линии бывших германских окопов, к востоку от Богданова и Ошмяны.

Занятие германских окопов временно положило конец наступлению. Изменения, происшедшие в общей стратегической обстановке, и новые обязанности, выпавшие на долю главнокомандующего, не позволили продолжать операции на Минск. Одна лишь группа ген. Смиглого вследствие ряда боев еще немного продвинулась и в середине мая дошла до линии озеро Нароч—Годуцишки—Игналино—Лынгмяны.

---

[1] См. стр. 24. Дабы иметь полную картину занятия Вильны белополяками, необходимо отметить устроенный ими в этом городе еврейский погром.—*Ред.*

Добавим несколько слов о том, что произошло в то же время на участке ген. Листовского в Полесьи. Две попытки, совершенные в апреле и мае, чтобы продвинуться к востоку и овладеть железнодорожным узлом у Лунинца, потерпели неудачу вследствие слабости войск, которыми располагал ген. Листовский. В результате линия Полесского фронта и дальше прошла по р. Ясельде и Огинскому каналу, и только к югу от Припяти слабые отряды Полесской группы продвинулись до Верхней Стыри.

Увеличение сил, действующих на фронте, и большое протяжение театра польско-советской войны вызвали изменения в организации командования. Ген. Листовский остался во главе Полесского участка, левое крыло которого тянулось до слияния Огинского канала и Верхней Шары. Участок к северу от Барановичи включительно образовал Литовско-белорусский фронт под командованием ген. Шептыцкого и был подразделен на четыре подучастка, соответствующих четырем группам: ген. Можжецкого—в районе Барановичи, ген. Лясоцкого—в районе к востоку от Новогрудка, полковника Зажицкого—в районе к востоку от Лиды и ген. Рыдз-Смиглого, группа которого была развернута по обширному полукругу к востоку, северу и частично к западу от Вильны.

Кроме того Литовско-белорусскому фронту была поставлена задача иметь наблюдение за Литвой и за германскими войсками, находившимися на ее территории. Эта задача выполнялась в Виленском районе войсками ген. Рыдз-Смиглого, а также группой полковника Дзевульского, распределенной отрядами к западу от железной дороги Вильна—Гродно, и наконец—войсками командования Гродненской крепости.

3. Завоевание Восточной Галиции.

Подготовка действий. Одновременно с развитием операции на советском фронте продолжались приготовления к наступлению против украинцев.

Настал крайний срок для этой борьбы, и это по двум причинам. Во-первых союзники, главным образом Англия, приняли по отношению к вопросу о передаче Восточной Галиции Польше такую неблагоприятную позицию, что фактическое занятие территории и полное овладение ею составляли для Польши лучшую гарантию защиты ее прав на эту территорию. Вторая причина была стратегическая: выявившаяся в ту эпоху необходимость подготовиться

к вооруженным действиям против германцев требовала окончательного вывода из игры украинцев [1]; таким образом польские силы, занятые операциями в Восточной Галиции, могли бы быть использованы для новых задач, в том числе для установления прямой связи с Румынией.

В то же время состояние сил, на которые могло рассчитывать польское верховное командование, вполне соответствовало потребностям этой операции.

Столь ожидаемое возвращение в Польшу польской армии, организованной во Франции, наконец осуществилось. Первые транспорты этой армии, насчитывавшей в своем составе 4 полных пехотных дивизии и части 2 других дивизий, начали прибывать в Польшу через Германию. Именно эти 4 полные дивизии с 2 новыми дивизиями, сформированные на Галицийском фронте, создали достаточную силу, чтобы придать действиям решительный характер тем более, что на второстепенных участках можно было использовать другие части, занятые операциями в Галиции и Волыни и еще не соединенные в дивизии.

На деле же все расчеты верховного командования столкнулись с серьезным препятствием. Союзники, отправляя после столь долгого срока польскую армию на родину, формально подчинили ее главнокомандующему союзнических армий [2] и ограничили этим верховному польскому командованию возможность свободного распоряжения этой армией. В частности это неудобство особенно проявилось в использовании этой армии в Восточной Галиции.

Несмотря на это, верховное командование в своем наступательном плане, уточненном в последних числах апреля, предусмотрело частичное участие в наступлении частей, прибывших из Франции.

План действий. Руководящей идеей этого плана был обход с севера украинских сил, сосредоточенных в Львовском районе и на юго-запад от города, и их оттеснение за Днестр. С этой целью главная часть сил под командованием ген. Галлера, состоявшая из 2 дивизий стрелков,

[1] Автор изощряется в обосновании наступательных действий в каждом отдельном случае: то необходимость предупреждения наступления, то необходимость обороны, то необходимость последующего перехода в наступление на другом фронте. В данном случае автор ссылается на „германцев", так как во время Версальских переговоров нужно было иметь самый актуальный повод, чтобы оправдать военные действия в Галиции. — *Ред.*

[2] В этом сказывается лишь формальная зависимость Польши от Антанты. На самом деле благодаря англо-французским противоречиям и поддержке Франции Польша смогла осуществить свои планы.—*Ред.*

прибывших из Франции, и из частей, занимавших до тех пор Волынский фронт (ген. Карницкий), должна была, выступив из района Владимир-Волынский — Рава-Русска, атаковать в общем направлении на Красне и далее на Бучач, прикрываясь с востока линией р. Стыри. Немного позднее силы Галицийского фронта под командованием ген. Ивашкевича должны были перейти в наступление, выдвигаясь из района Хыров—Перемышль—Садова Вишня в общем направлении на Стрый.

В первых числах мая ген. Иосиф Галлер принял общее руководство всей операцией. В рамках вышеизложенного плана ген. Галлер распределил силы и задачи следующим образом.

Группа левого крыла ген. Карницкого получила задачу обеспечить наступление с востока концентрическим наступлением из района Ковель—Владимир-Волынский на Луцк, а затем на Ровно. Левое крыло должно было растянуться до Сарны.

Центральная группа под командованием ген. Одри, состоящая из 1-й и 2-й дивизий стрелков и войск Волынского фронта, действовавших до тех пор в районе Рава Русска, получила задачу вести наступление в направлении Броды—Красне, прикрывая себя со стороны Дубно.

Наконец группа правого крыла ген. Ивашкевича, состоявшая из частей, которые сейчас входят в состав Галицийского фронта и ядро которых было составлено из недавно сформированных дивизий (3-й дивизии легионов и 4-й дивизии), должна была концентрически наступать из района Хыров—Мосциска на Самбор, производя демонстрацию от Львова по направлению на юг, к Днестру.

Около 10 мая подготовка к операциям и перегруппировки на фронте были почти закончены, и ген. Галлер смог назначить на 14 мая начало наступления.

Изменения в первоначальном плане. В это время, почти накануне наступления, польское верховное командование оказалось вынужденным в корне изменить свой план операции и иначе распределить свои силы со всеми вытекающими из этого последствиями.

Под давлением английского и американского правительств [1] и во избежание политических осложнений пришлось отказаться от использования дивизий Галлера в Галиции.

---

[1] Англия действовала против внедрения в западную Украину господства франко-польского капитала. — *Ред.*

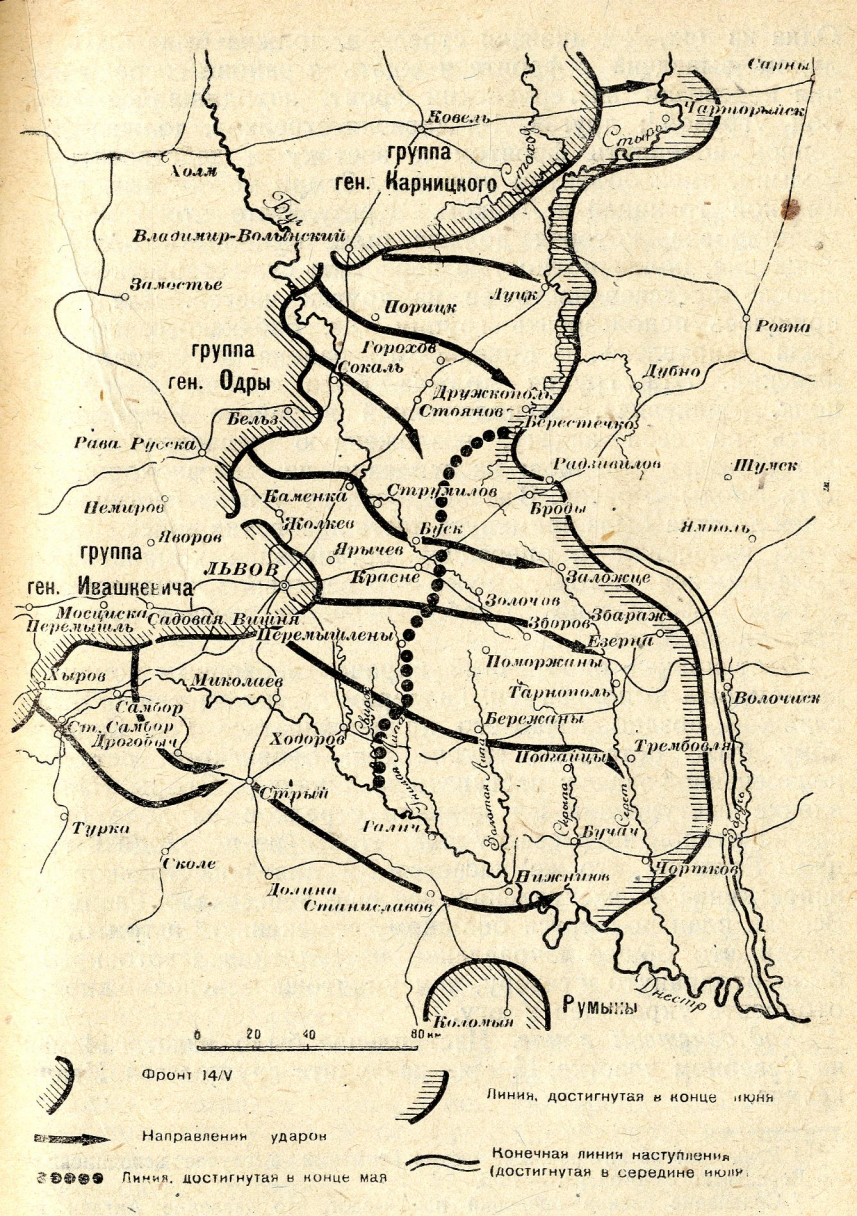

Схема 10. Завоевание Восточной Галиции (зап. Украины).

Одна из них, 2-я дивизия стрелков, должна была быть целиком выведена с фронта и ждать в районе сосредоточения перевозки на германский фронт, находившийся тогда под угрозой[1]; другая, 1-я дивизия стрелков, должна была теперь повернуть фронтом к востоку и действовать на Волыни, имея объектом линию р. Стыри между быв. Галицийской границей и Луцком. В результате этого мощная группировка, которая должна была выполнить обходное движение, почти полностью перестала существовать и пришлось восстанавливать ее из других частей. Для этого пришлось использовать группу ген. Бабянского, которая была направлена из Ковельского района на Владимир-Волынский. Эта группа должна была сообща с группой полк. Минкевича, расположенной в районе Рава-Русска, взять на себя задачу, возложенную первоначально на 2-ю дивизию стрелков: наступление на железнодорожный путь Броды—Красне. В зависимости от успеха наступления к ней должна была примкнуть часть львовских войск. Кроме этих изменений в операциях организация командования была изменена в том смысле, что верховное командование оставило формально за собой непосредственное руководство операциями.

Этот приказ, одобренный впрочем верховным командованием, был выполнен ген. Галлером только частично. Было слишком поздно точно его придерживаться. Ген. Карницкому была оставлена группа ген. Бабянского; осталась неизмененной задача: наступать на линию р. Стырь. Направление наступления 1-й дивизии стрелков на деле было слегка отклонено к северу так, чтобы не переходить границы Галиции; что же касается 2-й дивизии стрелков, то направление ее наступления все еще пересекало Галицию. Все же план подвергся большому изменению[2] в том отношении, что общее направление наступления левого крыла было отодвинуто к северу, чем уничтожалась возможность отбросить украинцев к югу.

Ход действий в мае. Наступление было начато 14 мая на Северном участке, 15 мая—на фронте группы ген. Ивашкевича.

---

[1] Речь идет об интервенции против Германии в случае неподписания ею Версальского договора. — *Ред.*

[2] Сравнение планов операций показывает, что давление Англии не оказало почти никакого влияния на польское командование, так как 2-я дивизия Галлера осталась в Галиции, и лишь направление наступления 1-й дивизии было слегка отклонено. — *Ред.*

Численность действующих сил, брошенных в наступление в Волыни и в Галиции, достигала 50 000 чел. и 200 орудий.

Это почти одновременное наступление на фронте протяжением в 400 *км* имело с первых же дней действий тот результат, что почти совершенно было сломлено сопротивление неприятельских сил и были посеяны среди них беспорядок и паника. Войска ген. Ивашкевича благодаря быстрому продвижению с запада и из Львовского района появились 20 мая на линии Ярычев (к востоку от Львова) Миколаюв—Стрый-Турка и таким образом овладели нефтяным бассейном, важным с экономической точки зрения [1]. Одновременно группа ген. Одри продвигалась немного медленнее и выходила на линию Горохов—Стоянов—Каменка-Струмилова.

С этого времени операции определенно приняли характер преследования. Несколько колонн, действуя параллельно, продвинулось без больших затруднений в общем направлении на восток, имея задачей выход на фронт Броды—Нижнюв—Коломыя. Верховное командование хотело достигнуть этой линии возможно скорее, опасаясь нового сопротивления союзников в отношении использования польских частей, сформированных во Франции. 27 мая к югу от Днестра польские войска заняли Галич и Станиславов и вошли в связь с румынскими войсками. Эти последние в составе 1 пехотной дивизии и 1 кавалерийской дивизии действовали заодно с польскими войсками; накануне они заняли Коломыю и продвинули свои передовые части к Днестру. К северу от Днестра польские войска выходили одновременно на линию Радзивиллов—Броды—Злочов—Перемышляны и Гнилая Липа; в течение 4 следующих дней они продвинулись до линии Радзивиллов—Езерна—Бжезаны к западу от р. Злота Липа. В это время группы, действовавшие на Волыни, занимали линию р. Стыри с обширным тэт-де-поном у Луцка.

Вмешательство союзников. Приостановка наступления. Предположения верховного командования относительно позиции союзников оправдались. Во время самых больших польских успехов на фронте они снова вмешались и дошли до угрозы прекратить Польше транспорт военных припасов и материалов. Чтобы избегнуть обострения во-

[1] Это был главнейший объект наступления белополяков в западной Украине. — *Ред.*

проса, верховное командование приказало приостановить наступление в Галиции на линии Броды—Заложцы—Езерна и Злота Липа, особенно настаивая на необходимости обеспечить уже налаженную связь с Румынией. К востоку от линии, предписанной верховным командованием, действия должны были ограничиться разведкой и занятием Тарнополя как передового пункта. Силы на фронте должны были быть расположены таким образом, чтобы можно было осуществить их сосредоточение главным образом в районе Броды—Красне—Злочов; южнее Днестра должно было быть оставлено только количество войск, необходимое для поддержания порядка в стране.

Одновременно верховное командование приступило к выводу из Галиции большого количества войск. Первыми были сняты обе дивизии Галлера, отдых которых впрочем уже начался раньше, во время наступления, затем отдельные батальоны, которые после их реорганизации внутри страны должны были войти в состав своих дивизий.

На фронте должны были остаться: в Галиции 3 дивизии—3-я, 4-я и 5-я, вновь сформированные вместе с группой ген. Енджеевского; на Волынь должна была быть отправлена дивизия ген. Бабянского, а также дивизия ген. Желиговского, недавно прибывшая после перехода через Румынию. В это время произошло изменение в составе командования: командование Галицийским и Волынским фронтами было поручено ген. Ивашкевичу, на ген. Галлера было возложено командование противогерманским фронтом [1].

Директивы верховного командования относительно наступления не были выполнены; изолированные отряды, выдвинутые впереди фронта, не ограничились простой разведывательной ролью, они прочно заняли пункты, находящиеся гораздо более на восток, как например Скала, Трембовля и Чертков, что вызвало большое распыление сил и уменьшение их сопротивляемости.

Наступление украинских войск и отход в июне. Поэтому, когда украинцы, реорганизовав и приведя в порядок после поражения части своих сил, начали 8 июня контрнаступление из района Скала—Чертков, польский фронт не смог выдержать наступления и, раз поколебленный, начал отступать, не имея возможности уцепиться за какой-либо из рубежей, указанных верховным командованием. В по-

[1] В то время Германия, не подписавшая еще Версальского мира, находилась под угрозой новых репрессий со стороны Антанты.— *Ред.*

следних числах июня фронт находился на линии Верхней Стыри, Верхней Гнилой Липы и Нижнего Свижа, где наконец сопротивление начало медленно усиливаться. Таким образом не только не могло быть речи о выводе из Галиции части сил, предусмотренных верховным командованием, но и пришлось спешно двинуть туда значительные силы с тыла, например 6-ю дивизию стрелков и несколько вспомогательных групп, созданных тогда же.

Польское контрнаступление в июле. Поражение украинцев. При этих обстоятельствах верховный главнокомандующий прибыл на фронт и лично принял руководство продолжением действий. Он решил немедленно перейти, произведя необходимые перегруппировки, к контрнаступлению. Начатое 28 июня на всем фронте с главным усилием, направленным на Бжезаны, оно увенчалось полным успехом, и с следующего же дня сопротивление неприятеля было сломлено. Два дня спустя фронт достиг линии Броды—Бжезаны—Злота Липа и 5 июля — линии Подкамень—Езерна—Стрыпа, где войска остановились до 14 июля, не будучи потревожены неприятелем. Новое продвижение к востоку, начатое 14 июля, не встретило сопротивления. Украинцы находились в полном отступлении, и 17 июля польские войска дошли до Збруча[1]. Разложившиеся остатки армии Западной украинской республики были отброшены за Збруч и передали себя в распоряжение правительства Днепровской Украины, которое вскоре направило их на советский фронт.

---

[1] В конце мая беспомощная „украинская" делегация на Версальской конференции заявила протест против империалистского вторжения поляков на Украину, причем указывала, что „Украина, которая истощается в борьбе против большевистских войск, подвергнулась нападению поляков, получивших от Антанты под предлогом борьбы с большевиками материальную и моральную поддержку". Этот жалкий лепет не имел никакого воздействия на Антанту. В соревновании за первенство и за главную роль в борьбе с большевизмом победу одержала Польша, которая при этом „скушала" западную Украину. На заседании „четверки" на Версальской конференции 21 мая под председательством самого Вудро Вильсона Ллойд Джордж наговорил неприятностей Клемансо („Вы видите, что делают ваши поляки"), но суть дела от этого совершенно не изменилась. Польские дипломаты (Залеский и Падеревский) ссылались на то, что польская армия ведет борьбу с „большевистскими бандами". Французский писатель Мартель правильно пишет, что этот предлог служил для того, чтобы оправдать зверства, совершенные белополяками в Галиции: „Они расстреливали, вешали, пытали, заточали в тюрьмы, грабили, конфисковали, коротко—забавлялись, как в доброе старое время; были казнены многочисленные украинские священники: белополяки не брали пленных, чтобы избегнуть перегрузки". Мартель приводит ряд фактов о жестокостях, совершенных белополяками при завоевании западной Украины. — *Ред.*

Ход действий в июне и июле на Волыни. Соприкосновение с советской армией. События, развернувшиеся с начала июня в Галиции, не оказали никакого влияния на Волынский фронт. Все же обстановка на этом фронте потерпела значительные, даже существенные изменения вследствие радикальных изменений, совершившихся на стороне противника. Как известно, наш противник поддерживал до сих пор борьбу в Волыни на два фронта: против Польши—на западе, против Советской России—на востоке. Борьба на советском фронте все время была неблагоприятна для украинцев. Уже с марта месяца советские войска заняли Киев и Одессу, затем, постоянно продвигаясь на запад и обходя украинскую армию с севера и с юга, они отбросили ее в первой половине мая на линию Сарны—Острог—Ямполь. В конце мая, когда польские войска уже обосновались на р. Стыри и у Луцка, советские войска заняли Ровно, Дубно и Кременец, приближаясь южнее к р. Збручу. С этого времени вся армия Днепровской Украины очутилась на весьма ограниченной территории, сжатая между польскими войсками и областью западной Украины (Восточной Галиции), с одной стороны и советскими войсками—с другой. Новое давление советских войск на западе и на юге отбросило остатки украинской армии в район Каменец-Подольска. Здесь во второй половине июля они соединились с украинскими частями, отступившими из Галиции на Збруч. Наконец в последнем усилии, сопровождавшемся первыми попытками дружеского соглашения с польским командованием, они еще раз образовали фронт против Красной армии и перешли в наступление[1].

Таким образом „третья сторона", которая в течение стольких месяцев отделяла нас на территориях, расположенных к югу от Припяти, от Советской России, была выведена из игры и вскоре, в начале июня, польские войска Волынского фронта вошли в непосредственное соприкосновение с Красной армией. Этот новый противник проявил сразу же враждебные тенденции и решительно атаковал группу ген. Бабянского у Рафаловки и у Чарторийска, а также и войска, которые занимали Радзивиллов на границе Галиции. Временный успех, достигнутый ими на участке ген. Бабянского, быстро был ликвидирован; на нажим у Рад-

[1] Таким образом политический проходимец Петлюра после попыток договориться с Деникиным пришел к соглашению с белополяками, которым он предал украинских рабочих и крестьян, чтобы вести борьбу с Советской республикой. — *Ред.*

зивиллова ген. Ивашкевич, которому подчинялся этот участок как командующему Галицийским фронтом, ответил налетом на Ровно 10 июня. С этого времени относительное спокойствие установилось на всем Волынском фронте; оно должно было продолжаться довольно долго.

Обстановка на Украине в июле. Во второй половине июля общая обстановка на Волынском и Галицийском фронтах представлялась следующим образом: начиная от Припяти, фронт проходил вдоль р. Стыри и через Броды и Заложцы достигал р. Збруча. Северная часть фронта составляла советский фронт; в южной части, начиная приблизительно от Подволочиска, польские войска находились в контакте с войсками Днепровской Украины, которые придерживались по отношению к нам нейтралитета и отдавали все свое внимание борьбе против советов.

Бои за Восточную Галицию, тянувшиеся более 3 месяцев, пришли к концу, и эта страна, находившаяся так долго в огне войны, оказалась в руках поляков. Ее будущность должна была разрешиться в плоскости международного права. 25 июня еще в течение борьбы союзники формально разрешили польскому правительству занять войсками быв. Галицию до р. Збруча и ввести в ее восточную часть гражданское управление. Позднее решение верховного совета Антанты от 21 ноября 1919 г. представило Польше временный 25-летний мандат на управление областью, называемой Восточной Галицией. Это решение вызвало протест польского правительства, которое в ноте по 10 декабря заявило председателю мирной конференции, что оно рассматривает Восточную Галицию как неотъемлемую часть Польши. Своим голосованием от 22 декабря верховный совет подтвердил свое решение от 21 ноября. Только позднее Восточная Галиция была окончательно присоединена к своей метрополии [1].

4. Меры предосторожности против Германии.

Влияние боевой готовности против Германии на ход действий на Восточном фронте. Вручение в начале мая немцам в виде ультиматума проекта мирного договора, составленного Антантой, создало весьма напряженную обстановку. Были опасения, что это может явиться причиной новых международных осложнений.

---

[1] Дословно—„материнской стране". На языке империалистов так называется государство, захватывающее чужие области (колонии). — *Ред.*

В Польше опасения по этому поводу, дошедшие до предусмотрения возможности вооруженного конфликта, быстро нашли свое оправдание в сообщениях, что германцы в это время приступали к усиленному сосредоточению войск в Силезии, в их оттягивании эвакуации района Сувалки и в продолжительном сохранении значительных сил на территориях балтийских государств.

Угроза войны с новым, столь могущественным противником в столь трудных условиях, в которых находилась Польша, ставила верховное польское командование перед весьма сложной и трудной задачей. Поэтому уже с мая месяца верховное командование приняло все меры, чтобы своевременно подготовиться к такой возможности, и прежде всего оно позаботилось создать и собрать необходимые силы.

Войска, которыми в то время располагало внутри страны верховное командование, были малочисленны и находились в стадии реорганизации. Действительно главная часть польских сил находилась на Восточном фронте, главным образом в Восточной Галиции. Было весьма важно вывести возможно большее количество войск с Восточного фронта и сформировать из них, также возможно скорее, новые дивизии, предусмотренные в общем организационном плане. Кроме того польская армия ген. Галлера, прибывшая в то время из Франции, должна была составитьрезерв нужных сил.

Необходимость вывести часть сил с Восточного фронта не могла не повлиять на ведение самих операций на этом фронте. В отношении советского фронта это влияние, как уже говорилось, сказалось на остановке продвижения к востоку и к северу, несмотря на предрешенное наступление на Минск. Всякие новые наступательные действия против Советской России были противопоказаны, так как германские войка в Литве угрожали тылу нашего Литовско-белорусского фронта и так как необходимо было неустанно заботиться о безопасности этих тылов. Что же касается Украинского фронта, здесь наоборот новая обстановка требовала решительного наступления ввиду того, что отход войск, находившихся там, был невозможен. Кроме того оттеснение украинцев за пределы Восточной Галиции позволяло нам осуществить связь с Румынией, единственную нашу связь с союзниками в случае ожиданной войны [1].

---

[1] Данцигский коридор, через который осуществлялась связь Польши с Антантой в 1920 г., был занят поляками только в январе 1920 г., после ратификации Версальского договора. — *Ред.*

Как известно, операции в Галиции не отвечали расчетам верховного командования в том смысле, что окончательный вывод из игры украинской армии произошел только в середине июля и что до тех пор предполагаемый вывод части сил, занятых операциями в этом районе, не был возможным. Наоборот их пришлось усилить за счет частей, первоначально предназначенных для германского фронта.

Организация противогерманского фронта. План действий. В начале июня организация германского фронта была установлена. Он был подразделен на четыре фронта в собственном смысле. На правом крыле находился Литовско-белорусский фронт, который, как общее правило, продолжал все время противостоять Советской России, однако имел наблюдение своим левым крылом за германскими войсками в Литве и располагал в районе Лиды сильным резервом, предназначенным для возможных действий против германцев. От Райгорода (вост. Граева) до бывшей границы русской с прусской Польшей простирался Мазовецкий фронт под командованием ген. Массэ из армии ген. Галлера; этому фронту были приданы, начиная с правого крыла, 8-я пехотная дивизия, находившаяся в стадии формирования, 3-я дивизия стрелков и учебная дивизия стрелков. Дальше начинался Великопольский фронт, хорошо нам известный; он включал в себя 3 пехотные дивизии великопольской армии; этот фронт не подчинялся формально верховному командованию, и их взаимоотношения определялись соглашением. Последний фронт — левое крыло (Юго-западный фронт) под командованием ген. Галлера включал в себя 2-ю дивизию стрелков, часть 1-й дивизии стрелков после их вывода из Галиции и Волыни и 6-ю дивизию, находившуюся в стадии формирования. В районе Лович—Скерневице—Лодзь находился резерв верховного главнокомандующего под командованием ген. Карницкого; он состоял из 7-й дивизии стрелков и из полка танков. Усиление этого резерва было предусмотрено планом; к нему должна была присоединиться 6-я дивизия, но она вскоре была целиком выведена с германского фронта и переброшена в Галицию.

Германский фронт не был боевым фронтом в строгом смысле этого слова; он составлял исключительно организацию вооруженной готовности, кадр для своевременного создания настоящего фронта в том случае, если ожидаемая война станет действительностью.

Однако верховное командование и главные штабы различных участков решительно приступили к работе, чтобы

подготовить подробнее план операции возможной войны. На местности был создан ряд оборонительных рубежей.

Подписание Версальского договора между Антантой и Германией 28 июня положило конец этой вооруженной готовности. Угроза войны рассеялась, и верховное командование смогло, хотя и не прекращая наблюдения за германцами, учесть и отправить часть сил изнутри страны на Восточный фронт с целью снова начать операции на этом фронте.

Глава VI.

Общее наступление на советском фронте.

1. Состояние польских вооруженных сил в конце 1919 г.

Организационная работа, длившаяся внутри страны уже несколько месяцев, принесла свои плоды; армия ген. Галлера уже находилась на родине, отсутствовала лишь Сибирская дивизия, участвовавшая в гражданской войне в России, на Востоке. Великопольская (Познанская) армия должна была со дня на день формально подчиниться верховному командованию. Первая стадия создания польских вооруженных сил близилась к концу. В середине июля верховное командование располагало как на фронте, так и внутри страны силами, которые, принимая во внимание обстоятельства времени, следует признать значительными.

В Галиции находились 4-я, 5-я и 10-я пехотные дивизии, 3-я дивизия легионов, 6-я дивизия стрелков, всего 5 пехотных дивизий и 3-я кавалерийская бригада.

На Волыни — 1-я дивизия стрелков и 4-я кавалерийская бригада.

В Полесьи—9-я пехотная дивизия.

На Литовско-белорусском фронте—1-я и 2-я дивизии легионов и 1-я Литовско-белорусская дивизия, всего 3 пехотных дивизии, а также 1-я и 2-я кавалерийские бригады.

Внутри страны—2-я, 3-я и 7-я дивизии стрелков, 6-я, 7-я и 8-я пехотные дивизии, всего с 3 познанскими дивизиями—10 пехотных дивизий.

Общий итог: 20 пехотных дивизий [1] и 4 кавалерийских бригады, организация которых, правда, не была вполне

[1] В том числе 5 галлеровских дивизий (стрелковых); 10—внутри страны: 4—против нашего Западного фронта и 6—против Южного фронта. — *Ред.*

закончена. Кроме того на фронте находилось некоторое количество пехотных частей, не соединенных в дивизии, и частей кавалерии, не соединенных в бригады, в частности группа ген. Бабянского.

В течение 4 последних месяцев 1919 г. должно было произойти окончательное организационное объединение войск, имевших различные источники происхождения. Внешним выражением этого объединения было торжество объединения всех польских военных формирований, отпразднованное 19 октября в Кракове.

Внутренние дивизии получили номера от 1 до 10; в состав 10-й дивизии полностью вошла группа ген. Желиговского, прибывшая из Одессы. Кроме того существовали 2 литовско-белорусские дивизии (1-я и 2-я).

Из дивизий Галлера, после полонизации их кадров и замены призывниками бывших солдат непольского происхождения или принадлежавших непризывным классам, были организованы по образцу национальных войск 3 дивизии, получившие номера от 11 до 13. Часть Галлеровской армии была использована, чтобы превратить в дивизию бывшую горную бригаду, а другая часть послужила ядром новой дивизии—18-й [1]. Познанская армия дала 3 дивизии: 14-ю, 15-ю и 17-ю. Поморская дивизия, сформированная позднее, получила № 16.

В конце 1919 г. объединенная польская армия насчитывала уже 21 пехотную дивизию и 7 кавалерийских бригад, общая численность которых внутри и на фронте достигала 600 000 чел.

Сравнение этой численности и численности армии зимой 1918/19 г. ясно показывает усилие, совершенное Польшей для создания своих вооруженных сил при столь неблагоприятных и трудных условиях [2], вытекающих как из внутреннего, так из внешнего положения.

Все же, несмотря на свое объединение, несмотря на единый тип своей организации, эта армия не была однородной в том отношении, что различное происхождение ее частей породило глубокие различия в принципах и методах обучения и боя. Официально две школы спорили между собой—немецкая и французская. Как раз в это время было

---

[1] О „реорганизации" галлеровских дивизий см. предисловие. — *Ред.*

[2] Условия увеличения армии не были неблагоприятны, поскольку помощь Польше оказывалась Антантой в больших размерах. С другой стороны при огромном военном напряжении интересы народных масс совершенно не принимались в расчет. — *Ред.*

решено применять французскую тактику и школу. Французская миссия принялась за тактическое обучение высшего и среднего командного состава и офицеров генерального штаба.

2. Наступательные операции в июле и августе 1919 г.

План действий главного командования. Когда угроза войны с Германией рассеялась, когда 9 месяцев усилий в Восточной Галиции увенчались полным успехом и была выведена из борьбы украинская армия Галиции, когда армия Днепровской Украины ввиду ее стремления прийти к соглашению не могла больше рассматриваться как настоящий противник, настало время решительных наступательных операций на советском фронте.

Политические и стратегические соображения говорили в пользу необходимости возможно скорее начать эти операции. Цель войны [1], т. е. оттеснение Советской России на восток и создание „совершившегося факта" в отношении прав Польши на часть территорий, занятых советской армией, не была еще достигнута. Стратегические соображения требовали занятия магистрали Полоцк—Молодечно—Минск—Барановичи—Лунинец—Сарны—Ровно—Львов и оттеснения операционных баз неприятеля до линии Орша—Жлобин—Мозырь—Коростень.

Подготовительные работы к разработке плана польско-советской кампании начались в главной квартире в июне. В первой половине июля план был разработан. Кампания должна была начаться наступлением на Волыни и в Полесьи с целью захватить линию Лунинец—Ровно. Захват этой линии позволял установить связь между фронтами на севере и на юге Полесья и выравнять линии фронтов Волынского и Галицийского. Последний предварительно должен был быть более выдвинут к востоку. По окончании этого наступления или во всяком случае после того, как оно будет начато, Литовско-белорусский фронт должен был в свою очередь двинуться вперед.

На деле же наступательные операции на последнем фронте начались раньше, чем операции на Волыни.

---

[1] Автор довольно откровенно и развязно формулирует цель войны польской буржуазии, но ничего не говорит о цели войны Антанты — интервенции, которой должна была подчиняться эта первая цель. Автор все еще исходит из предположения, что Антанта санкционировала бы захваты Польши в случае победы российской контрреволюции. — *Ред.*

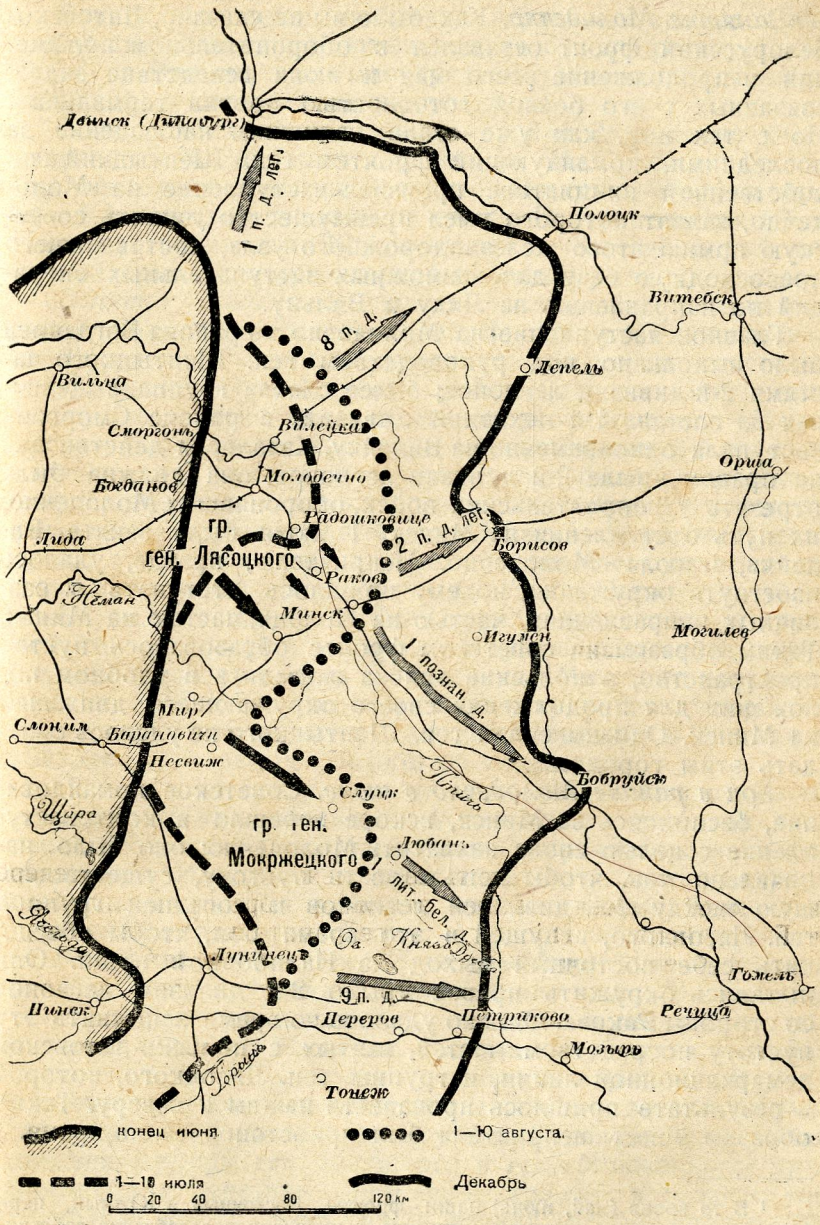

Схема 11. Наступление на Литовско-белорусском фронте в 1919 г.

Занятие Молодечно. Как было выше сказано, Литовско-белорусский фронт оставался в оборонительном положении в продолжение всего мая и июня вследствие задач, связанных с его боевой готовностью против германцев [1]. Но с тех пор, как уже стало излишним наблюдение за последними, командующий фронтом ген. Шептыцкий по собственной инициативе произвел наступление на Молодечно, захват которого имел преимущество лишить советскую армию этого железнодорожного узла, составлявшего превосходную базу для возможных наступательных операций по направлению на Лиду и Вильну.

Главное наступление на Молодечно из района Богданова было выполнено под руководством ген. Шептыцкого частями 2-й дивизии легионов; более слабая группа, выделенная из состава 1-й пехотной дивизии, в районе Сморгонь наступала одновременно на Вилейку. Кавалерия действовала на правом крыле 2-й дивизии легионов; она должна была отрезать у неприятельских войск, оборонявших Молодечно, их путь отступления на Минск. 1 июля была занята Вилейка, 4 июля—Молодечно. Неприятелю, правда, удалось избегнуть окружения, но ему пришлось отступать в различных направлениях, частью на Полоцк, частью на Минск. Таким образом на советском фронте образовалось пустое пространство, и польские войска оказались в удобном положении для продолжения своего окружающего движения на Минск. Однако силам ген. Шептыцкого не удалось овладеть этим городом.

Бои в районе Молодечно в июле. Советское командование, беспокоясь за Минск, вскоре перешло в контрнаступление с целью снова захватить Молодечно; оно было направлено так, чтобы использовать пустоту, существовавшую между 2-й дивизией легионов и соседней группой ген. Лясоцкого, ведущей в это время бои, чтобы обеспечить себе восточный выход из Налибоцкой пущи. Они пытались окружить правое крыло 2-й дивизии легионов со стороны Ракова. Однако удалось во-время заполнить эту пустоту посредством частей, взятых с польско-литовской демаркационной линии, и группы ген. Лясоцкого, которой в результате пришлось произвести нажим к северу. Таким образом успех неприятеля был приостановлен во-время.

---

[1] В то время (май, июнь) наши фронты, Восточный и Южный, переживали критическое состояние, так что вынужденное ослабление действий Польши против Советской республики было для нас выгодно.

Бои у Молодечно побудили верховное командование увеличить силы ген. Шептыцкого, не ожидая развития операций на Волыни, как было предусмотрено в общем плане операций, о котором говорилось выше.

В последних числах июля в район Молодечно были направлены находившиеся ранее на Мазовецком фронте (против южной границы Восточной Пруссии.—*Ред*.) батальоны 8-й пехотной дивизии, а также Великопольская (Познанская) группа ген. Конажевского в составе одной пехотной бригады с артиллерией и одного полка кавалерии.

Занятие Минска. В первых числах августа началось новое польское наступление на фронте от Радошковичи до Барановичи с целью окружить оба крыла советских войск, защищавших Минский район. Главное наступление было произведено вдоль железнодорожной линии Молодечно—Минск левым крылом, а именно силами 2-й дивизии легионов и Познанской группой; оно было поддержано кавалерийским полком, который у Смолевичи старался перерезать железнодорожный путь Минск — Борисов. Правое крыло состояло из группы ген. Мокжецкого, которая наступала из района Барановичи на Мир — Несвиж и далее на Слуцк. Эти две фланговые группы были связаны группой ген. Лясоцкого, которая наступала перпендикулярно железнодорожному пути Барановичи—Минск по направлению на Койданов. Кроме того на Слуцк был направлен с юга отряд, взятый из группы, действовавшей в Полесьи и состоявший главным образом из кавалерии.

Несмотря на сопротивление, оказанное противником на всем фронте наступления, польские войска достигли всех своих объектов. 8 августа, сломив неприятельское сопротивление у Изяславля и на подступах к городу, группа левого крыла вошла в Минск; немного раньше, 6-го, кавалерийский отряд занял Слуцк.

Выход на линию реки Березины. Взяв Минск, поляки развили свои действия соответственно плану: 2-я дивизия легионов форсированным маршем достигла линии Березины и тэт-де-пона у Борисова. Познанская группа сломила сопротивление арьергардов противника в районе Игумена и также достигла Березины; 29 августа она заняла Бобруйскую крепость; дальше к югу 1-я Литовско-белорусская дивизия (группы ген. Лясоцкого и ген. Мокжецкого) приблизилась к Березине своим левым крылом, в то время как ее правое крыло загнулось к западу, чтобы поддержать связь с 9-й пехотной дивизией в Полесьи.

Вскоре левое крыло фронта также начало свое продвижение вперед: 8-я пехотная дивизия и 1-я дивизия легионов — к Двине: первая — двигаясь на Полоцк, вторая — на Двинск.

Занятие Лунинца. Действия в Полесьи в августе. В Полесьи фронт также заметно продвинулся к востоку. Почти одновременно с действиями на Молодечно группа ген. Листовского перешла в наступление на Лунинец, который был занят 7 июля. После временной остановки на линии Верхней Горыни и р. Лань полесские войска продвинулись вперед и в конце августа достигли линии Любань на р. Ореса — озеро Князь — р. Утвоха, к северу от Припяти, Переров — Тонеж, на юге. В это время группа ген. Листовского перешла под командование ген. Сикорского и, переформированная в 9-ю пехотную дивизию, была связана с Литовско-белорусским фронтом и таким образом подчинена ген. Шептыцкому.

Подготовка к наступлению на Волыни. Наступлению на Волыни предшествовала общая перегруппировка сил, находившихся как на Волыни, так и в Галиции. Прежний фронт ген. Ивашкевича, переименованный в Галицийско-волынский фронт, объединявший весь участок к югу от Припяти, был подразделен на два самостоятельные фронта: Галицийский — под руководством ген. Ивашкевича и Волынский — под руководством ген. Листовского.

Галицийский фронт включал 10-ю пехотную дивизию, 3-ю дивизию легионов, 3-ю дивизию стрелков, недавно прибывшую изнутри страны, 6-ю дивизию стрелков, 5-ю пехотную дивизию, Познанскую группу и 3-ю кавалерийскую бригаду. Волынский фронт состоял из 4-й пехотной дивизии, переброшенной из Галиции в район Берестено, 1-й дивизии стрелков, группы ген. Зыгадловича и 5-й кавалерийской бригады.

Ход и результаты действий на Волыни в августе. Наступление было начато 8 августа; 4-я пехотная дивизия из района Броды частью своих сил перешла в наступление на Дубно, а остальными — на Кременец; она достигла обоих этих пунктов 9 августа. 1-я дивизия стрелков в свою очередь двинулась из района Луцка на Ровно. Сломив первое сопротивление у Клеваня и завязав бой на линии Ровенских фортов, она заняла этот пункт в ночь с 12 на 13 августа. Продолжая свою операцию, эти 2 дивизии с помощью 5-й кавалерийской бригады вышли 16 августа на линию Березно — р. Случь — Тучино — р. Горынь —

Острог. Одновременно на северном участке Волынского фронта группа ген. Зыгадловича заняла Сарны и вышла на линию Верхний Случь — Клесов — Березино. Во взаимодей-

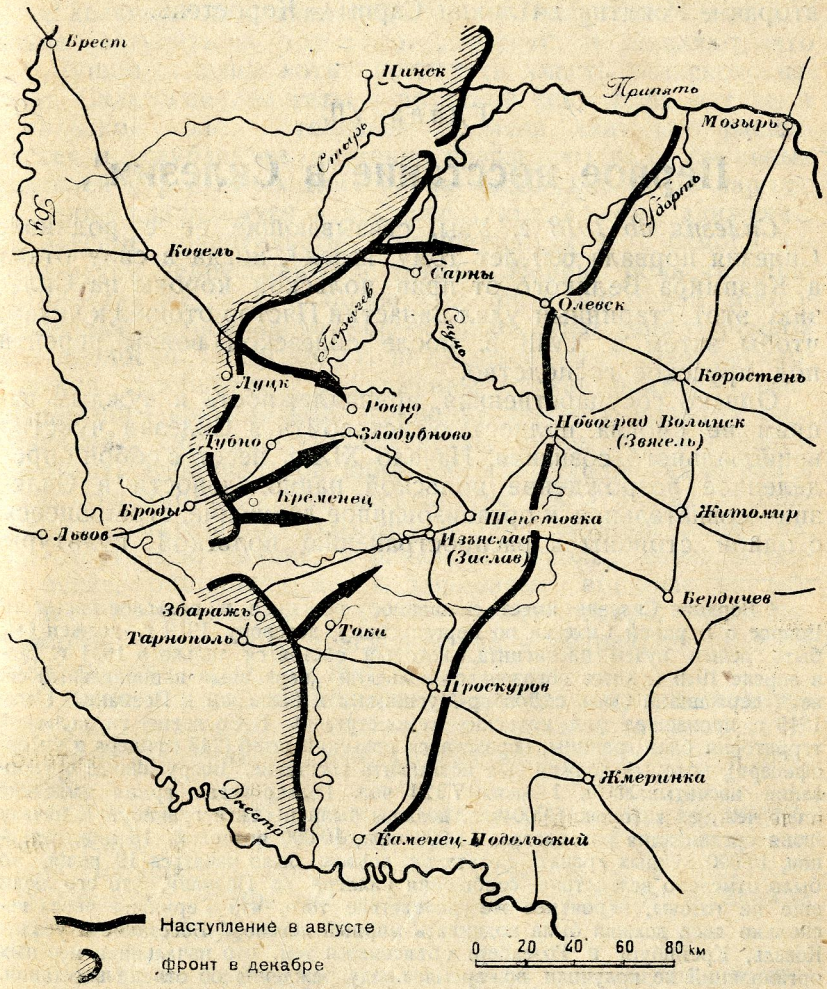

Схема 12. Наступление на Волыни в 1919 г.

ствии с Волынским фронтом Галицийский фронт продвигал вместе с 3-й дивизией стрелков левого крыла главные свои силы по оси Збараж — Изяславль к линии Острог — Ляховцы — Токи. Кавалерия — 3-я бригада Галицийского

фронта и 4-я бригада, сформированная из кавалерийских частей группы ген. Зыгадловича, продвинулись впереди фронта, причем первая заняла Шепетовку и Изяславль вторая — Рокитна на линии Сарны — Коростень.

Глава VII.

Первое восстание в Силезии[1].

Силезия до 1918 г. Узы, связывающие ее с родиной, Силезия порвала 600 лет тому назад[2], когда в силу отказа Казимира Великого от прав польской короны на Силезию этот старинный удел династии Пястов отошел к чехам, чтобы затем в XVIII в. после силезской войны перейти под прусское господство.

Однако государственная принадлежность к чуждым нациям не смогла полностью истребить в Силезии чувство национального сознания. Начало XIX в. несет с собой определенное возрождение польской национальности в Силезии—сознательное и организованное движение, стремящееся с одной стороны к распространению польской культуры

---

[1] Верхняя Силезия имеет смешанное немецкое и польское население Вопрос о Верхней Силезии по Версальскому договору 1919 г. должен был быть решен путем плебисцита, который состоялся только в 1921 г. Еще в апреле 1919 г. здесь образовался польский „верховный национальный совет", державший связь с Довбор-Мусницким и Галлером в Познани. 1 мая 1919 г. произошел ряд польских демонстраций. В Сосновце, на польской территории близ границы, образовался польский штаб (243 офицера и унтерофицера), который должен был возглавить восстание. Вооруженные организации насчитывали к 1 июня 7 124 чел. Галлеровская армия выделила 2 000 чел., из которых 1 000 чел. должны были перейти границу. К началу июня организация располагала 11 000 чел., 10 000 винтовок, 15 млн. патронов, 10 000 ручных гранат. Восстание должно было начаться 19 июня, но было отменено вследствие сообщения Галлера из Познани, что его люди еще не готовы, вероятнее же вследствие того, что Германия через несколько дней должна была подписать мирный договор. Восстание в уездах Козель, Крейцбург и Розенберг объясняется тем, что начальники местных организаций не получили во-время предупреждения об отмене восстания. Восстание, начавшееся 17 августа, потерпело неудачу, потому что галлеровские части в нем не смогли участвовать. 24 августа в Верхнюю Силезию была отправлена миссия Антанты под председательством ген. Дюпона, которая фактически помогала полякам против немцев.—*Ред.*

[2] Это—достаточный срок, чтобы поставить по-новому в современную эпоху силезский вопрос. Даже плебисцит 1921 г., проведенный в условиях, исключительно благоприятных для Польши, и под ее давлением, показал, что большинство населения Силезии тяготеет к Германии.— *Ред.*

среди масс силезского народа, а с другой стороны—активно противопоставляющееся во имя польской национальной идеи немецкому засилию во всех областях жизни. Весна народов, 1848 г., уже является свидетелем того, как силезские делегаты на славянский съезд в Праге изъявляют желание вступить в польскую „секцию" и заявляют, что в будущем силезцы хотят разделить участь польского народа. Силезские делегаты в прусский сейм тоже вступают в польское коло. С течением времени движение расширяется и углубляется, численно возрастают ряды активных деятелей и растет их влияние на массы силезского народа.

Пробуждающемуся и постоянно крепнущему движению германское правительство противодействует с самого начала путем репрессивной политики. Первые польские деятели,—так же, как и более поздние и все более многочисленные их последователи,—отдают свою дань тюремной мартирологии. После 1870 г. начинается знаменитый бисмарковский „Kulturkampf" [1]. Германизаторская политика Бреславльского архиепископа приводит почти к полному онемечиванию силезского духовенства, чтобы таким образом подорвать национальное движение там, где оно сочеталось с католицизмом. Первое десятилетие XX в. принесло полную систематизацию германской репрессивной политики; она вторгается, начиная с начальной школы, через экономические, общественные и церковные вопросы во все области жизни поляков в Силезии; она несет с собой постоянные ежедневные преследования и непрекращающиеся политические судебные процессы.

Однако все усилия Германии достигают прямо противоположных результатов, так как они лишь усиливают качественный и количественный размах освободительного движения.

Положение в Силезии после поражения Германии. Ноябрьские дни, дни перелома как для Германии, так и для Польши, застают Силезию в условиях, недостаточных для того, чтобы там могло произойти самостоятельное свержение чуждой власти.

[1] „Культурная борьба", которую вел Бисмарк против партии католического центра и против католицизма, стремясь прежде всего к германизации Познани, Западной Пруссии (нынешний Данцигский коридор) и Верхней Силезии, что облегчалось борьбой с польско-католическим духовенством. Германизаторская политика прусского правительства вызывала противодействие польского национализма во главе с буржуазными партиями, которые имели сильное влияние не только на крестьянство, но и на широкие отсталые слои рабочих.—*Ред.*

Хотя сама идея вооруженного восстания путем организации тайной „гражданской стражи“ и явных „воинских союзов“ возникла еще в конце октября 1918 г., однако действительное проведение этой кампании пошло по правильному пути только в феврале 1919 г., когда был создан исполнительный комитет польской военной организации в Силезии, ставивший себе определенную цель отрыва Силезии от Германии путем вооруженных усилий.

Впрочем тогдашнее польское общественное мнение не было единогласным по вопросу о методах приобретения независимости так же, как это имело место и в соседней Великопольше. Преобладающее большинство тех, кто до и во время войны стоял во главе польского движения в Силезии, не считали целесообразной и политически правильной активную освободительную деятельность и приписывали положительное значение только дипломатической деятельности и пропаганде. Это парализовало деятельность Польской военной организации. На конференции представителей ПОВ и народного совета в Познани, происходившей 13 апреля 1919 г., предложения представителей ПОВ встретили упорное сопротивление. Подобным образом восстание, назначенное на 22 июня, было приостановлено в последний момент; в результате произошли лишь отдельные вооруженные столкновения в уездах Козель (Козьле) и Розенберг (Олесьно), которые и были без труда, но кровопролитно подавлены.

Тем временем немцы, быстро оправившись от удара, нанесенного им поражением и революцией, энергично приступили к борьбе за удержание Силезии. Их усилия планово шли в двух направлениях: во-первых приостановить и подавить в самом начале сепаратистские стремления поляков; во-вторых показать всему миру полноту своих прав на владение Силезией.

Управление округом переходит в руки Герсинга, который сосредоточивает значительные вооруженные силы под видом обороны границы („Гренцшутц“) в отдельных городах и селениях, вводит военное положение и применяет систему террора, преследуя польских деятелей тюрьмой и процессами за государственную измену, ограничивая свободу печати, собраний и обществ, не останавливаясь перед кровавым подавлением массовых непроизвольных движений протеста. Лагери военнопленных и тюрьмы все больше и больше переполняются; многим приходится скрываться

и бежать в Польшу[1]. Вся совокупность деятельности Герсинга имеет ярко выраженные черты провокации, направленной к вспышке восстания в условиях, дающих немцам возможность быстрого его подавления, что обессилило бы польское движение на более продолжительное время.

Параллельно с этим германские власти устраивают многочисленные митинги немецких элементов и тому подобные внешние проявления для засвидетельствования перед правительствами и нациями государств Антанты безусловного преобладания немцев в Силезии и о их решимости сохранить прежнее положение.

Предполагаемые результаты не заставили себя долго ожидать. Вначале делегаты государств Антанты на мирную конференцию не протестовали против мнения экспертов о безусловных правах Польши на Силезию и приняли решение о передаче Силезии польскому правительству в кратчайший срок. Вскоре однако, главным образом под влиянием представителя Англии, они склонились в сторону плебисцита, исходя из того положения, что хотя население Силезии безусловно польское, но, несмотря на это, оно может пожелать сохранить прежнюю государственную связь с Германией.

Решение о плебисците, включенное в Версальский договор, дало толчок к усилению немецкого террора в Силезии до наивысшего предела.

Начало восстания. Основанием для окончательного укрепления революционного брожения послужила всеобщая забастовка, которая произошла 11 августа вследствие незаконного увольнения в шахтах нескольких тысяч рабочих при одновременном требовании германских властей о допущении к работе в шахтах солдат, освобожденных от службы в „Гренцшутц". Последней искрой было активное выступление солдат против рабочих в одной из шахт 15 августа.

Начало восстания не было согласовано и не имело планового руководства; оно было столь же неожиданно для населения, как и для организаторов. Кроме того оно произошло в тот момент, когда немецкие власти с успехом боролись против руководства ПОВ путем арестов виднейших членов и перехватывая за одно ряд приказов и организационных данных.

---

[1] Автор ни слова не говорит о том, что подобные же методы применялись на территории, занимаемой польскими „повстанцами".—*Ред.*

Первым взялось за оружие в ночь с 16 на 17 августа население Пшчинского (Плесс) уезда; его примеру последовали жители уездов: Рыбникского, Катовицкого, Бытомского (Бейтен), Тарногурского (Тарновиц) и Забрского. Узнав о восстании, многие из бежавших поляков перешли границу и вступили на территорию, охваченную восстанием. Борьба заключалась в разоружении германских гарнизонов и занятии освобожденных местностей. Повстанческие отряды в составе не более 50 человек действовали без связи и без общего плана. Более крупные бои произошли у Мысловиц и у Семяновиц (Гута Лауры), у Хебзем, в Тарновских горах (Тарновиц) и в некоторых пунктах Рыбникского и Пшчинского уездов.

Немцы, быстро поняв слабость и бесплановость действий повстанцев, решительно выступили против них. В таких условиях восстание не только не имело никаких видов на успех, но даже не могло развернуться. Слабые и плохо вооруженные группы восставших быстро уступали перед действовавшими по плану и хорошо вооруженными регулярными частями. Немцы систематически подавляли польское вооруженное движение, оттесняя восставших из отдельных местностей, благодаря наличию технических средств, которым восставшие ничего не могли противопоставить. 26 августа восстание было совершенно подавлено; большинство отрядов перешло на польскую территорию.

Ликвидация восстания. Террор, примененный немцами в отместку, не был приостановлен. Под прикрытием военного положения, объявленного 18 августа, расправлялись не только с пойманными с оружием в руках, но и с широкими массами польского населения. Поэтому тысячи беженцев переходили границу, ища в Польше безопасности и защиты.

Относительное успокоение произошло с момента, когда в конце августа по требованию польского правительства в Силезию приехала междусоюзническая комиссия. В то же время в Берлине начались польско-германские переговоры, которые завершились подписанием 1 октября договора, на основании которого арестованные и интернированные участники восстания подлежали освобождению, а беженцы возвращались в Силезию.

Четыре месяца спустя, в конце января 1920 г., в Силезию прибыли первые части войск Антанты, присутствие которых должно было обеспечить свободу мнения населе-

Схема 13. Восстания в Силезии.

нию Силезии на предстоящем плебисците. Тем не менее в местностях, подлежавших плебисциту, продолжали существовать немецкие организации, имевшие военный характер; из них прежде всего — „полиция безопасности", которая, хотя и подчинялась формально междусоюзнической комиссии, по существу же действовала в пользу германской программы, пользуясь при этом во многих случаях благосклонным отношением к немцам многих контролеров, назначаемых комиссией [1].

Восстание и главное польское командование. Возможность активного вмешательства польского командования в дела силезского восстания была исключена по общеполитическим соображениям как равнозначащая объявлению войны Германии. Однако с другой стороны главное командование не могло сохранить полное равнодушие к событиям, происходившим по ту сторону границы. Это нашло свое выражение в ходатайстве перед командованием союзнических войск об интервенции с участием польских дивизий армии ген. Галлера, формально еще подчиненных маршалу Фошу на основании того, что „немецкая провокация привела к восстанию и, несмотря на наши лучшие желания, мы не можем быть безучастными свидетелями преследований силезцев".

Узнав о восстании, главное командование высылает в Сосновец [2] офицера связи с задачей наблюдать за ходом событий, а в дальнейшем принимает ряд мер, имевших целью моральную и материальную поддержку побежденным.

Одновременно с этим главное командование привело в боевую готовность части, расположенные вблизи границы. Предполагавшаяся ранее перевозка одной великопольской бригады в Галицию была отменена. Из „Бытомского стрелкового полка", созданного ранее из верхнесилезских добровольцев, бежавших от германских преследований, и частью из верхнесилезских частей два батальона были расположены в районе Олькуша, а один был переброшен в Зебжидовицы в Цешинскую Силезию. Многие из солдат, как офицеры, так и рядовые, из чувства единства с восставшими самовольно (?! — *Ред.*) перешли границу, чтобы прийти на помощь восставшим.

---

[1] Автор имеет в виду англичан и итальянцев. — *Ред.*

[2] На территории Польши в Домбровском районе вблизи Катовиц. Невероятно, что польское главное командование (Пилсудский) было застигнуто восстанием. — *Ред.*

После подавления восстания главное командование взяло на себя заботу о помощи беженцам и партизанам. Гражданскими беженцами, число которых доходило до 20 000, занялся специальный комитет помощи для верхнесилезцев. Повстанческие группы, вытесняемые из Силезии, собирались и организовывались в соответствующие войсковые части силою от 100 до 800 человек и располагались в приграничных местностях, как: Твардовицы, Стржыжовицы, Гродзец, Челядзь, Сосновец, Нивка, Елень, Бычина, Освенцим, Дзедзицы, Струмень, Пиотровицы.

Глава VIII.

Стабилизация фронта в течение зимы 1919/20 г.

Распоряжения главного командования о приостановке наступления. Линия, которую не должно было перейти победоносное польское продвижение к востоку, была установлена верховным главнокомандующим следующим образом: Западная Двина до Уллы—р. Улла до Лепеля—Березинский канал—Березина до Бобруйска — среднее течение р. Птичь — Нижняя Ореса—р. Ствига—р. Случь до Березины — р. Горынь между Тучиным и Острогом — Теофиполь — р. Збруч.

Таким образом установленная линия оставляла Полесье, Волынский и Галицийский фронты значительно позади Литовского и Белорусского фронтов.

Причина этого коренилась в событиях, которые как раз в это время развертывались на восток от нашего фронта в лагере противника.

Польско-украинское соглашение. Обстановка на Волыни и в Подолии в сентябре. Прежде всего в течение августа изменилась обстановка перед фронтом на р. Збруч и в южной части Волынского фронта, в районе Ровно. Украинские войска Петлюры (Днепровская Украина), перед этим оттесненные в район Каменец-Подольска, смогли привести себя в порядок и укрепиться настолько, чтобы быть в состоянии перейти в наступление против Советской России. Их операции, проведенные в двух направлениях — на Коростень и Бердичев, вскоре привели к занятию перед польским фронтом Шепетовки, а затем Новоград-Волынска

(польское название—Звяхель.—*Ред.*). В этих условиях всякая польская операция на Галицийском фронте и в южной части Волынского задела бы с фланга и с тыла петлюровские войска.

Но в то время подобные операции не входили в замысел верховного главнокомандующего. Видя в Украйне, стремившейся к независимости по отношению к Советской России, естественную союзницу Польши, верховный главнокомандующий положительно принял предложение украинского командования, сделанное в середине июля — войти в соглашение [1]. Первым этапом этого соглашения было заключение польско-украинского перемирия, подписанного 1 сентября [2]. В силу этой конвенции польско-украинская демаркационная линия была намечена в общих чертах по течению р. Збруч через Базалию и Корец. Кроме того во избежание возможных недоразумений в случае параллельного действия польских и украинских войск против советских войск была установлена разграничительная линия Корец—Олевск — Мозырь между оперативными участками.

С тех пор польские войска Галицийского фронта и южной части Волынского фронта автоматически очутились вне сферы операций. Правым крылом, в точном смысле этого слова, всего восточного польского фронта сделалось таким образом левое крыло Волынского фронта в непосредственной связи с украинской армией Петлюры, фактически нейтральной.

Почти в то же время, когда прекратились операции на фронте р. Збруча и к востоку от Ровно, другие причины способствовали тому, что верховный главнокомандующий приостановил движение в северной Волыни и в Полесьи.

---

[1] „Украина, стремившаяся к независимости по отношению к Советской России, это — украинская кулацкая контрреволюция. Петлюра, возглавлявший эту „естественную союзницу Польши", продавал себя по очереди Германии, Франции, Деникину и наконец Пилсудскому. На территории Украины, подвластной Петлюре, рабочие и крестьяне подвергались невероятным насилиям. Петлюра и его атаманы прославились организацией на Украине массовых еврейских погромов, которые вспомнил ему оправданный парижским судом еврейский националист Шварцбард, убивший его из чувства национальной мести в Париже в 1926 г. С этим проходимцем и погромщиком Пилсудский заключил перемирие в сентябре 1919 г., а затем в феврале формальный союз, направленный против Советской Украины.— *Ред.*

[2] По сути дела Пилсудский создал из петлюровцев буфер между Польшей и Деникиным, который подходил в то время с юга к Киеву. При данной обстановке Пилсудский должен был отложить свой план продолжения вторжения на Украину. — *Ред.*

Наступление Деникина против Советов. Приостановка польских действий в Полесьи. Общее положение на Украине менялось, как в калейдоскопе. Наступая с юга России, контрреволюционная[1] армия Деникина в своем победоносном походе, предпринятом несколько месяцев назад, оттеснила советские войска к северу и, овладев Киевом в начале сентября, угрожала советским войскам, действовавшим в районе Гомеля — Мозыря.

Политика Деникина не могла внушать Польше доверия[2]. Его лозунг о реставрациии великой и неделимой России угрожал развитию возрождающегося польского государства. Деникин учитывал в борьбе, которая велась Польшей против Советской России, преимущества для себя в стратегическом отношении, но при этом не хотел признавать целей, к которым стремилась в этой борьбе Польша. По мысли Деникина польские операции против Советов оправдывались постольку, поскольку продвижение польских войск к востоку от Буга вырывало из рук большевиков чисто русские территории в пользу великой неделимой России, представителем которой он являлся. При таком положении дел помощь, даже косвенная, Деникину в операциях, предпринятых им в это время на западном берегу Днепра, не могла ни с какой стороны быть выгодной Польше, особенно в то время, когда он направлял часть своих сил против украинских войск Петлюры. Наконец польский фронт в Полесьи и на участке северной Волыни окончательно закрепился в конце сентября на линии р. Птичь и р. Уборть.

Стабилизация Литовско-белорусского фронта на линии Двины, Березины и Птичи. На Литовско-белорусском фронте группа ген. Рыдз-Смиглого, усиленная 3-й дивизией легионов, выведенной с Галицийского фронта, достигла в последних числах августа Западной Двины. У Двинска завязался четырехнедельный бой, который закончился оттеснением советских войск к северу от этой реки. В северо-восточном направлении первым этапом было занятие р. Ауты, и в конце сентября войска 8-й пехотной дивизии после упорного боя дошли до Двины у Полоцка. К югу от этого города фронт стабилизовался на линии Усвица — Камень — Лепель — Березинский канал. Окончание маневренного периода боев на Литовско-

[1] В этом определении сказываются противоречия между польским и русским империализмом, а не революционность автора. — *Ред.*

[2] См. предисловие. Из создавшегося неизбежного противоречия между Деникиным и Польшей возникла для нас сравнительно устойчивая обстановка на Польском фронте до января 1920 г.—*Ред.*

белорусском фронте было отмечено попыткой советской армии в середине сентября прорвать наш фронт между Двиной и Березиной. Советское наступление заставило 8-ю пехотную дивизию отойти на р. Ауту, но несколько дней спустя резервы фронта, спешно вызванные на находящийся в опасности участок, а именно: 1-я и 3-я дивизии легионов и 1-я Литовско-белорусская дивизия, предприняли контрнаступление и вернули занятые перед этим позиции полностью. С этих пор боевая деятельность на Литовско-белорусском фронте мало-по-малу уменьшилась и ограничилась незначительными местными стычками. Группировка сил в начале ноября представлялась в общих чертах следующим образом.

Участок р. Двины до Друи включительно был занят группой ген. Рыдз-Смиглого, включавшей 1-ю и 3-ю дивизии легионов и 1-ю кавалерийскую бригаду. 3-я дивизия легионов находилась одна на линии фронта, остальная часть группы была в резерве и расположена в районе Дукшты—Свенцяны. Дальше вдоль р. Двины от Друи до Полоцка, затем вдоль линии Лепель — Березина находилась группа ген. Лясоцкого, т.-е. 8-я пехотная дивизия и 1-я Литовско-белорусская дивизия.

Линия р. Березины была занята группой ген. Желиговского: 2-я дивизия легионов—на участке Бобруйска, 1-я Великопольская дивизия — на участке Бобруйска и 2-я кавалерийская бригада — на фронте Верхней Птичи.

На правом крыле фронта, на Нижней Птичи, Припяти и Уборти до Овруча, находилась 9-я пехотная дивизия.

Резерв фронта включал в себя 10-ю пехотную дивизию, переброшенную из Восточной Галиции, 6-ю пехотную дивизию, переброшенную изнутри страны в район Вильны, и 2-ю Литовско-белорусскую — в Гродно. Ген. Зыгадлович командовал всей группой.

Польско-литовские отношения. Группа ген. Зыгадловича и части, не занятые на фронте ген. Рыдз-Смиглого, должны были не только являться резервом для советского фронта; у них были и другие задачи. Прежде всего они являлись прикрытием, сохраняя при этом положение боевой готовности фронтом на запад, из предосторожности, необходимой ввиду тогдашнего состояния польско-литовских отношений, и событий, развертывавшихся тогда на территории Литвы и Латвии.

Намерения Литвы относительно Польши были с самого начала обусловлены притязаниями первой на Вильну. Уже

в начале января 1919 г., когда местные польские добровольческие организации пытались оказать сопротивление занятию советскими войсками Вильны, эвакуированной германцами, литовские политические деятели, даже не пытаясь защитить Вильну от угрожавшего ей вторжения, официально протестовали против замыслов и усилий поляков [1].

То же самое повторилось в апреле 1919 г., когда польские войска вырвали Вильну из рук советских войск. Несмотря на усилия польского верховного командования, все попытки мирно разрешить взаимоотношения двух государств потерпели неудачу; они наткнулись на такие непримиримые притязания литовцев [2], как например требование тактически подчинить верховному литовскому командованию польские войска, действовавшие в Виленском районе против советских войск, притязание, выраженное в то время, когда территория литовского государства фактически еще находилась под властью германских оккупационных войск и когда состояние войны между Литвой и Советами было только теоретическим. Простое обозначение временной демаркационной линии вызвало большие затруднения. Таким образом в течение первых месяцев, когда было установлено соприкосновение между польскими и литовскими войсками, неоднократно происходили более или менее значительные стычки, а во время действий поляков на Двинск литовские войска позволили себе активные выступления на тылах польских войск. Только стабилизация польского фронта на р. Двине привела посредством конвенции между местными командующими обеих сторон к установлению соответствующей демаркационной линии. Все же взаимоотношения не были урегулированы таким образом, чтобы обеспечить свободу действий польского командования против советских войск на северном театре войны.

---

[1] На самом деле литовское правительство 23 декабря 1918 г. заявило, что переговоры с поляками относительно „защиты Вильны" обусловлены признанием Польшей независимости Литвы со столицей Вильна. Представитель Литвы Саулис, прибывший в Варшаву 25 апреля после захвата Вильны поляками, 22 мая 1919 г. заявил, что уезжает, протестуя против того, что поляки под предлогом борьбы с большевиками вторглись в Литву, захватили Вильну, Белосток, Волковыск и Лиду. — *Ред.*

[2] Из этого видно, что некоторые литовские националисты в это время шли на соглашение с поляками против Советской России и только непримиримые противоречия (вопрос о Вильне и вопрос об общем командовании на литовской территории) тогда, как и теперь, не могли привести к соглашению. — *Ред.*

Независимо от недостаточно выясненных взаимоотношений между Польшей и Литвой, серьезная опасность в начале 1919 г. обозначилась для Польши со стороны литовской территории, где германцы приступили к двусмысленным предприятиям. Обязавшись по Версальскому договору вывести свои войска из балтийских стран, германцы оставили там добровольческие части, якобы независимые от германского правительства, на ряду с которыми в скором времени возникла при деятельном участии германцев армия Авалова-Бермонта, сформированная из русских, взятых германцами в плен. Говорилось, что эта армия предназначается для борьбы с Советской Россией, но на деле она должна была служить орудием германской политики в Латвии и Литве. Эта опасность приняла особо угрожающий характер в начале октября, когда армия Авалова-Бермонта неожиданно атаковала частью своих сил латвийские войска у Риги, в то время как другая часть шла на Двинск, т. е. на фланг и тылы польского фронта на р. Двине. Этому положению был поставлен предел только решительной интервенцией союзников, которые заставили германцев вывести в течение ноября свои войска из Литвы. За этими войсками последовала армия Авалова-Бермонта, которая отступила, потерпев поражение в своей борьбе с латвийскими войсками.

Стабилизация фронта на Волыни и в Подолии в конце декабря. Если в течение ноября осуществилась полная стабилизация Литовско-белорусского фронта, то на Волыни и в Подолии в октябре и ноябре произошли новые изменения обстановки. Деникин не ограничивался войной с Советами и решительно боролся с независимой Украиной. Украинская армия Петлюры пала в этой борьбе, ее остатки были отброшены на польский фронт, и отряды Деникина дошли до железной дороги Лунинец—Проскуров.

Впоследствии польское верховное командование продвинуло передовые части Галицийского фронта на линию р. Смотрычанка и р. Смотрич и части Волынского фронта на р. Случь, заняв Новоград-Волынск[1]. В конце ноября польские войска вошли в непосредственное соприкосновение с войсками Деникина.

---

[1] Является неточным указание, встречающееся в нашей военной литературе (см. „Гражданская война", т. III, стр. 252, схема 8-я), что поляки в 1919 г. занимали Житомир. Последний находился осенью 1919 г. в руках петлюровцев.— *Ред.*

В последних числах декабря произошли новые изменения. Это был конец успехов деникинской армии. Она под нажимом советского контрнаступления начала отступать и терять почву, так что советские войска мало-по-малу опять появились перед Галицийским фронтом. Упреждая их приближение, польское командование еще раз продвинуло Галицийский фронт немного дальше на восток

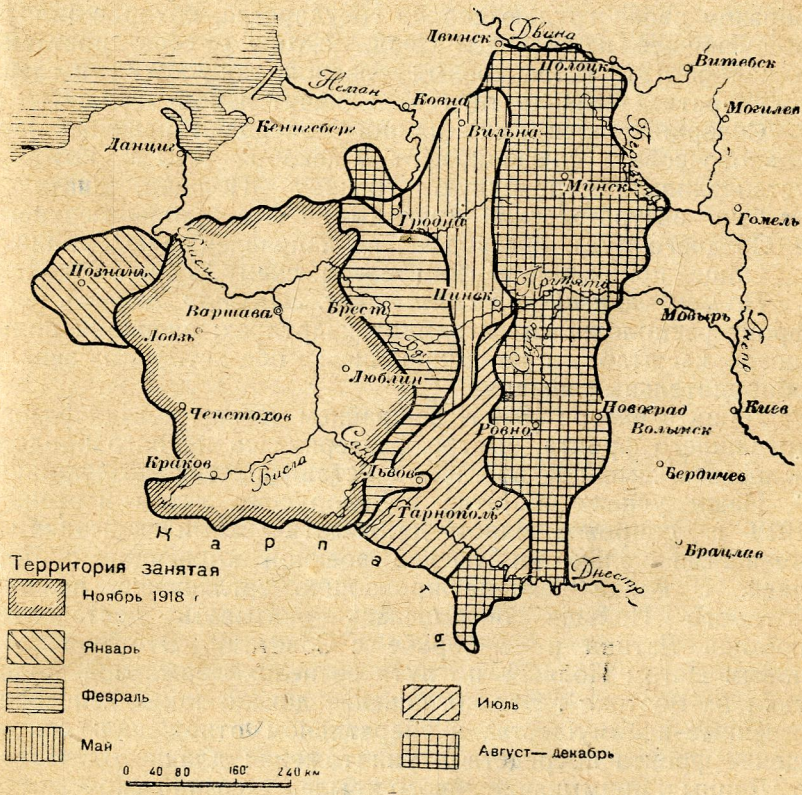

Схема 14. Результаты операций 1919 г.

на линию р. Ушица—Проскуров—Староконстантинов, и таким образом выравнило его с Волынским фронтом на р. Случь.

После ряда колебаний и перемещений расположение обоих фронтов стабилизовалось следующим образом: к югу, в Подолии, — группа ген. Боннэна (будущая 18-я пехотная дивизия), дальше, по обеим сторонам железной дороги Тарнополь — Проскуров,—12-я пехотная дивизия с 5-й ди-

визией в тылу в резерве фронта. На Волынском фронте—13-я пехотная дивизия, 3-я и 4-я кавалерийские бригады в районе Шепетовка—Новоград-Волынск, а дальше—4-я пехотная дивизия, простираясь до Олевска.

Кампания 1919 г. закончилась. После нескольких месяцев боев и утомительных усилий польский солдат[1] обосновался на востоке на отдаленных границах, прикрывая таким образом своей грудью сердце государства, которое билось все сильнее и сильнее. Цель, которую себе поставил в ноябре 1918 г. верховный главнокомандующий и глава государства, была достигнута в значительной мере.

Совершившийся факт намного опередил решения верховного совета союзников от 2 декабря 1919 г., которое устанавливало временную границу Польши, начиная от быв. австро-русской границы на юге, вдоль Верхнего и Среднего Буга, и севернее, по направлению на Гродно[2].

Общее положение на фронте—см. схему 15 в конце книги.

Польско-латвийское соглашение. Занятие Двинска. Весь фронт расположился на зимних квартирах; операции большого масштаба приостановились; обе стороны заняли оборонительные позиции.

Лишь в январе 1920 г. на крайнем севере, позади фланга тогдашнего фронта, быстро развернулась недолго продолжавшаяся кампания в взаимодействии с латвийской армией.

Наши успехи в Литве и Белоруссии летом и осенью 1919 г. сопровождались дипломатическими действиями, имевшими целью заключение военной конвенции с Латвией. В конце декабря произошло соглашение, в силу которого Польша обязывалась оказывать деятельную помощь Латвии в ее борьбе с Советами. Это являлось новым шагом Польши по пути ее великодержавной политики на Востоке[3]. Это соглашение давало также непосредственные преимущества в оперативном отношении: сокращение фронта посредством уничтожения длинного участка р. Двины и примыкание левого крыла к союзнической армии Латвийской республики.

С польской стороны в операции приняли участие 1-я и 3-я дивизии легионов под командованием ген. Рыдз-

---

[1] См. примечание на стр. 57. — *Ред.*

[2] Существенная часть этой линии (Фоша) проходила севернее Гродно по р. Лососне через Пунск до границы с Восточной Пруссией, причем она служила демаркационной линией с Литвой. — *Ред.*

[3] Довольно откровенная формулировка империалистических и антисоветских планов Польши. — *Ред.*

Смиглого, взявшего на себя также руководство всей польско-латвийской операцией. 3 января польские войска повели наступление на Двинск с юга, в то время как латвийские войска наступали с севера. Толстый ледяной покров на р. Двине облегчил форсирование этого серьезного препятствия. После короткого боя Двинск был взят поляками; часть 1-й дивизии легионов, брошенная прямо на север, в обход Двинска, разбила в районе Вышки советские силы, прибывшие на помощь Двинску, и соединилась с латвийскими войсками, шедшими с запада и севера. В течение января, несмотря на тяжелые климатические условия, при холоде, достигающем 25°, польские и латвийские войска продвинулись до линии озера Дрисса — Освея — Свинюха. Польские войска были мало-по-малу заменены на этой линии латвийскими и после их вывода с фронта, сосредоточены в районе Двинска.

Глава IX.

Приготовления к кампании 1920 г.

Советская Россия накануне решающей кампании. Зима 1919/20 г. была для Советской России критическим периодом. Из своей двухлетней борьбы с внутренней контрреволюцией, поддерживаемой государствами Антанты, Советская Россия вышла победительницей. Белые армии Миллера, Юденича и Колчака были совершенно ликвидированы. От самой угрожающей армии, южной, Деникинской, оставались лишь осколки, которые под командованием ген. Врангеля удерживались в Крыму. Экспедиционные отряды Антанты, действовавшие ранее на юге и севере России и в Азии, были окончательно отозваны. Материальная помощь государств Антанты белым русским армиям прекратилась. Советские вооруженные силы выходили из гражданской войны укрепленные морально и огранически; значительный современный военный материал, захваченный у неприятеля, увеличивал их боеспособность. Победа, одержанная на боевых фронтах, влекла за собой укрепление революционной власти в стране и усиливала ее авторитет извне. Это проявилось в попытках вновь установить торговые взаимоотношения со скандинавскими странами и

с Англией. Ловкая пропаганда советского руководства [1] мало-по-малу привлекла на сторону новой России общественное мнение рабочих масс Западной Европы и Италии. Являлось невозможным, чтобы эти реальные изменения не отразились на намерениях советского правительства по отношению к Польше. Перед лицом опасности, представляемой гражданской войной на внутренних фронтах, война против Польши в течение 1919 г. являлась для России второстепенным делом, и советское командование не уделяло большого внимания этому фронту. Но со временем Польша стала единственным и главным врагом Советской России, который самым фактом своего существования ставил преграду победоносной русской революции на пути ее братания с революционным пролетариатом Европы. Революционное знамя, уже водруженное на азиатской границе, могло быть перенесено на Запад только через Польшу [2]. Через нее проходил путь, который вел к осуществлению политических целей Советской России — развязыванию революции во всей Европе.

Польская концепция войны. Продолжение войны открывало Польше новые широкие горизонты [3].

В сущности операции 1919 г. отдали в руки поляков на востоке большую часть земель, принадлежавших некогда Польше, и оттеснили Советскую Россию от центра польского государства, но они еще не разрешили польско-русского вопроса в смысле необходимого обеспечения безопасности Польши в дальнейшем будущем на случай, если

---

[1] В дальнейшем сам автор не может отрицать факта, что с декабря 1919 г. советское правительство не переставало возобновлять заявления о готовности вести мирные переговоры. Автор взял на себя невыполнимую задачу доказать, что Советская Россия замышляла нападение на Польшу, а не наоборот. Как ни ухитряется автор, он не может скрыть, что нападающей страной и политически и стратегически была Польша (см. предисловие). — *Ред.*

[2] Поскольку Польша в 1920 г. вновь перешла в наступление, было несомненно, что война со стороны Советской республики должна была принять характер революционной войны, имеющей международное значение. Тов. Ленин так и оценивал войну с Польшей в октябре 1920 г. (речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства), когда он говорил: „наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений". Однако в период подготовки Пилсудским нападения на Киев Советская Россия не только заявляла о готовности заключения мира, но даже предлагала значительные территориальные уступки. — *Ред.*

[3] Продолжение войны принесло Польше ряд поражений и чуть было не довело до гибели польскую буржуазию. — *Ред.*

современная Россия или другая, восстановив свою власть, пожелает в духе врожденного ей империализма восстановить свои бывшие владения (см. стр. 59.—*Ред.*). Поэтому глава государства и верховный главнокомандующий не захотели ограничиться уже достигнутыми результатами и решили отвоевать у Советской России территории, принадлежавшие Польше до раздела[1], чтобы народы на этих территориях смогли теперь получить из ее рук свободу[2] и помощь в деле организации собственного существования как государства и стать таким образом позднее во имя общих интересов прирожденными созниками Польши.

Таковы были соображения, руководившие польским правительством в шагах, предпринятых им для постановки намечающихся польско-советских переговоров в более широкой плоскости так, чтобы туда входила совокупность взаимоотношений между Советской Россией и ее другими западными соседями — Литвой, Латвией, Эстонией, Финляндией и отчасти Румынией. Отсюда вело свое происхождение деятельное сотрудничество, установленное с Латвией в то время, когда польские войска освободили бывшую Польскую Ливонию (Латгалию), чтобы передать ее молодой Латвийской республике[3]. Отсюда же вытекал конкретный план создания белорусского государства со столицей Минском и украинского государства со столицей Киевом[4].

Польско-украинский союз. Украинский вопрос стоял в первую очередь на пути осуществления этих планов.

Как было уже сказано, конец 1919 г. принес украинцам, боровшимся с 1917 г. за свою свободу и независимость, большое поражение. Вынужденная вести борьбу одновременно с Советской Россией и с контрреволюционной Россией в лице Деникина украинская армия истощила свои силы и после потери последнего клочка своей территории, сжатая между войсками Деникина и польским фронтом,

---

[1] В так называемых границах 1772 г. — *Ред.*

[2] Осуществление этих „освободительных" планов принесло бы режим каторжной тюрьмы Советской Белоруссии и правобережной Советской Украине. — *Ред.*

[3] Это—первая попытка образования „балтийского блока" под гегемонией Польши. Она оказалась в то время реальной постольку, поскольку, заключив военный союз с Польшей, Латвия в первых числах декабря 1919 г. начала военные действия против РСФСР. — *Ред.*

[4] Все эти независимые государства — продукт фантазии автора. Современное положение западной Белоруссии и западной Украины под пятой польского фашизма показывает, как белая Польша „освобождает другие народы". — *Ред.*

полностью рассеялась, преобразовываясь в партизанские отряды, действующие в тылах советской армии. Храбрый защитник украинской независимости Петлюра[1] был вынужден найти убежище на польской территории.

В таких условиях польско-украинское соглашение, уже давно заключенное, принимало все более и более конкретную форму, и в феврале 1920 г. было подписано политическое соглашение, в силу которого Польша обязывалась „освободить" от советской оккупации украинские области, расположенные к западу от Днепра, и отдать их украинским властям с Петлюрой. Украинцы со своей стороны отказывались от всяких притязаний на земли, лежащие к западу от р. Збруч и Горыни. Это соглашение и военная конвенция, подписанная в апреле, положили основу молодой украинской республике, опирающейся на Польшу, и союзу двух государств в будущем[2].

Советские мирные предложения. В декабре 1919 г. советское правительство предложило польскому правительству начать мирные переговоры; в конце января 1920 г. оно возобновило это предложение. Но в то же время разведывательная служба польского верховного командования выяснила, что советские силы, не имея более забот о внутренних фронтах, направлялись к польскому фронту. При таких условиях мирные предложения советского правительства не могли оставлять никаких иллюзий[3]. Уже во время предварительных переговоров относительно места переговоров о мире и перемирии можно было убедиться, что Советы ведут двойную игру, имея целью: 1) выиграть необходимое время, чтобы подготовиться к новой войне и в частности к отправке на польский фронт новых войск[4]; 2) обнадежить мирными перспективами, поколебать этим боевой пыл неприятельских войск на фронте, ослабить

---

[1] О Петлюре говорилось выше. Эта „изящная" характеристика наймита польской буржуазии, предварительно ею побитого, имеет целью подготовить читателя к новому событию — союзу Пилсуд кого с Петлюрой. — *Ред.*

[2] О политической подготовке похода на Украину см. предисловие. — *Ред.*

[3] Автор очевидно считает, что наши мирные предложения, которые польское правительство систематически отвергало или на которые оно не реагировало, должны были сопровождаться ликвидацией или ослаблением нашего противопольского фронта, а не его усилением. — *Ред.*

[4] Цинизм автора не превзойден. Предварительные переговоры с министром иностранных дел Польши Патеком показали, что Пилсудский решил воевать го что бы то ни стало, хотя бы ценой грубого срыва переговоров ультимативным требованием вести их на фронте, на участке (Борисов), где переговоры связывали нас, обеспечивая полякам свободу действий на Украинском фронте. — *Ред.*

дух польского общества и привлечь на свою сторону европейское общественное мнение.

Организационная подготовка. При наличии новых перспектив борьбы вся зима 1919/20 г. была использована для напряженной работы, которая должна была довести польские вооруженные силы до возможно высокого уровня в отношении как количества, так и качества. Пехотные дивизии и кавалерийские бригады, формировавшиеся в течение 1919 г. и не бывшие еще полностью укомплектованными, были доведены по возможности до штата; недостаток в кавалерии был устранен; дивизии были снабжены орудиями и походным снаряжением, а также техническим имуществом. Из новых частей формировалась 16-я пехотная дивизия, которая должна была быть готова в апреле. Были приняты меры, чтобы по возможности поднять общий уровень обучения как фронтовых, так и внутренних частей, находившихся в этом отношении в гораздо более благоприятных условиях. В январе и феврале произошло включение двух классов, призванных осенью. Усилие, совершенное, чтобы увеличить численность армии, выразилось в пополнении 55 000 чел., которые были отправлены на фронт с января до марта. В апреле было подготовлено приблизительно такое же пополнение.

Большая часть сил, которыми можно было располагать, в январе уже находилась на фронте, а именно 16 пехотных дивизий (57 полков) и 14 полков кавалерии; остальные посылались на фронт постепенно или оставались временно внутри страны, но с конца апреля считались резервом фронта.

Последней задачей, предстоявшей войскам, находившимся внутри страны, было занятие Поморья (Данцигский коридор), передаваемого Польше по Версальскому договору. Для этого были использованы 3 пехотных дивизии и 1 кавалерийская бригада. 17 января 1920 г. началось выполнение этого радостного акта исторической справедливости (?!—*Ред.)* и 10 февраля польские войска установили польские цвета на берегах Балтики.

Одновременно с комплектованием боевых частей фронта была предпринята реорганизация командования. Во время кампании 1919 г. весь фронт был разделен на ряд „фронтов", которыми командовали командующие фронтами. Это подразделение во многих случаях было произведено случайно и привело к созданию фронтов весьма различных протяжений, силы и заданий. Приказ верховного главнокоманду-

ющего от 8 марта упразднил это неправильное деление, которое не соответствовало более новым задачам; он заменил его распределением фронта между четырьмя армиями: VI армия—на Подольском участке, II—на Волынском, силы, находившиеся в Полесьи и отчасти на Березине, составляли IV армию, и наконец участок Верхней Березины и Двины был передан I армии. Каждая из этих армий насчитывала в среднем от 3 до 4 пехотных дивизий и несколько кавалерийских полков. Части, расположенные на литовской демаркационной линии, также были соединены в одну армию — VII; III и V армии временно не были сформированы.

Решение начать действия на Украине. Наблюдая за постоянным ростом советских сил на фронте, верховный главнокомандующий не захотел пассивно выжидать, чтобы неприятель закончил свое сосредоточение после подготовки и перешел в наступление. Он решил опередить противника, чтобы помешать перегруппировке его сил на фронте и своевременно воспротивиться его планам[1]. Из двух оперативных театров, о которых говорилось выше, он выбрал южный.

Этот театр не только непосредственно способствовал быстрому осуществлению намеченных политических планов, т. е. освобождению Украины от советской оккупации, но и другие соображения чисто военного характера говорили в его пользу. Полученные донесения сообщали, что в этом районе сосредоточивается большая часть советских сил, снятых с юга России, с Деникинского фронта. Поэтому необходимо было направить первое наступление против них, чтобы их разбить, и затем повернуться против сил, действующих на Литовско-белорусском фронте.

Действия на Мозырь и Калинковичи. Прежде чем начать наступление на Украину, верховный главнокомандующий приказал произвести местную операцию в Полесьи, чтобы занять Мозырь и Калинковичи. Эта операция имела целью окончательно отрезать советские силы, действовавшие на

---

[1] Это—распространенный в польской военной литературе, но грубый комментарий к решению Пилсудского начать наступление, как только будет закончено сосредоточение польской армии на Украине. Пилсудский хотел победить наступлением на Украине, условленным с французскими империалистами и Петлюрой. Он просто решил воспользоваться своим значительным превосходством (в четыре раза) на Украине, чтобы нанести нам удар. Удар этот был очень неумно рассчитан Пилсудским, так как он не учел наших резервов, в то время как польская армия их не имела. — *Ред.*

север от сил, сосредоточивавшихся на юге[1]. До тех пор они были связаны железнодорожной линией Орша — Жлобин — Калинковичи — Коростень — Житомир — Жмеринка, которая

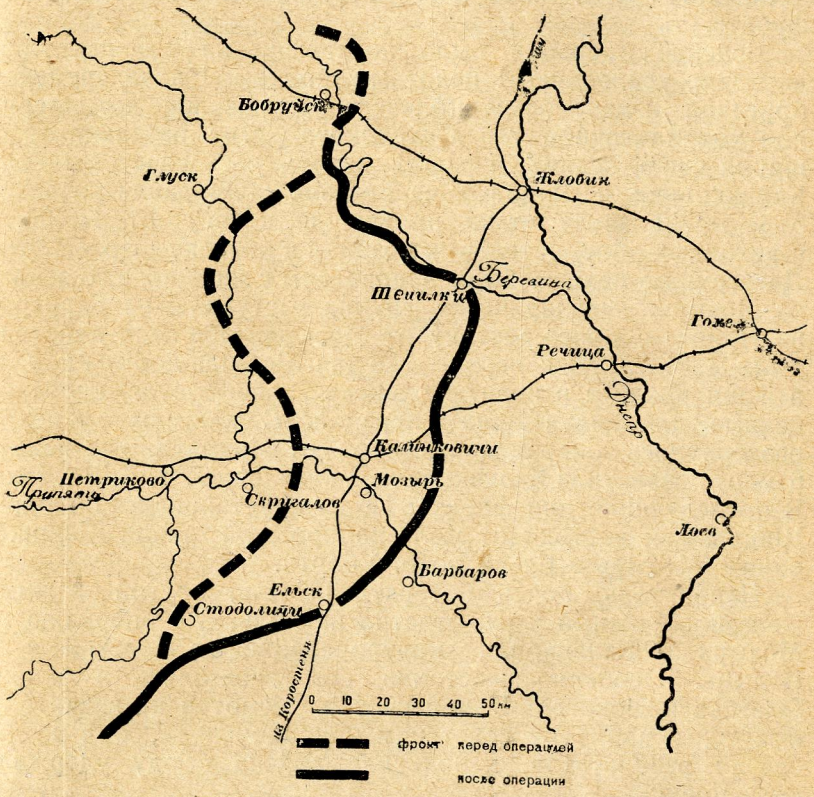

Схема 16. Наступление польской армии на Мозырь и Калинковичи в марте 1920 г.

позволяла перебрасывать силы с севера на юг и наоборот в сравнительно короткое время. Занятие Мозыря и Калинковичей перерезывало это сообщение и оставляло советским войскам для переброски их сил с одного театра на другой

[1] Этот „замысел" в оперативном отношении был довольно наивен, так как переброска сил вдоль фронтов для Красной армии не вызывалась никакой необходимостью: фронты усиливались из глубины, где в то время было достаточно резервов. — *Ред.*

только железнодорожную линию Гомель — Бахмач — Киев, находящуюся к востоку от Днепра и отдаленную от фронта. Эту последнюю можно было даже сделать непригодной путем возможной операции против жлобинского железнодорожного узла, находящегося сравнительно недалеко от фронта.

Ведение операции было возложено на 9-ю пехотную дивизию, усиленную 1 пехотным полком, 1 кавалерийской бригадой и некоторым количеством тяжелой артиллерии под командованием ген. Сикорского. Этот начальник расширил свою задачу и решил занять весь участок между Калинковичи и Шацилки на Березине. Операция началась 5 марта. Главная атака произошла к югу от Припяти с исходных оборонительных позиций к востоку от р. Уборть. Две группы пехоты были направлены с запада и юго-запада на Мозырь; кавалерийская группа наступала на Барбаров на Припяти, к юго-востоку от Мозыря. Обе цели действий были достигнуты с первого же дня. Богатая добыча попала в наши руки, и в первую очередь—речные суда, особенно ценные для дальнейших операций. С таким же успехом развернулись операции к северу от Припяти, где пехота 6 марта захватила Калинковичи, а кавалерия 7-го—Шацилки. В последующие дни фронт в Полесьи установился по линии Шацилки, к востоку от железнодорожной линии Калинковичи — Мозырь — Ельск до р. Уборть.

Неприятель, боясь потерять Гомель, другой важный железнодорожный узел, ответил на польскую операцию на Мозырь и Калинковичи контроперацией в Полесьи и на Волыни. Особенно жестокие бои завязались в районе Олевска и Новоград-Волынска. Но, несмотря на значительные силы, двинутые советским командованием, они не достигли результатов, и польские войска всюду удержали свои позиции.

Глава X.

Наступление на Украину.

Распределение сил и задач между Северным и Южным фронтами. В то время как подготовка к наступлению на Украину близилась к концу, в первой половине апреля стало известно, что значительные неприятельские силы были со-

средоточены на Северном фронте в Белоруссии [1] и нужно было ожидать советского наступления оттуда, а не с Украины.

Это положение дел все же не изменило решения главнокомандующего. Сосредоточение войск, предназначавшихся для действий на Украине, было настолько продвинуто, что всякое существенное и поспешное изменение могло произвести только замешательство с самыми печальными последствиями. С одной стороны это могло повести к преждевременному ослаблению Украинского фронта, а с другой стороны помешать во-время привести Северный фронт в состояние, необходимое, чтобы предупредить неприятеля в ожидаемом наступлении: иначе советское командование получило бы возможность иметь инициативу операций на обоих фронтах. Поэтому верховный главнокомандующий решил выполнить уже предусмотренную операцию на Украине, просто передвигая день начала действий, и отсрочить наступление на севере до тех пор, пока успехи на южном театре не позволят взять оттуда часть сил и перебросить их на север. До тех пор Литовско-белорусский фронт должен был обороняться и сдерживать предусмотренное советское наступление в течение времени, необходимого, чтобы войска, перебрасываемые из Украины, дали возможность организовать согласованное наступательное действие на этом фронте. Силы, расположенные на севере, а именно I и IV армии и часть VII, при поддержке резервов изнутри страны представляли больше 12 пехотных дивизий и 2 кавалерийских бригад, что обеспечивало в достаточной мере выполнение их задачи [2].

---

[1] Автор выдумал и факт сосредоточения значительных сил Красной армии в Белоруссии в первой половине апреля и получение об этом сведений польским командованием. Разведывательная сводка 1-й польской армии от 14 апреля не содержит об этом сведений (ср. Zawadzki B., System obrony w 1920 roku, стр. 50). На самом деле в марте закончилось сосредоточение 29-й стрелковой дивизии, в начале апреля сосредоточивалась только одна стрелковая дивизия (12-я) (Какурин и Меликов, „Война с белополяками", стр. 443). Только 26 апреля, уже после перехода поляков в наступление на Украине, в разведывательной сводке польского главного командования говорится о сосредоточении более значительных красных сил между шоссе Витебск—Бешенковичи и железной дорогой Орша—Борисов, причем высказывается предположение, что „противник нанесет удар на участке I или IV польской армии в целях облегчения положения своей 12-й армии"— Zawadzki, цит. труд, стр. 53). — *Ред.*

[2] На самом деле эти силы не обеспечили задач обороны. Северный фронт получил сильные удары уже в мае, а в июне он развалился. Не помогли резервы внутри страны и в резерве фронта 5 дивизий, кроме 3 дивизий, которые Пилсудским предполагалось вывести с Украинского фронта после своей „победы" (см. его труд „1920 год"). — *Ред.*

Верховный главнокомандующий назначил для украинской операции 8 пехотных дивизий, особую группу силой в 1 бригаду, 1 учебную дивизию и отдельную группу украинских войск и наконец 4 кавалерийских бригады. Отряды украинских партизанов[1], действовавших на тылах советских войск, составляли значительную поддержку для нашего наступления.

План действий. Группировка советских сил на Украинском фронте опиралась на железнодорожную линию Коростень — Житомир — Казатин. Таким образом овладение нами этой линией дезорганизовывало весь неприятельский фронт. Из двух советских армий, находившихся на Украине, одна, 14-я, базировалась на Жмеринку, другая, 12-я,—на Киев. Быстрое занятие Казатина, главного центра, расположенного позади центра всего фронта, разделяло эти две армии и препятствовало их тесному взаимодействию.

В этом направлении был ориентирован польский план. Сильная группа кавалерии должна была проложить себе путь через советский фронт и быстрым и внезапным рейдом напасть врасплох на Казатин. Одновременно брошенная пехота должна была занять также возможно скорее Житомир и Бердичев. Тогда советский фронт был бы прорван, и дальнейшее продвижение польских войск к югу отбросило бы 14-ю армию от Киева, помешало бы ей отступать к Днепру, угрожая отбросить ее на Днестр.

Это наступление главными силами сочеталось с другим наступлением на левом крыле польской группировки; оно имело целью отрезать железнодорожную линию между Коростенем и Киевом, которая составляла после взятия Казатина и Житомира нашими войсками единственную линию отступления для неприятельской северной группы.

Первоначальная группировка. Наступление было начато 25 апреля. Верховный главнокомандующий, прибывший на фронт, лично принял руководство операцией. Он в частности принял непосредственное командование вновь сформированной III армией, которая должна была играть главную роль в операции.

Согласно оперативного плана исходная группировка представлялась следующим образом:

На северном крыле (левом) фронта находилась III армия; из частей, входивших в ее состав, группа ген. Рыдз-Смиглого (1-я дивизия легионов, 7-я пехотная дивизия, 3-я ка-

[1] Так автор называет бандитов Петлюры. — *Ред.*

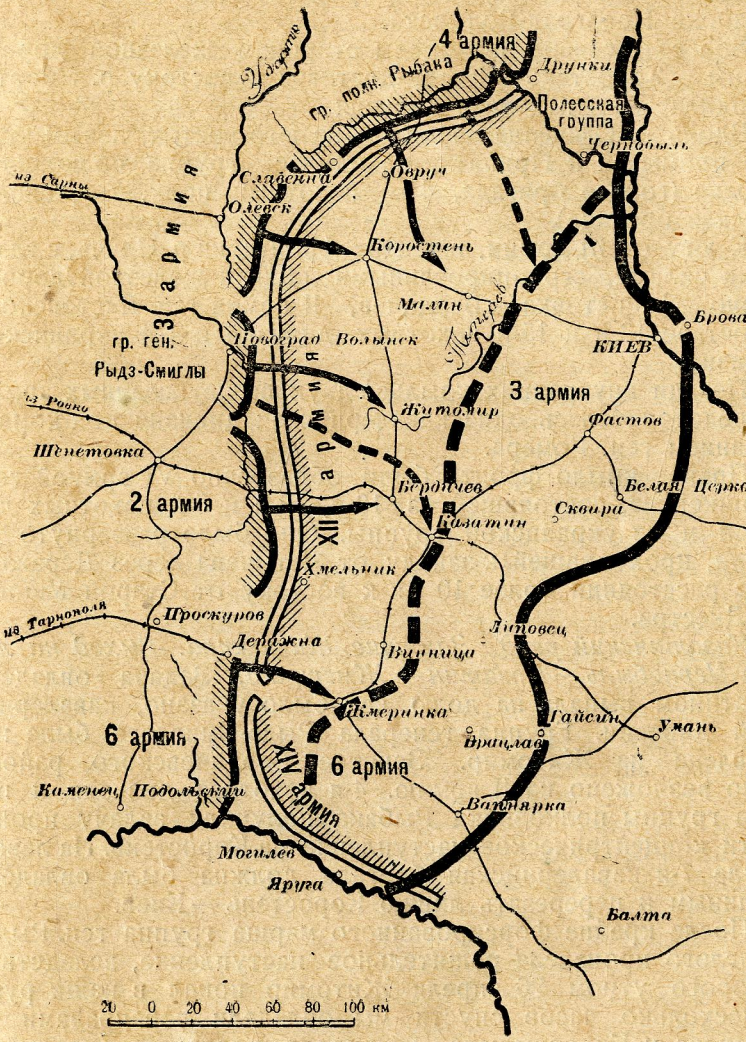

Схема 17. Наступление польской армии на Киев в апреле 1920 г.

валерийская бригада) была расположена на р. Случь, в районе Новоград-Волынска.

Более к северу по обеим сторонам железной дороги Сарны — Коростень — Киев, достигая к востоку р. Уборть, находилась 4-я пехотная дивизия.

Вдоль р. Славечна, фронтом на юго-восток, левым крылом примыкая к Припяти, находилась группа полковника Рыбака (горная бригада, 41-й пехотный полк, 7-я кавалерийская бригада).

К югу от III армии, в центре фронта, на р. Случь, с главными силами, сгруппированными вблизи железной дороги Ровно — Шепетовка — Бердичев,—II армия ген. Листовского в составе 13-й и 15-й пехотных дивизий и 1-й украинской дивизии.

Позади внутренних крыльев двух вышеуказанных армий сосредоточивалась одна кавалерийская дивизия под командованием ген. Ромера.

Правое крыло фронта было образовано VI армией ген. Ивашкевича, состоявшей из 18-й, 12-й и 5-й пехотных дивизий и из украинской группы. Оно было развернуто на линии, проходившей к западу от Летычева через Деражню и на расстоянии более 10 *км* к востоку от Старой Ушицы до Днестра.

Казатинский рейд. Занятие Житомира. Выход на линию Чернобыль — Казатин — Жмеринка. Задача овладеть Казатином выпала на долю, как было указано, кавалерийской дивизии. Группа генерала Рыдз-Смиглого была направлена на Житомир. Занятие Бердичевского района было возложено на II армию. 4-я пехотная дивизия и пехота группы полковника Рыбака получили задачу произвести концентрическое наступление на Коростень. На левом крыле 7-я кавалерийская бригада должна была овладеть Малиным и перерезать линию Коростень — Киев.

После крайне форсированного марша группа ген. Рыдз-Смиглого произвела решительное наступление, вследствие которого утром 26 апреля Житомир попал в наши руки и несколько часов спустя мы овладели переправами на Тетереве у Коростышева. 27 апреля после упорного боя кавалерийская дивизия заняла Казатин почти в то же время, когда пехота II армии занимала Бердичев. Советские силы, расположенные в Житомире, были разбиты; силы, находившиеся в районе Бердичев — Казатин, были почти целиком уничтожены. Польские войска захватили большое количество пленных и богатую военную добычу. Таким образом

были отделены друг от друга две советские армии, вследствие чего в течение довольно долгого времени до прибытия конной армии Буденного центральный район Украинского фронта был почти освобожден от неприятеля.

На левом крыле 26 апреля польские войска вошли в Коростень; все же кавалерийская бригада, которая 27 апреля заняла Малин, не смогла приостановить отступление противника, отходившего из Коростеня на Киев. В результате нашего наступления 12-я армия была разбита и до самого конца войны не смогла восстановить свою боеспособность [1].

VI армия ген. Ивашкевича временно выполняла согласно плана второстепенную задачу, ограничиваясь сковыванием советских сил перед своим фронтом. Но когда неприятель под влиянием общего положения начал свой отход, она стала продвигаться по его следам и достигла 29 апреля Винницы и Жмеринки. К северу от II армии Полесская группа 27 апреля заняла Чернобыль.

Первый этап наступления закончился; польские войска достигли назначенных им целей и расположились на р. Тетерев и к востоку от железнодорожной линии Казатин — Жмеринка, готовые к новым действиям. Верховный главнокомандующий воздержался предпринять эти действия, прежде чем выяснится положение с советской стороны, так как от последнего зависело главное направление операций: или на Киев, или к югу, против 14-й советской армии. Группировка сил, вытекавшая из первого этапа наступления, давала польскому командующему полную свободу действий в любом из этих направлений, так как оно характеризовалось сосредоточением в центральном районе, самом главном, на фронте Житомир — Бердичев, 3 пехотных дивизий, 1 украинской дивизии и 1 кавалерийской дивизии.

Занятие Киева. Сведения, собранные до 3 мая, указывали, что неприятель собирается оборонять Киев. Поэтому верховный главнокомандующий решил продолжить свою операцию в этом направлении. Ей предшествовала соответствующая перегруппировка войск. III армия должна была повести наступление на Киев; она перешла под командование ген. Рыдз-Смиглого. Среди частей, входивших в ее состав, оставались группа полковника Рыбака на левом крыле и 1-я дивизия легионов в районе Житомира. Зато 7-я пехотная дивизия была присоединена к II армии взамен

[1] Это положение, часто встречающееся в трудах пилсудчиков, должно оправдать военную целесообразность похода на Киев. — *Ред.*

15-й пехотной дивизии, отправленной в район Фастова, где она перешла под командование ген. Рыдз-Смиглого. 4-я пехотная дивизия, оставленная в Коростене, была отделена от III армии и перешла в резерв верховного главнокомандующего.

III армия получила задание достигнуть Днепра на участке от устья Припяти до устья р. Красной, овладеть Киевом, захватить целиком мосты на Днепре у Киева и прикрыть город, создав тэт-де-пон на восточном берегу реки.

II армия, включавшая 13-ю и 7-ю пехотные дивизии и кавалерийскую дивизию, усиленную 3-й кавалерийской бригадой, и VI армия с неизмененным составом должны были обеспечивать с юга наступление III армии, прикрывая железнодорожную линию Могилев—Казатин—Киев. Верховный главнокомандующий, простирая операцию к северу, предписал IV армии также продвинуться до Днепра, от устья Припяти до устья Березины.

Вопреки расчетам и предположениям [1] противник оставил Киев и отступил на восточный берег Днепра, ускользая таким образом от мощного удара, подготовленного против него. Передовые части III армии вошли 7 мая в Киев без боя; 9 мая 1-я дивизия легионов и 15-я пехотная дивизия после упорного боя прорвались через мост и вышли на восточный берег Днепра, а в последующие дни захватили тэт-де-пон, выдвинутый до Броварь; 9-я пехотная дивизия в Полесье между 6 и 9 мая отбросила неприятеля за Днепр и Березину и овладела Речицей.

Конечное положение. Захватом Киева и созданием тэт-де-пона перед городом заканчивалось польское наступление на Украине, и III армия получила оборонительную задачу—удерживать Днепр. Что же касается двух остальных армий, было предусмотрено их использование для новых наступательных действий к югу, где ожидалось большое сосредоточение неприятельских сил, но вскоре дало себя почувствовать влияние обстановки на Северном фронте. Со дня на день советские войска сосредоточивались во все большем количестве с этой стороны, и советское наступление не преминуло вскоре начаться. Поэтому пришлось отказаться от всякого нового наступления на Украине, ограничиваясь на всем этом фронте производством перегруппировок оборо-

---

[1] Опять просчет. Недаром, учитывая стратегические и политические ошибки Пилсудского, даже некоторые буржуазные историки называют теперь киевскую „операцию" Пилсудского авантюрой.—*Ред.*

нительного характера. Часть сил, действовавших до тех пор на этом театре войны, была выведена и отправлена на север [1].

Глава XI.

Наступление Красной армии в Белоруссии.

Предполагаемые польские действия в Полесьи. В это время по донесениям с Северного фронта советское командование продолжало сосредоточивать там значительные силы, что и было замечено еще в середине апреля польским командованием, и собиралось вскоре перейти в наступление.

Вследствие этого верховный главнокомандующий 11 мая подготовил со своей стороны наступление. Оно должно было исходить из Полесья силами, уже там находящимися: 3 пехотными дивизиями (9-й, 16-й и 14-й), поддержанными в случае необходимости дивизией, взятой из резерва Украинского фронта, 4-й пехотной дивизией, и иметь ближайшей задачей занятие Жлобина и Могилева. Таким образом задуманное наступление должно было столкнуться с неприятельской группировкой, угрожавшей Минску, и помешать ее сосредоточению. Начало операции было назначено на 17 мая.

Однако советское командование нас предупредило и 14 мая атаковало первое. Вследствие этого наши планы наступления должны были быть оставлены; наоборот пришлось направить все усилия в сторону, где неприятелю удалось достигнуть значительных успехов, к крайнему левому крылу фронта.

Советское наступление и отход польской армии. Советский план был большого размаха; он состоял в том, чтобы разбить левое крыло польских сил и отбросить их к Полесским болотам или, говоря иначе, уничтожить всю северную часть польского фронта. Для выполнения

---

[1] Речь идет об одной пехотной дивизии (4-й), которая находилась в районе Коростеня, и одной бригаде. Таким образом Пилсудский вместо решительной победы на Украине вынужден был ослабить свой южный фронт, который вскоре был прорван 1-й Конной армией (см. стр. 19 и 20). *Ред.*

этого плана сильная армия, 15-я, насчитывавшая более 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую дивизию, повела решительное наступление на участке Ушач-Лепель. Одновременно Северная группа, значительно более слабая, перешла через Двину в районе Дисны, стремясь к обходу всего левого польского фланга. Таким образом задуманное советское наступление столкнулось с гораздо более слабой I польской армией. Эта армия имела в первом эшелоне только две дивизии, 8-ю и 1-ю Литовско-белорусскую, а в резерве — 1 пехотную дивизию, 3-ю дивизию легионов и 1 кавалерийскую бригаду. Она не смогла выдержать сильное советское наступление, которое велось на широком фронте, и ей пришлось отступать на всей линии. Попытки произвести местные контратаки и попытки 1 пехотной дивизии из резерва верховного главнокомандующего и 17-й дивизии, переданной в распоряжение командующего армией и отправленной из Молодечна на участок боев, не имели успеха. Под непрерывным нажимом неприятеля польские войска отступали, главные силы—в общем направлении на Молодечно, остальные—прямо к западу на Глубокое. 18 мая, т. е. на 5-й день операции, советские войска дошли до линии Германовичи—Березино Верхнее. С этого момента направление их наступления, происходившего до сих пор с востока на запад, было изменено. В западном направлении, на Глубокое и Поставы, двинулись сравнительно незначительные силы; большая часть повернула к югу, двигаясь прямо на Молодечно. Советское командование предполагало таким образом, как было предусмотрено в его плане, отбросить разбитые польские войска в Полесские болота. Одновременно неприятельское наступление распространилось на польский фронт южнее—на участок IV армии, где 16-я армия атаковала Борисов в то время, как часть ее сил перешла Березину, имея ближайшей задачей занятие Игумена, а затем Минска.

Однако мало-по-малу сопротивление, оказываемое I армией стало с каждым днем увеличиваться; эта армия была усилена дивизией, взятой из IV армии (6-й), так что в последних числах мая продвижение советских войск было окончательно остановлено на линии Козяны—Поставы—Кривичи—Околово—озеро Пелик. IV польской армии также удалось остановить советское наступление на Игумен и отразить наступление на Борисов (2-я дивизия легионов). Одним словом 15-я советская армия и Северная группа, занимавшие фронт полукругом, находились как бы

в мешке. Верховный главнокомандующий воспользовался этой обстановкой, чтобы перейти 1 июня в контрнаступление.

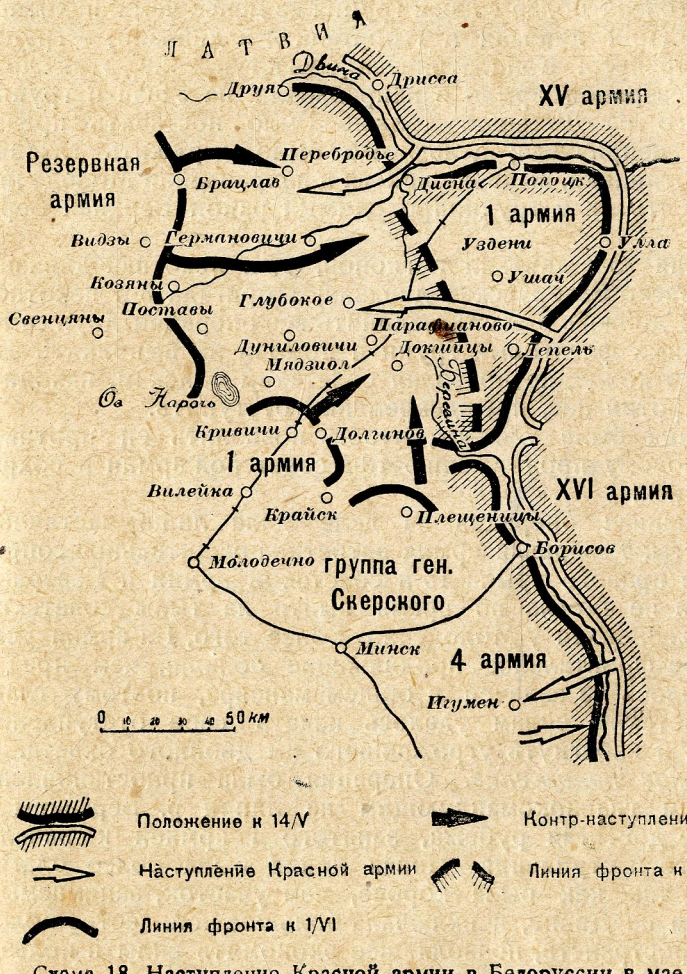

Схема 18. Наступление Красной армии в Белоруссии в мае 1920 г.

Польское противодействие. За двумя крыльями I армии, защищавшей подступы к Молодечно, были сформированы две ударные группы. За левым крылом была сосредоточена в районе Свенцяны новая резервная армия под командованием ген. Сосновского силой приблизительно в 4 пехотных

дивизии (8-я, 10-я, 11-я, одна бригада 5-й дивизии, 7-я резервная бригада) и 1 (1-ю) кавалерийскую бригаду. За правым крылом, на стыке с IV армией, в районе Логойска, была сосредоточена более слабая группа из менее чем 2 пехотных дивизий (15-я дивизия и 1 бригада 4-й дивизии) — группа ген. Скерского. Концентрическое наступление этих двух групп резервной армии в направлении на Ушач и группы Скерского на Докшице должно было поставить предел успехам неприятеля; целью его было окружить главные силы противника, выдвинувшиеся в направлении Молодечно, и отбросить их в труднопроходимый район Верхней Березины.

I армия (3-я дивизия легионов, 17-я пехотная дивизия, 1-я Литовско-белорусская дивизия, 1 бригада 6-й пехотной дивизии) должна была объединить все операции двух самостоятельных фланговых групп и помочь им выполнить эту задачу до конца, не позволяя советским войскам, находившимся против нее, преждевременно отступить.

IV армия была усилена, чтобы позволить ей противостоять новому продвижению 16-й советской армии и сохранить Минск.

Задуманная операция на деле дала лишь частичные результаты. Резервная армия встретила решительное сопротивление правого крыла 15-й советской армии и Северной группы и не смогла во-время выйти на тылы советских сил, сражавшихся у Молодечно. Более того, 1-я армия усилила свое фронтальное продвижение больше, чем предусматривалось ее задачей в общем маневре, поэтому главным советским силам удалось начать свое отступление во-время и избегнуть угрожавшего им двойного охвата.

Конечное положение. Операция была приостановлена верховным главнокомандующим на линии р. Березины и Ауты, не достигая рубежа, занятого I армией к началу советского наступления. Новая линия была более благоприятна, так как была короче, чем участок, занимаемый перед тем на Двине, и включала большое количество болотистых пространств, позволявшее экономить силы в пользу резервов.

С первых же дней начала советской операции I и IV армии были объединены под командованием ген. Шептыцкого, который продолжал непосредственно командовать и IV армией. Верховный главнокомандующий, который лично руководил контрнаступлением, поручил ему организацию фронта на вновь достигнутой линии. Некоторое

время спустя группировка сил на фронте, подчиненном ген. Шептыцкому, была следующая:

Северное крыло, на Двине и на Ауте, образовала I армия в составе 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады.

В центре фронта, между озером Межуоль и железной дорогой Жлобин — Калинковичи, находилась IV армия в составе 4 дивизий.

На правом крыле—Полесская группа ген. Сикорского, состоявшая из двух пехотных дивизий.

В целом силы фронта достигали 12 пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады, следовательно значительно увеличились сравнительно с численностью предшествовавшего советскому наступлению периода.

Глава XII.

Отступление поляков.

1. От Днепра до Стыри и до Збруча.

Положение и организация фронта на Украине перед советским наступлением. Отказ от продолжения наступательных операций на Украине [1] и решение сократить действующие силы, находящиеся там, в пользу очутившегося в опасности Северного фронта повлекли за собой перегруппировку частей и изменения в командном составе. II армия была расформирована. Из 2 входящих в ее состав дивизий одна была присоединена к III армии, другая — к VI. Одновременно было создано командование фронтом во главе с ген. Листовским, которому были подчинены обе вышеуказанные армии и одна кавалерийская дивизия.

4-я пехотная дивизия, выведенная с передовых позиций во время наступления и сосредоточенная в Коростене как резерв верховного главнокомандующего, была отправлена на Северный фронт. Вскоре должна была начаться пере-

[1] Пилсудский оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Продолжать наступление на Украине он не мог в то время, когда его Северный фронт в Белоруссии затрещал в мае под ударами Красной армии, чего он не учел, принимая решение воевать и именно на Украине. С тех пор начинаются шатания Пилсудского с целью спасти то один, то другой фронт. В результате Северный фронт вплоть до Варшавы был оставлен без поддержки. В течение июня и июля Пилсудский уделял главное внимание Южному фронту, где наступала 1-я Конная армия.— *Ред.*

броска 2 других пехотных дивизий и 1 кавалерийской бригады [1]. Основой оборонительного расположения была линия, достигнутая сразу же после занятия Киева. Эта линия шла от Припяти вдоль Днепра и проходила через Белую Церковь — Сквиру — Липовец — Брацлав — Вапнярку и Яругу на Днестре. III армия (1-я дивизия легионов, 7-я пехотная дивизия, группа полковника Рыбака, по численности равная одной пехотной дивизии, 7-я кавалерийская бригада, украинская кадровая дивизия заняла участок, между Припятью и Сквирой; от Сквиры до Днестра тянулся участок VI армии (12-я, 13-я и 18-я пехотные дивизии и украинская группа, по численности равная одной польской пехотной бригаде).

В продолжение некоторого времени Украинский фронт был спокоен. Неприятель оторвался и отошел далеко позади линии, занятой польскими войсками. Только у Киевского тэт-де-пона сохранилось тесное соприкосновение с нашими силами, но это было только временное затишье, которое советская армия, не тревожимая нами, использовала, чтобы привести в порядок разбитую 12-ю армию и сильно надломленную 14-ю, а также чтобы сосредоточить на польском фронте Конную армию Буденного, которая прославилась многочисленными победами в своей борьбе против Деникина. Как только были закончены эти приготовления, в последних числах мая, неприятель перешел в наступление.

Советский план действий. Этот план состоял в том, чтобы воспользоваться формой польской группировки, характеризующейся расположением III армии фронтом к востоку, опираясь на Киевский район, в то время как VI армия располагалась фронтом на юг, в общем направлении на Одессу. Прежде всего он ставил себе задачу уничтожить киевскую группировку, т. е. III армию. Для этой цели одна советская группировка сил, 12-я армия, должна была перейти через Днепр у устья р. Тетерев к северу от Киева и прямо наступать в общем направлении на Коростень. Вторая группировка сил, группа Якира, выделенная из 14-й армии, должна была наступать на Фастов и Белую Церковь с юга. Полное уничтожение III польской армии должно было быть завершено Конной армией

[1] На самом деле, как пишет ген. Шептыцкий, в середине июня Пилсудский перебросил с Северного фронта на Южный $1^1/_2$ дивизии (3-я дивизия легионов и одна бригада 6-й пехотной дивизии), ослабив 1-ю армию перед нашим июльским наступлением.—*Ред.*

Буденного, которая должна была прорваться через центр польского фронта и, заняв район Казатин — Бердичев, действовать на тылы III армии. Что же касается VI польской армии, то советское командование имело намерение развить против нее второстепенную операцию, выполненную гораздо более слабыми силами (14-й армией); цель: район Винница — Жмеринка.

Прорыв польского фронта Конной армией Буденного. Конная армия (4 дивизии и 1 кавалерийская бригада) начала свое наступление в последних числах мая; она столкнулась с дивизией левого крыла VI польской армии (13-й пехотной дивизией), в то время как часть ее выдвигалась, чтобы занять более благоприятные позиции на р. Рось и р. Роска. Застигнутая врасплох дивизия во время первых встреч понесла кровавые потери, но все же оказала решительное сопротивление, и ей удалось удержаться на позициях, которые она защищала. Этот подготовительный бой, длившийся в продолжение 4 дней, в результате втянул в борьбу все резервы, сравнительно слабые, которыми располагали командующий армией и командующий фронтом, и временно приостановил перевозку частей, предназначавшихся для Северного фронта. Впоследствии, когда Конная армия вновь перешла в наступление, 5 июня, на этот раз в самом слабом пункте польского фронта, на стычке внутренних крыльев двух армий (13-й и 7-й пехотных дивизий), она прорвала этот фронт в Самгородке, и польское командование не располагало более резервами, готовыми к немедленному контрнаступлению. Хотя создавшийся прорыв был быстро закрыт, Конной армии Буденного удалось однако ускользнуть от преследования и от ловушки, которая была расставлена на участке, ближайшем к фронту, и в которую должен был привести противника ряд маневров, скомбинированных польским командованием [1]. Таким образом Конная армия смогла воспользоваться полной свободой маневра, чтобы действовать согласно приказам на тылах польского фронта. 7 июня Буденный выполнил рейд на Житомир и Бердичев, дезорганизовал тылы польского фронта и сделал невозможным для польского командования управление операциями, сея панику далеко на тылах.

Отход III армии из Киева. Одновременно с маневром Буденного советские операции развивались согласно плана

[1] Все было предусмотрено как и в отношении похода на Киев, и все же „ловушка" оказалась недействительной.—*Ред.*

на обоих крыльях III польской армии. „Группа Якира" двинулась с юга на Белую Церковь, затем на Фастов. Часть 12-й армии приблизилась к тэт-де-пону у Киева, и отдельная Северная группа, специально сформированная внутри ее, перешла через Днепр к северу от Киева. III польская армия, которой угрожало полное окружение, очутилась в затруднительном положении. Все же ее командующий решил удерживать район Киева и, перегруппировывая свою армию, чтобы подготовиться к ожидаемому опасному сражению, приказал очистить восточный берег Днепра, объединив все свои силы вокруг Киева на фронте в форме треугольника, примыкающего к Днепру, к р. Ирпень и к р. Стугна.

Решение ген. Рыдз-Смиглого не соответствовало намерениям верховного главнокомандующего [1], который основывал свой план уничтожения Конной армии Буденного на деятельном участии III польской армии. Его план предусматривал оставление Киева III армией, которая должна была отступить на Житомир. Отступательное движение III армии в сочетании с одновременной атакой левого крыла VI армии, исходящей из района Казатина, при возможной поддержке с запада войск, недавно отправленных изнутри страны на фронт, должно было привести к поражению и к уничтожению армии Буденного, но трудность связи с III армией, отрезанной от остального фронта, привела к тому, что она начала свое отступление только 10 июня и направила свои главные силы не на Житомир, а гораздо севернее, на Коростень.

Несмотря на опасности, которые угрожали III армии, ей удалось благополучно провести свое отступление. В результате упорного боя у Бородянки она пробила себе выход через неприятельские войска, которые, идя с севера, смогли дойти до железной дороги Коростень — Киев. Затем она двинулась, не встречая больших препятствий, на Коростень по железнодорожному пути. Угрожающий ей против-

[1] Пилсудский в своей книге „1920 год" резко упрекал начальника штаба С. Галлера в том, что его приказ об оставлении Киева не был выполнен, и обвинял впоследствии военно-историческое бюро в подделке документов, что отвергла особая комиссия, выделенная для разбора этого дела. По этому поводу Поморский не без основания пишет: „Разделение армии на две части по двум экцентрически расходящимся осям отхода из Киева на Коростень и Житомир приводило сразу же к разброске ее сил, увеличивающейся по мере приближения сражения с Буденным, который находился между двумя этими пунктами. III армия, которая вышла с трудом из окружения, была бы уничтожена где-либо вблизи р. Тетерева".—*Ред.*

ник не торопился и не воспользовался благоприятным случаем. Совершив сначала удачный рейд на Житомир и Бердичев, Буденный, придерживаясь плана и повернув фронтом к востоку, двинулся против III армии, когда она была еще изолирована у Киева, но на полпути, не дойдя

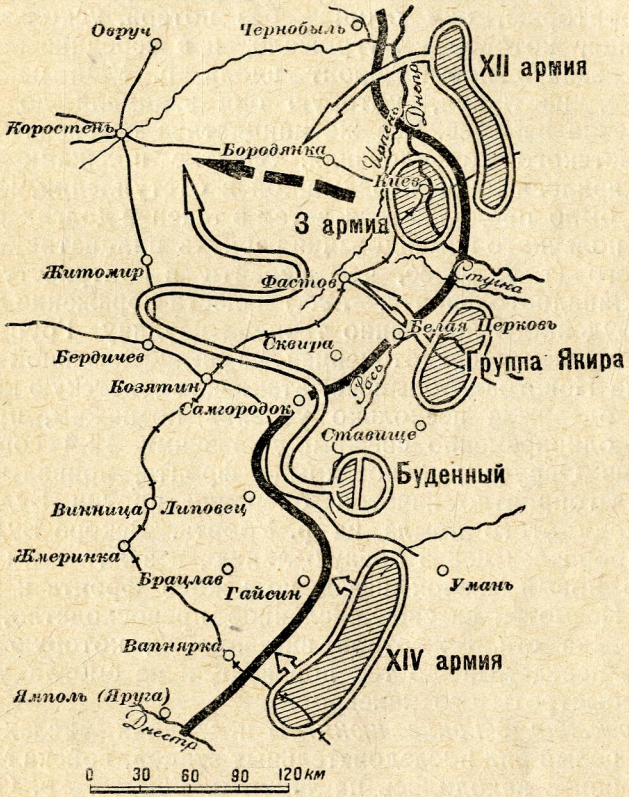

Схема 19. Наступление Красной армии на Украине и отступление 3-й польской армии в июне 1920 г.

до Фастова, он снова повернулся к западу, чтобы еще раз занять Житомир и Бердичев[1]. Удар, нанесенный после этого по флангу отступавшей III армии, запоздал, так как он был произведен как раз в то время, когда этой армии, до тех пор изолированной, удалось приблизиться к району

[1] Автор излагает здесь поверхностно действия 1-й Конной армии после прорыва у Озерна, не увязывая их с действиями всего фронта (ср. С. Буденный, Красная конница, сборник статей, Москва, 1930, стр. 35 — *Ред.*).

Казатина и соединиться с другими частями Украинского фронта.

Общий отход из Украины. В общем план советского командования лишь частично увенчался успехом. Несмотря на то, что польские войска потеряли значительную территорию, они отошли без потерь, ускользнув от окружения, которое им угрожало, и в середине июня им удалось занять новый фронт вдоль р. Уши на севере и южнее, на линии, которую они занимали до начала наступления на Киев. Все же инициатива оставалась в руках советского командования. Занятие поляками нового фронта явилось лишь передышкой в отступлении, которое должно было продолжаться затем в течение долгих недель. Усилия польского командования вернуть инициативу и прежде всего (т. е. ранее, чем перейти в контрнаступление против Западного фронта.—*Ред.*) нанести поражение Конной армии Буденного постоянно терпели неудачу. Группа ген. Ромера, наспех сосредоточенная на вышеуказанной линии, в районе Новоград-Волынска, атаковала советскую конницу и даже одержала несколько успехов, но нажим, произведенный одновременно свежими дивизиями 12-й советской армии из Овруча на левое крыло фронта, привел к перерыву благоприятно начатой операции против Буденного и к отходу этого крыла на р. Уборть. Вскоре Буденный снова прорвался через боевую линию, и занятие им Корца вызвало новый скачок назад польского фронта к району Ровно. Несмотря на свое численное превосходство, польские войска стали жертвой внезапности, которую создал для них неведомый до тех пор враг, и не смогли устоять против быстроты его маневров.

Положение в конце июня. В последних числах июня, пройдя целый ряд последовательных этапов, войска Украинского фронта находились на линии р. Уборть — р. Случь — р. Горынь — Любар — Хмельник с правым крылом, примыкающим к Днестру. Правое крыло все еще составляла VI армия (3 пехотных дивизии—12-я, 13-я и 18-я—и украинская группа). В центре фронта действовала II армия, снова вызванная к жизни, под командованием ген. Рашевского; она состояла из 2 пехотных дивизий (3-я легионов и 6-я)[1] и 2 пехотных бригад (10-я и 1-я резервные) и 1 кавалерийской дивизии. На левом крыле фронта на р. Уборть находилась III армия (1-я и 7-я пех. дивизии, 7-я кавалерий-

[1] Обе эти дивизии были переброшены из Белоруссии (см. выше).—*Ред.*

ская бригада и 6-я украинская дивизия). К III армии на севере примыкал участок Полесской группы, которая, связывая свое движение с отходом на Украине, отступила с линии Днепра на линию р. Птичь.

Общее начертание фронта польской группировки в центре, на фронте II армии, представляло глубокую вогнутость, в которой как раз находилась Конная армия Буденного, тогда как обе другие польские армии были значительно выдвинуты к востоку, находясь в тесном соприкосновении: VI армия—с 14-й советской армией и III армия—с 12-й советской армией.

Такова была обстановка, когда новый командующий Украинским фронтом ген. Рыдз-Смиглый решил искать решительной встречи с Буденным, пользуясь вышеуказанной формой группировки, позволяющей ему произвести концентрическое наступление.

Главный удар должен был исходить с севера; вспомогательные удары должны были быть нанесены с запада и с юга, все 3 армии должны были участвовать в наступлении. Однако еще и в этот раз польский план потерпел неудачу. Предписанная операция не достигла цели вследствие отсутствия взаимодействия в операциях различных соединений, и Буденный своими главными силами вполне свободно перешел 3 июля р. Горынь, а 5-го ворвался в Ровно.

Занятие Ровно значительно ухудшило положение этого фронта. II армия была совершенно отрезана от соседней южной армии и оттеснена в лесистую и болотистую местность к северу от р. Горынь. Перед Конной армией Буденного открылись пути, ведущие как в Ковель, так и на тылы VI польской армии. Контрнаступление, произведенное по приказу командующего II армией, не дало результатов, исключая временное занятие Ровно. Командующий Украинским фронтом был вынужден отдать приказ о продолжении отступления. III армия должна была отступить на Сарны, VI армия—на Збруч, прикрывая своим левым крылом направление Броды — Львов. II армия должна была преградить Буденному путь на Ковель и приостановить его движение в этом важном направлении. 10 июля все войска заняли новый фронт по линии р. Стырь и р. Збруч.

Это происходило в то время, когда наш Северный фронт, прорванный мощным наступлением, находился также в полном отступлении к западу.

2. От Березины и от Двины до Буга.

Советские приготовления к наступлению в Белоруссии и в Полесьи. Совершенно не растерявшись от неуспеха своего майского наступления в Белоруссии, советское командование, выполняя свое решение, продолжало на этом же театре свои решающие операции против польских войск.

Идея, которая лежала в основе этой операции, прекрасно выражена в приказе, данном командующим Западного советского фронта: „На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп Польши лежит путь к мировому пожару... на Вильну, Минск, Варшаву, марш!“ [1].

В течение июня не только были пополнены потери, понесенные во время последней операции, но силы, действовавшие на этом театре, были значительно увеличены. Для этого были направлены сюда свежие части, взятые изнутри, и значительные подкрепления. Одновременно с увеличением действующих сил спешно шла техническая и материальная подготовка к новому наступлению.

Советские силы под командованием Тухачевского, командующего Западным фронтом, предназначавшиеся для этой операции, были подразделены на 4 армии и 1 оперативную группу. Они располагались, идя с севера, в следующем порядке: 4-я армия в составе более 3 стрелковых дивизий и 2 кавалерийских дивизий на крайнем правом крыле— на Двине; 15-я армия в составе 5 стрелковых дивизий и 2 кавалерийских бригад — по обеим сторонам железнодорожного пути Полоцк—Молодечно; на Верхней Березине — 3-я армия в составе 4 стрелковых дивизий; к югу от 3-й армии, на Березине, от Борисова до Бобруйска включительно—16-я армия численностью в 5 стрелковых дивизий и наконец левое крыло, которое состояло из сравнительно слабой Мозырской группы, едва насчитывавшей 2 стрелковых дивизии, — на р. Иппе и в районе Мозыря.

Советский план действий. Руководящей мыслью оперативного плана советского командования было, как и в майском наступлении, совершить широкий охват польского фронта с севера, опирая правое крыло на Литву и Восточную Пруссию, и наконец оттеснить польские силы в Полесские болота. В этих общих рамках план действий на первом этапе намечал уничтожение польских сил, собранных в районе

[1] Автор сфальсифицировал это место приказа. В приказе говорится о „белой Польше“, а не о Польше. — *Ред.*

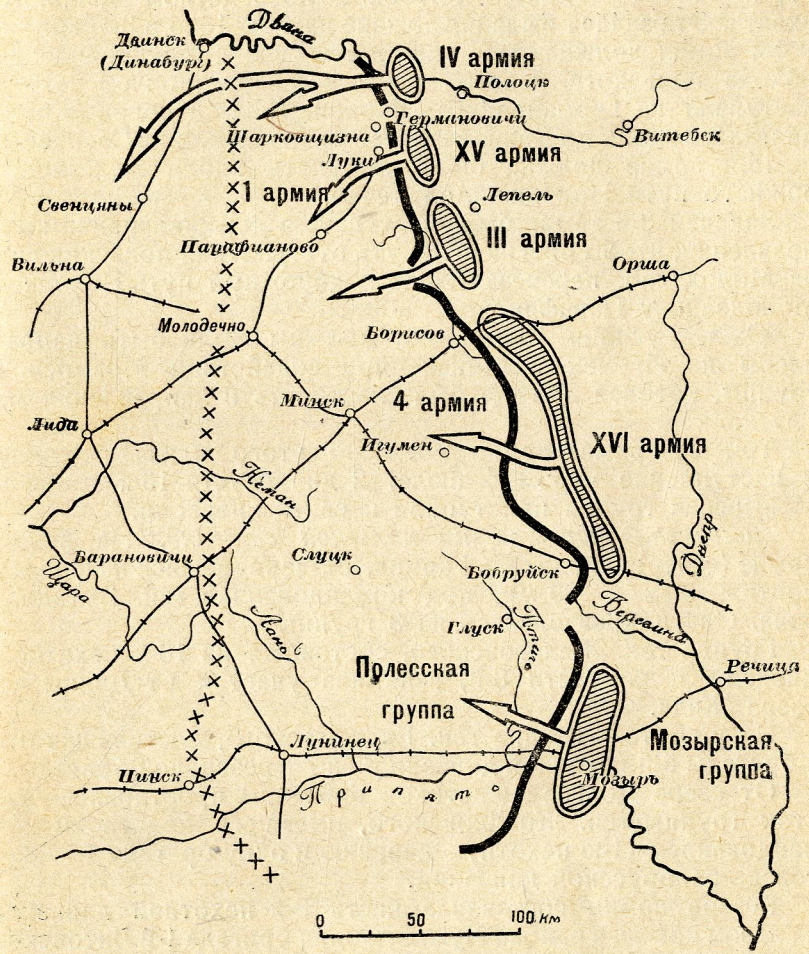

Схема 20. Наступление Красной армии в Белоруссии в июле 1920 г.

Германовичи — Лужки — Глубокое посредством двойного охвата. Эта задача была возложена на 4-ю, 15-ю и 3-ю армии.

4-я армия должна была выполнить свое движение в целях обхода польского левого крыла с севера, причем пехота наступала на Германовичи—Шарковщизна, а конница продвигалась вдоль по Двине в общем направлении на Свенцяны.

15-я армия должна была наступать вдоль железнодорожного пути Полоцк—Молодечно.

Задачей 3-й армии было наступать в северо-западном направлении, чтобы преградить путь отступления польских сил на Молодечно, перерезая железнодорожный путь Полоцк—Молодечно у Парафяново.

Южнее усилия 16-й армии должны были быть направлены на Игумен и Минск при содействии Мозырской группы, которая должна была наступать в направлении на Глуск.

Три северные армии согласно этого плана перешли в наступление утром 4 июля; 2 дня спустя 16-я армия и Мозырская группа приступили к своей операции.

Положение фронта на польской стороне. На левом крыле (север) находилась I армия, развернувшаяся на фронте протяжением в 100 *км*, под командованием ген. Зыгадловича. Она подразделялась на 3 группы:

Группа ген. Желиговского, состоящая из 10-й пехотной дивизии и из части 8-й, занимала участок от Двины до озера Жада.

На р. Аута — группа ген. Енджеевского, состоявшая из 1 бригады 5-й пехотной дивизии и из 7-й резервной бригады.

От озера Долгое до истоков Березины простирался участок группы ген. Жондковского, имевшего под своим командованием 11-ю пехотную дивизию и одну бригаду 1-й Литовско-белорусской дивизиии.

Резерв армии составляла часть 8-й пехотной дивизии, на левом крыле, в районе Лужки, и одна бригада 1-й Литовско-белорусской дивизии позади правого крыла армии.

К югу от I армии, на Березине, на фронте, достигающем 200 *км*, находилась IV армия, располагавшая немного более, чем 3 пехотными дивизиями (14-я, 15-я и 2-я легионов и часть 4-й).

На р. Птичь и Припяти действовала Полесская группа ген. Сикорского силой в 3 пехотных дивизии (9-я, 16-я и горная) и 1 кавалерийскую бригаду. Эта группа уже с некоторого времени вследствие общей обстановки на Украине отступала и только-что эвакуировала Мозырь.

Все эти силы находились под командованием ген. Шептыцкого, который, командуя IV армией, одновременно командовал Литовско-белорусским фронтом. В его распоряжении в резерве фронта находились 2 дивизии: 17-я пехотная дивизия—за I армией, и главные силы 4-й пехотной дивизии—за IV армией. Далеко позади Литовско-белорусского фронта находилась еще 2-я Литовско-белорусская дивизия в распоряжении верховного главнокомандующего, которая выполняла задачу наблюдения на польско-литовской демаркационной линии.

Советское и польское наступление. Отход I польской армии. Под мощным напором превосходных неприятельских сил фронт I армии покачнулся и был прорван на второй же день сражения. Местные отчаянные контратаки не смогли восстановить положение, так же как не помогло введение в непосредственное действие армейских и фронтовых резервов: дивизии начали отступление. 5 июля линия р. Мнюты, на которой командующий армией намеревался организовать новое сопротивление, уже находилась в руках неприятеля, который продолжал угрожать обоим крылам армии.

При таком положении командующий I армией отдал приказ об отступлении; главные силы армии должны были отступать на Молодечно, и только 10-я и 8-я дивизии под командованием ген. Желиговского должны были отступить к западу на Свенцяны, обеспечивая таким образом левое крыло всего фронта. В ночь с 6 на 7 июля 16-я советская армия перешла через Березину и заметно продвинулась на ее западном берегу.

Отход на линию старых германских окопов. Потеря Вильны. Поражение I армии и начало отступления, совершавшееся на Литовско-белорусском фронте, совпали с новым поражением на нашем Южном фронте, где Конная армия Буденного заняла район Ровно. На всем фронте от Двины до Днестра неприятель взял инициативу в свои руки. Отступление, производившееся в беспорядке, под непосредственным давлением неприятеля, попытки закрепиться на местности и сопротивление, оказываемое шаг за шагом, не смогли благоприятно разрешить столь затруднительное положение, поэтому верховный главнокомандующий решил произвести согласованное отступление всего нашего фронта к западу. Войска Северного фронта должны были отойти на линию старых германских окопов, причем их левое крыло должно было загнуться к западу, чтобы прикрыть Вильну с севера, правое крыло должно было как можно дольше удерживать Лунинец.

Южный фронт получил как конечный рубеж для отступления р. Стырь и р. Збруч. По мере того как войска отходили на указанную линию, они должны были сгруппировать свои силы на наиболее важных с оперативной точки зрения пунктах, чтобы быть в состоянии оказать успешное сопротивление новому напору противника, а затем после восстановления порядка и подходящей перегруппировки произвести контрнаступление на всем фронте. Чтобы усилить оборону Вильны, в распоряжение ген. Шептыцкого была передана 2-я Литовско-белорусская дивизия.

Контрнаступление не было осуществлено. Фронт к северу от Припяти не только не сумел произвести перегруппировку на указанном ему рубеже, но даже не смог долго удержаться на нем. Резервы, имевшиеся до 4 июля, были использованы в боях и в отступлении; новых резервов на пути отступления не удалось создать, весь фронт отходил тонким кордоном, неспособным маневрировать и долго сопротивляться.

12 июля, в то время как левое крыло I армии — группа ген. Желиговского (8-я и 10-я пехотные дивизии) и ее центр (группа ген. Енджеевского—1 бригада 5-й пехотной дивизии, 7-я резервная бригада и 17-я пехотная дивизия)— едва достигали рубежа, указанного верховным главнокомандующим, остальная армия (группа ген. Жондковского — 11-я пехотная дивизия и 1-я Литовско-белорусская дивизия) вместе со всей IV армией находилась еще в 2 или 3 переходах к востоку от этой линии. В тот же день 4-я советская армия, продолжая свое обходное движение с севера, оттеснила группу ген. Желиговского за Вилию и, продвигая свои главные силы к югу, старалась выйти на тылы I армии. Поэтому сопротивление I армии на линии германских окопов было непродолжительным. Она приступила к эвакуации этой линии прежде, чем II армия дошла до нее. В то же время корпус советской конницы двигался на Вильну с северо-востока. Обороняли Вильну только 2-я литовско-белорусская дивизия; отрезанная от остальной армии, находясь с фланга под угрозой литовских войск, сохранявших до тех пор нейтралитет, она была принуждена, неся большие потери, отойти на Лиду. 14 июля советская конница заняла Вильну.

Это второе оборонительное сражение, данное на линии германских окопов перед Вильной, воспроизводит схему, которая с этих пор постоянно будет повторяться до Вар-

шавской операции, а именно — обход нашего левого крыла 4-й советской армией и корпусом конницы, что почти автоматически влекло за собой скачок назад всего фронта.

Общий развал фронта. Планы противодействия. „Польский фронт был разбит и неудержимо стремился на запад, к центру страны.

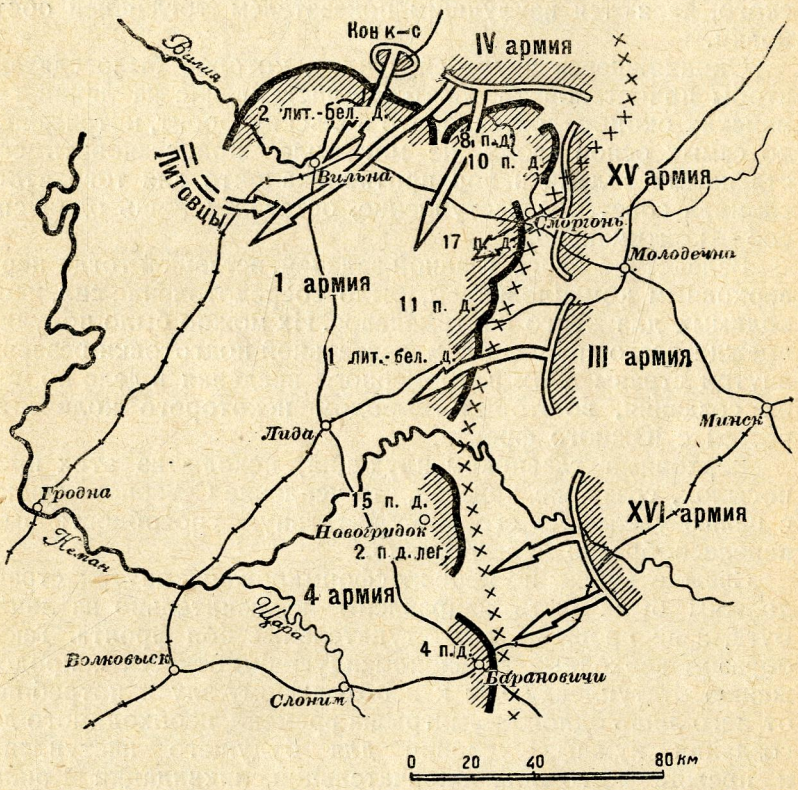

Схема 21. Сражение у Вильны и на линии старых германских окопов в 1920 г.

Победное шествие советских войск производило впечатление чудовищного калейдоскопа, в котором ежедневно появлялась новая обстановка, которая однообразным и неотразимым движением порождала хаос комбинаций и взаимоотношений, без всякой связи с новой обстановкой.

Под впечатлениим этой грозовой тучи государство качалось, характеры размягчались, дух войск падал. Под влиянием этих событий все более и более разрастался

кроме наружного фронта внутренний фронт, могущество которого во всех войнах является фактором поражения. Государство затрещало; усилия войск расходовались на противодействия, и задача командования становилась с каждым днем морально более трудной и тяжелой".

Эти несколько фраз, взятые из книги маршала Пилсудского, являются наилучшим показателем тогдашней обстановки.

Окончившееся неудачей усилие, которое было сделано, чтобы приостановить советское наступление на линии германских окопов, доказало, что польский фронт, потрясенный до самых основ своих, не мог более приостановить собственными силами напор противника и что для того, чтобы сломить советское наступление, оставался лишь один способ — контрманевр.

Вследствие этого главной задачей, вставшей тогда перед верховным командованием, было сосредоточение сил, необходимых для этого контрманевра. Их можно было получить прежде всего посредством деятельной подготовки резервов внутри страны и их планомерного введения в дело по мере их создания, во-вторых—выводом некоторого количества частей с Южного фронта.

Верховный главнокомандующий, исходя из этих предпосылок, сразу же признал, что усиление Северного фронта с целью увеличить его оборонительную способность было нецелесообразно и бесполезно.

Свежие войска по мере их сформирования внутри страны должны были быть направлены исключительно на линию Буга, а не брошены в отступательные бои фронта. Таким образом верховный главнокомандующий отнесся к продолжению отступления как к необходимому злу и потребовал от него лишь одного—выигрыша времени, необходимого для создания нужных условий для будущего наступления и прежде всего для окончательной ликвидации Конной армии на Южном фронте, так как достижение превосходства и свободы действия на этом фронте было по мнению верховного главнокомандующего главным и необходимым условием дальнейшего наступательного перелома на Северном фронте [1].

---

[1] Все эти соображения и план действий приписывает автор „верховному вождю (Пилсудскому) одному, в то время как по опубликованным документам известно, что они принадлежат польскому „главнокомандованию", в котором крупную роль играли французские советники. — *Ред.*

Бои на Немане и Шаре. После оставления I армией германских окопов новым рубежом, на котором Северный фронт должен был оказать сопротивление с целью выиграть время, была линия Немана и Шары, которая являлась самой сильной естественной преградой во всем северо-восточном районе Республики и кроме того позволяла значительно сократить фронт, что автоматически влекло за собой уплотнение войск и давало этим возможность перегруппировать их и вывести хотя бы небольшие резервы.

Все же и на этот раз надежды, возложенные на сопротивляемость отступающих частей и на их маневренные способности, не оправдались.

Насколько силы нашего Южного фронта, по мере того как он отходил с первых чисел июня, росли и их дух укреплялся, настолько отступление действовало на Северный фронт отрицательным образом. Разложение и упадочные настроения овладевали не только войсками, но проникали в штабы и охватывали высший командный состав. Начальники и солдаты падали духом, и все доходили до полного отчаяния [1]. Линия Немана и Шары не позволяла выиграть даже те несколько дней, которые дали германские окопы.

Оставив их, I армия 15 июля достигла района севернее и восточнее Лиды, развернувшись большим полукругом. В это самое время IV армия находилась еще гораздо восточнее и достигала только линии германских окопов. Что же касается Полесской группы, которая примыкала к IV армии с юга, она находилась еще более позади, на р. Случь. Чтобы облегчить положение I армии, которую неприятель больше всего теснил, и замедлить ее отступление, верховное командование захотело воспользоваться гораздо более благоприятным положением IV армии и приказало ей выполнить частью своих сил местное контрнаступление к северу, в направлении на Лиду, но эта операция не смогла быть выполнена. 19 июля все войска фронта находились в полном

[1] 1 июля Пилсудский вызвал в Варшаву Шептыцкого, так как вследствие повторяющихся у него сердечных припадков он решил назначить его своим заместителем. Шептыцкий оценивал обстановку на фронте крайне пессимистически и между прочим считал, что было бы наиболее правильным его армии как наилучшие в моральном отношении (?!), отвести в глубь страны, где они могли бы пригодиться для подавления внутренних волнений (!). 16 июля Шептыцкий заболел дизентерией; 31 июля его сменил ген. Ю. Галлер (ср. S. Szeptycki: „Front litewsko-bialoruski", стр. 111). В течение почти всего июля Пилсудский проявлял растерянность, и только 25 июля, в день приезда Вейгана, он отправился на фронт (Южный). — *Ред.*

отступлении к Неману и Шаре в то время, как тылы Полесской группы оставляли р. Лань.

В этот же день, 19-го, советские войска одержали большой успех, который нарушил все расчеты польского командования, основанные на приостановлении отхода I армии на Немане. Корпус советской конницы, продолжая обходить левое польское крыло, внезапно овладел Гродно, который оборонялся слабым гарнизоном до прибытия 1 бригады 9-й пехотной дивизии, направленной с Полесья к этому городу. Чтобы вернуть этот пункт, столь важный для обороны Немана, и сдержать продвижение советской конницы к западу, командующий фронтом организовал сразу же контрнаступление. В ночь с 19-го на 20-е бригада 9-й пехотной дивизии, только-что прибывшая, атаковала Гродно с запада, в то время как группа ген. Желиговского, которая оставила район Лиды, двинулась на Гродно с востока. Наступление с запада выполнило свою задачу в том смысле, что заставило советскую конницу, уже продвигавшуюся к западу, отойти на Гродно. Зато группе ген. Желиговского, которую атаковала с фланга на севере пехота 4-й советской армии, наступавшая на Гродно, пришлось отказаться от продолжения своего наступления на крепость и перейти южнее на западный берег Немана.

21 июля I армия находилась полностью на Немане, IV армия—на Шаре, в то время как Полесская группа занимала Огинский канал, Ясельду, а также Пинск. Однако в этот же день неприятель перешел Шару и занял Слоним. Фронт IV армии был прорван, и часть войск отошла на Зельву, другая часть — на Картусскую Березу.

Развивая успех, советская армия произвела концентрическую атаку с севера и востока на Волковыск, который 24 июля перешел в ее руки. Поражение, понесенное на фронте IV армии, сломило сопротивление I армии на Немане. 23 июля советская пехота форсировала Неман на участке между Свислочью и железной дорогой Мосты-Волковыск, а корпус советской конницы перешел Неман к северу от Гродно, еще раз выходя на фланг I армии. Ведя все время местные бои, обе армии продолжали свое отступление к западу.

Отход на линию Нарева и Буга. Приказ верховного главнокомандующего во что бы то ни стало удержать Граево, Нарев, Брест не был выполнен. Под беспрерывным давлением неприятеля утомленные продолжительным отступлением и сильно павшие духом войска потеряли всякую

способность сопротивления. 27 июля неприятель овладел Осовцом, занятым в то время отрядом добровольцев, захватил 28-го на участке I армии Белосток и Гайновку и 29-го — Бельск и Черемху.

Неприятель приближался к центру страны и угрожал ее сердцу. I армия отошла на Нарев и Нурец, IV армия дошла до Буга к северу от Бреста; Полесская группа заняла Брестский тет-дэ-пон.

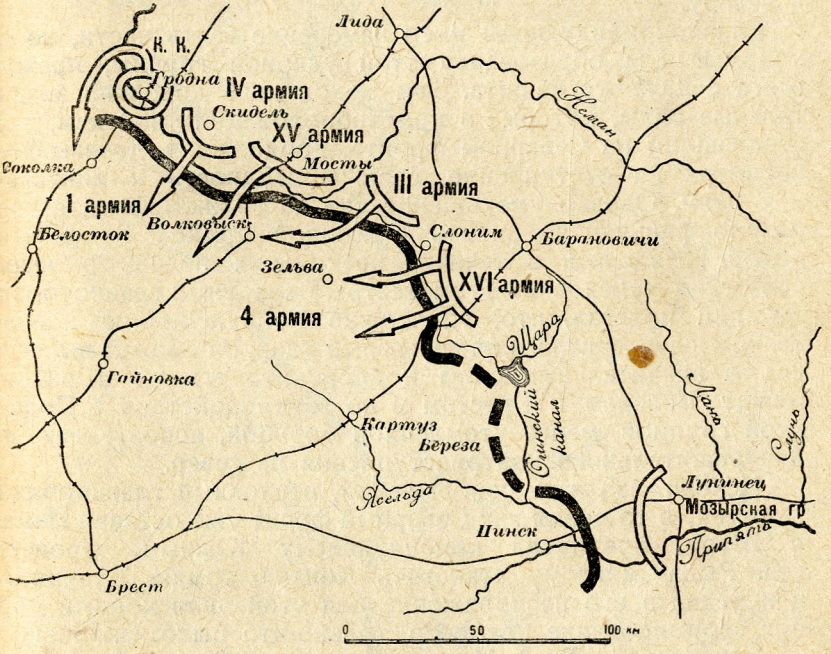

Схема 22. На Немане и Шаре (1920 г.).

3. Действия на Буге.

Решение перейти в контрнаступление с линии Буга. Буг и Нарев составляли последнюю значительную естественную преграду, которую можно было противопоставить победному продвижению советской армии к западу. Верховный главнокомандующий решил поставить на этой линии предел продолжительному отступлению польских армий и использовать ее как исходную для решительного контрнаступления, которое вырвало бы инициативу операций у противника, взявшего ее так давно. Отступающие I и IV ар-

мии должны были на этой линии получить резервы и подкрепления, впрочем слабые, направленные изнутри страны. После перегруппировок: первой в районе Осовец — Белосток, второй — севернее от Бреста, эти армии должны были окончательно остановить продвижение советской армии. Сравнительно сильная Полесская группа должна была удерживать Брест и его окрестности и таким образом прикрыть сосредоточение сил, которое должно было происходить в районе Бреста, имея в виду решающее контрнаступление к северу.

Главнокомандующий имел намерение взять части, необходимые для образования этой ударной группы, прежде всего с Южного фронта. Там находились довольно значительные силы, которые в противоположность войскам, действовавшим на Северном фронте, продолжали доказывать, несмотря на отступление, свою пригодность к маневрам и к боям. Однако уменьшение сил на Южном фронте требовало раньше покончить с Конной армией Буденного, которая являлась в течение нескольких недель рычагом советских успехов на этом театре. Верховный главнокомандующий полагал, что, уничтожив Конную армию или во всяком случае нанеся ей серьезный удар, он сможет вывести с юга значительные силы и сосредоточить их в районе между Ковелем и Брестом и во взаимодействии с Полесской группой, менее утомленной борьбой, использовать их для решительного контрнаступления на север.

Исходя из этих соображений, верховный главнокомандующий, в то время как Северный фронт уже оставил Неман и Шару, предписал командующему Южным фронтом ген. Рыдз-Смиглому атаковать Конную армию Буденного и передал в его распоряжение для этой цели конный корпус, формирование которого только-что было закончено [1].

Сражение у Брод. Мы оставили наш Южный фронт в то время, когда после занятия в начале июля района Ровно Конной армией Буденного этот фронт начал свое отступление на Стырь и Збруч. Буденный, разобщив VI и II армии, продвинулся дальше к западу и направился на Львов, стараясь во что бы то ни стало помешать внутрееним крыльям этих двух двух армий сомкнуться. В то время как главнокомандующий отдал свой приказ. Буденный находился в районе Берестечко — Броды, двигаясь на Броды — Красне

[1] Корпус формировался в районе Люблина под командованием ген. Савицкого, который не оправдал возложенных на него надежд. — *Ред.*

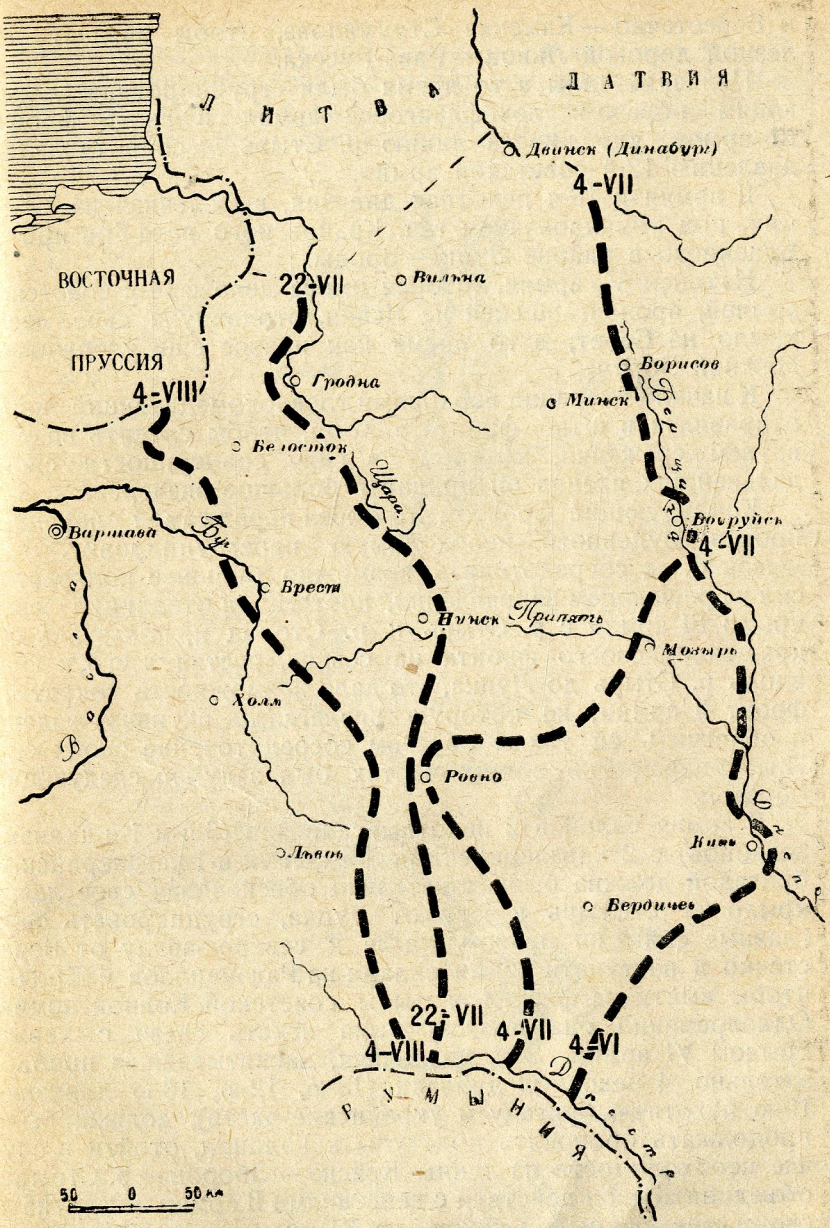

Схема 23. Отступление с 4 июля по 4 августа 1920 г.

и Берестечно — Каменка-Струмилова, чтобы овладеть железной дорогой Львов — Рава-Русска.

Польские силы в то время были сгруппированы следующим образом: левофланговая армия Южного фронта, III армия, удерживала линию р. Стырь и сопротивлялась давлению 12-й советской армии.

II армия и 18-я пехотная дивизия, выделенная из VI армии, под командованием ген. Крайовского вела бои против Буденного в районе Луцк — Броды.

Наконец VI армия, которая имела дело с 14-й советской армией, продвигавшейся на Львов, отодвинула свое левое крыло на Серет, в то время как правое еще удерживало Нижний Збруч.

К началу операции верховный главнокомандующий лично отправился в штаб фронта в Холм, чтобы следить за развитием сражения, которому в силу совокупности своих дальнейших планов он придавал большое значение.

Командующий фронтом произвел перед самой операцией против Буденного необходимую перегруппировку. Его мысль была сосредоточить возможно большее количество сил на решающем направлении, поэтому он отодвинул левое крыло III армии с р. Стырь к р. Стоход и, пользуясь сокращением своего фронта на севере, растянул его к югу, вдоль р. Стырь до Луцка, что дало возможность сократить фронт II армии, на которую возлагалась активная задача, и облегчить ей таким образом сосредоточение своих сил. План операций в общих чертах был задуман следующим образом:

II армия силой в 2 пехотные дивизии (6-я и 1-я дивизии легионов) с 2 кавалерийскими дивизиями и 1 кавалерийской бригадой должна была, тщательно обеспечивая свое левое крыло на р. Стырь к югу от Луцка, сгруппировать свои главные силы на правом крыле к северо-западу от Берестечко и наступать этими силами на Радзивиллов и Броды, чтобы выйти на фланги и тылы советской Конной армии. Одновременно она должна была искать связи с левым крылом VI армии. Эта последняя, насчитывавшая приблизительно 4 пехотных дивизии (18-ю, 12-ю, 13-ю дивизию, 10-ю пехотную бригаду и украинские части), должна была продолжать оборонять подступы к Галиции, отойти в случае необходимости на линию Красне — Зборов — р. Стрыпа, объединить свои действия с действиями II армии и наступать своим левым крылом также на Броды с задачей вернуть линию р. Збруч.

III армия, оставленная на Стоходе и отчасти на р. Стырь, в составе приблизительно 3 пехотных дивизий (7-я, 3-я, 2 резервных полка, 6-я украинская дивизия и отряд Балаховича) должна была сдерживать нажим 12-й советской

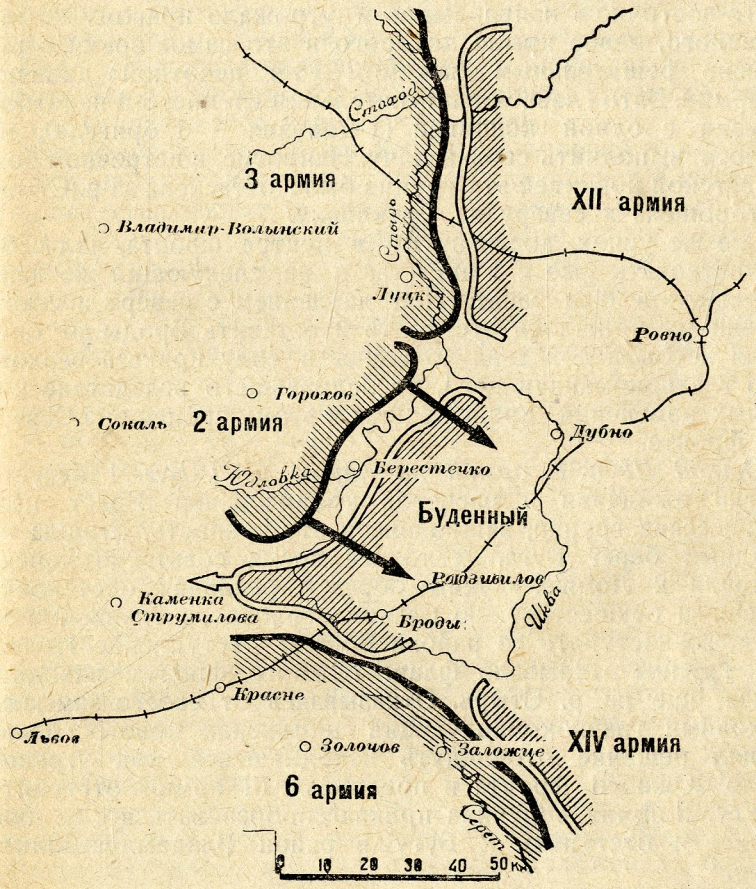

Схема 24. Сражение у Брод с Конной армией Буденного 1920 г.

армии, обеспечивая таким образом с одной стороны наступательную операцию II армии, с другой стороны — южное крыло Северного фронта, а также район Ковель — Владимир-Волынский, где должно было быть произведено сосре-

доточение к северу после окончания операции против Буденного.

Наступление II армии было начато 19 июля. В течение 2 первых дней боя левое крыло этой армии (1-я дивизия легионов) сделало значительные успехи, перешло Стырь в юго-восточном направлении и угрожало правому крылу Буденного, левое крыло которого в это самое время было сковано решительным нажимом 18-й пехотной дивизии VI армии. Зато главной наступательной группе, 6-й пехотной дивизии с одной конницей (1 дивизия и 1 бригада), не удалось выполнить свою задачу. Напротив, в встречном бою с советской конницей эта группа была оттеснена за р. Стырь и отброшена к северу на Судиловку.

Все же успех, достигнутый в центре фронта, дал себя почувствовать уже с 1 августа, и на следующий же день Радзивиллов был занят. Под давлением с севера и с юга Буденному пришлось отступить и оставить Броды но операция не была доведена до конца в силу приказа верховного главнокомандующего, последовавшего вследствие коренных изменений, происшедших к этому времени на Северном фронте.

Отход III и II армий на линию реки Буг. 1 августа против ожидания и расчетов командования Брест пал, и Полесская группа, защищавшая эту крепость, отошла на западный берег Буга. В то же время советские войска подошли к Ломже. Таким образом реальная обстановка помешала осуществлению планов верховного главнокомандующего наступать из района Бреста. Отступление Полесской группы открывало фланг Южного фронта, находившийся еще на р. Стырь. Отказываясь от своего замысла, верховный главнокомандующий в поисках нового плана принял решение отодвинуть находившееся под угрозой крыло Южного фронта и предписал III армии отступить к Бугу. II армия получила приказ сообразоваться с ее движением и отступить к Бугу в район Владимира-Волынского.

Хотя операция у Броды не принесла окончательного решения, ее результаты не были лишены важных последствий. Конная армия была остановлена в своем порыве и отошла к востоку, прекращая временно свой нажим на Львовском направлении. Тактическая связь между II и VI армиями, прерванная в течение некоторого времени, была восстановлена, и 18-я пехотная дивизия, освобожденная от тяжелых боев, смогла после временного занятия Брод

5 августа быть выведена с Южного фронта[1] и переброшена на север.

Оборона на Буге. Несмотря на то, что под давлением действительной обстановки, похожей на калейдоскоп, о котором говорил верховный главнокомандующий, проект наступления с Буга был отвергнут и что замышлялся новый план сражения на Висле и Вепше, оборонительное сражение на Буге продолжалось еще несколько дней, так как необходимо было выиграть время, как условие успешного перехода в намечавшееся новое наступление.

Это время должно было быть использовано, чтобы привести в порядок некоторое количество частей Северного фронта, выведенных в резерв, пополнить действующие части, подготовить боеспособные новые части, вывести некоторое количество войск с Южного фронта и наконец усилить линию Вислы и Варшавский тэт-де-пон. На этот раз эти условия были выполнены. Сопротивление, оказанное войсками на Буге и на севере, позволило выиграть целую неделю в пользу нового замысла и в первый раз выполнить отступательный маневр, основу этого замысла.

В ночь с 1 на 2 августа, как было сказано, советские войска заняли Брест; одновременно они перешли Буг к северу от города на фронте IV армии и направили свое главное усилие на Бялу. Части IV армии, оттесненные от Буга, выполнили одновременно с частью Полесской группы контрнаступление, увенчавшееся успехом. В результате ожесточенных боев советские войска были оттеснены, и линия Буга была удержана на участке между Брестом и Сарнаки. Бои в районе Дрогичина имели менее благоприятный исход; советские силы оттеснили левое крыло IV армии и правое крыло I армии и двинулись на Соколов. Здесь также, хотя не удалось вернуть линию Буга, удалось ограничить успехи неприятеля. Севернее I армия удержалась на Буге, от притока Нурца до Малкина, и дала ожесточенный бой, чтобы овладеть Островом. Левое крыло фронта очутилось в самом тяжелом положении, так как 4-я советская армия с конным корпусом продолжала свое хорошо известное обходное движение. В это время ни I армия, ни свежие части, присланные, чтобы удлинить ее крыло, ни части, составлявшие группу ген. Роя, не были

---

[1] 18-я дивизия была переброшена сначала на станцию Тлущ, северо-восточнее Варшавы, а затем на р. Вкра, северо-западнее Модлина, причем сыграла важную роль в сражении на р. Вкра 10 дней спустя. — *Ред.*

в состоянии оказать достаточное сопротивление. 3 августа пала Ломжа. 4-го неприятель показался перед Остроленкой, почти полностью окружил войска ген. Роя, защищавшие город, и готовился бросить свою конницу к западу, в направлении на Прасныш.

Независимо от выигрыша времени, достигнутого операцией на Буге [1], это сражение дало полякам некоторые преимущества морального порядка. Перед лицом смертельной опасности, угрожавшей сердцу родины [2], в рядах солдат наступил психический перелом, их сила сопротивления росла изо дня в день, и моральная депрессия, которая так тяжело отзывалась на событиях последних недель, мало-по-малу исчезла как в серой массе войск, так и в главных квартирах и штабах. В этих условиях главнокомандующий принял решение в ночь с 5 на 6 августа преднамеренно очистить линию Буга и перегруппировать весь фронт для решительного сражения.

Глава XIII.

Варшавское сражение.

Внутреннее положение. Совет государственной обороны. Неудачи на Южном фронте, начавшиеся в июне, совпали с тяжелым внутренним кризисом в Польше и с кризисом в области международных отношений [3].

Выше уже говорилось об упадке духа, овладевшем массами населения и руководящими государственными органами под влиянием длительных неудач на фронте. Уже говорилось об этом внутреннем фронте, который, по словам маршала Пилсудского, по своему значению всегда являлся в каждой войне предвестником поражений и самым могучим фактором проигрыша не только сражений, но и войн. В течение почти всего 1919 г. и половины 1920 г. военные

---

[1] Временный успех поляков на Буге был несомненно фактором положительным для боеспособности армии. Однако „перелом" наступил тогда, когда с приездом Вейгана, с созданием нового правительства, с участием социал-фашистов и с образованием добровольческих формирований начала усиливаться шовинистическая агитация и подниматься волна шовинизма. — *Ред.*

[2] См. примечание на стр. 57. — *Ред.*

[3] См. предисловие. — *Ред.*

события развертывались вдали от центра страны и почти не отозвались на ней. Поэтому резкое изменение, происшедшее в операциях, до тех пор успешных, и приближение красной волны к жизненным центрам государства нашли массу общественности, морально не подготовленной, чтобы выдержать жесткие испытания судьбы; она проявила недостаток выдержки, спокойствия и душевного равновесия. К отступающим войскам изнутри страны доходили не слова ободрения, но отклики, которые ослабляли их уже пошатнувшуюся силу сопротивления [1]. Еще более, нашлись лица и целые группы, которые в то время, когда взаимное доверие между солдатом и начальником составляло половину победы, не поколебались создать своим начальникам тяжелые препятствия и подрывать их авторитет [2].

Первым мероприятием, чтобы улучшить эти отношения и укрепить силу противодействия страны, было создание 3 июля совета государственной обороны. Это был верховный орган, имевший власть издавать распоряжения по всем вопросам войны и мира, орган, образованный тремя конституционными факторами Польши этой эпохи—сеймом, главой государства и верховным главнокомандующим, а также правительством, т. е. различными министерствами, органами технических исполнений.

„Решение в делах, касающихся существования и жизни наций, должно приниматься так же быстро и молниеносно, как и решение тех, кто несет смерть, решение защитников страны". Именно этим требованиям должен был удовлетворить совет государственной обороны.

Подготовка резервов. Призыв совета государственной обороны совпал с созданием добровольческой армии; этот призыв, обращенный к населению, принес плоды. Начался приток многочисленных добровольцев из всех слоев общества; они давали не только элемент численной силы, но главным образом элемент моральной силы и идеалистическое чувство обязанности защитить находящуюся под угрозой независимость государства и свободное существование нации, только что освободившейся от долгого рабства. Общая численность добровольцев достигла приблизительно 80 000 чел.; они должны были прежде всего усилить уже

---

[1] Автор имеет в виду очевидно более или менее смелые попытки солдат выразить недовольство войной. — *Ред.*

[2] Вопрос о разложении польской армии в июле и августе 1920 г. мало еще освещен в литературе.

существующие части. Вначале имелось предположение создать добровольческую армию в виде самостоятельной оперативной единицы. Верховный главнокомандующий воспротивился этому, видя в этой идее большие тактические неудобства[1], и просто предписал как основу организации сформирование батальонов. Он разрешил создание только одного крупного соединения — „добровольческой дивизии", которая впоследствии существовала в этом виде до конца войны. Сверх того в Львове был сформирован особый добровольческий отряд, состоявший из трех родов войск; было также сформировано некоторое количество отдельных добровольческих кавалерийских полков. Женщины откликнулись на призыв, причем был сформирован женский легион, который был использован для этапной службы и вспомогательных служб.

Сверх этих добровольческих формирований в июле было сделано большое усилие, чтобы создать корпус или оперативную группу кавалерии, которая была брошена, как известно, против Буденного. С этих пор мы будем иметь кроме нескольких самостоятельных бригад 2 кавалерийские дивизии. В это время прибыли из Сибири спасшиеся от крушения обломки 5-й Сибирской дивизии; они под названием „Сибирской бригады", переформированной позднее в дивизию, были немедленно брошены в бой[2].

В течение июля был произведен общий призыв классов от 1890 г. до 1894 г.; в августе были призваны более молодые классы. Общее количество войск, несмотря на перенесенные тяжелые потери, превосходило во время критических августовских дней 900 000 чел. и позднее, ко времени перемирия, превзошло миллион.

Общеполитическое положение. Конференция в Спа. Попытки заключить перемирие. Помощь союзников. Военные неудачи оказали отрицательное влияние на положение Польши в области международных отношений. Это влияние проявилось особенно тяжело в обязательствах, взятых на себя Польшей по отношению к верховному совету Антанты 10 июля в Спа[3].

---

[1] Скорее политические неудобства, так как формированием добровольческой армии был занят ген. Ю. Галлер, тот самый, дивизии которого он расформировывал в 1919 г. (см. предисловие). — *Ред.*

[2] На р. Вкра. Сибирская дивизия была сформирована на востоке польскими контрреволюционными офицерами в 1918 г. на территории, занятой Колчаком. — *Ред.*

[3] Бельгийский курорт, где происходила конференция Антанты по ряду международных вопросов, в том числе по вопросу о положении Польши.

В силу этих обязательств Польша соглашалась подписать перемирие с своим восточным соседом на следующей основе: польские войска отойдут на линию, указанную в резолюции от 2 декабря 1919 г. как восточная временная граница Польши, т. е. в общем на линию Буга, и возвратят Вильну литовцам; на юге, на Волыни и в Восточной Галиции, они останутся на линии, занятой ко времени приостановления военных действий. Окончательное заключение мира между Польшей и Советской Россией произойдет на конференции, созванной под покровительством Антанты. Кроме того Польша обязывалась принять решение верховного совета в вопросе о литовской границе, о будущем устройстве Восточной Галиции, Цешинской Силезии и в вопросе об урегулировании отношений Польши и Данцига.

Вышеуказанные условия были ценой, за которую Антанта принимала на себя посредничество перед советским правительством. В случае отказа этого правительства в подписании перемирия они должны были „оказать Польше помощь в самом широком масштабе, главным образом в военном материале, насколько это им позволит их собственное истощение и тяжелые обязательства, принятые в других местах“ [1].

Советское правительство заставило ждать своего ответа на английскую ноту целую неделю и в конце-концов отвергло посредничество, предложенное Англией; зато оно заявило себя готовым к непосредственному соглашению с Польшей. Предварительные переговоры о перемирии, начатые 22 июля, продолжались до 30-го; в этот день польская делегация, снабженная всеми полномочиями для заключения перемирия [2], перешла боевую линию. Все же перемирие не было заключено. Советское правительство, несмотря на угрозы Антанты, решилось продолжать борьбу

[1] Эта неизвестно откуда взятая автором цитата означает очевидно официальную мотивировку решений конференции в Спа, сообщенную Польше, чтобы обосновать невозможность послать ей на помощь войска. Помощь союзников, как известно, выражалась в посылке Францией военного материала через Данциг, а также в посылке французской и английской военных миссий. Французская миссия во главе с ген. Вейганом оказала Польше значительную помощь своими техническими и оперативными советами, а также политико-моральной поддержкой. Значение помощи, оказанной Польше Францией в это время, почти не выявлено автором (см. предисловие. — *Ред.*).

[2] Это неверно. Делегация не имела полномочий от своего правительства. Белополяки делали все, чтобы создать видимость желания вести переговоры, в то время как уже был решен вопрос о наступлении во что бы то ни стало. — *Ред.*

до конца против Польши и под всякими предлогами затягивало переговоры. Когда польская делегация, которой на этот раз было поручено вести переговоры о мире, снова перешла фронт 14 августа, в этот день завязывалась борьба за столицу государства.

Таким образом создалось положение, которое должно было обеспечить Польше помощь Антанты.

Эта помощь проявилась прежде всего в прибытии в Варшаву в последних числах июля как представителя Антанты ген. Вейгана, бывшего начальника штаба маршала Фоша, который по предложению польского правительства принял на себя обязанности советника при польском генеральном штабе. Одновременно в Польшу прибыла особая англо-французская миссия, чтобы на месте разрешать задачи оказания помощи Польше. Эта помощь должна была заключаться в поставке военного материала. Однако последняя наткнулась на неожиданные препятствия со стороны ближайших соседей Польши. 25 июля правительство Германской республики, ссылаясь на свой нейтралитет, издало постановление, запрещающее выгрузку и перевозку всякого рода военного материала, направляемого Польше и России. Это мероприятие было направлено прежде всего очевидно против Польши и помощи, обещанной ей Антантой. Транспорты, направленные через Чехо-Словакию, были задержаны в пути железнодорожниками, поддавшимися советской пропаганде, и чехо-словацкое правительство реагировало с недостаточной энергией, но в Данциге дело приняло особо острый оборот. Рабочие порта, отчасти под влиянием советской пропаганды, отчасти во имя германских притязаний на возвращение Данцигского коридора, отказались выгрузить боевые припасы, предназначавшиеся для Польши, и английские солдаты, находившиеся в Данциге, должны были сами приступить к этой операции [1].

План действий главнокомандующего. Дав очерк обстановки, в которой завязывалось решающее польско-советское сражение, перейдем к изучению плана и развитию операций.

---

[1] По словам переводчика этой книги на французский язык 10-й батальон пеших егерей французской армии (занимавший в это время Данциг) выполнил эту задачу, что весьма вероятно, так как по другим данным (ген. Сикорского, в его статье о Фоше—журнал „Przeglad wpótczesny", май 1929 г.) Фош дал указания не считаться с противодействием Германии, т. е. фактически нарушить нейтралитет Германии в интересах Антанты. Все это показывает, что сочувствие международного рабочего класса было на стороне советских республик. За границей Польша пользовалась поддержкой лишь империалистской буржуазии. — *Ред.*

Верховный главнокомандующий, оставив свой проект наступления с Буга, так как обстановка не позволяла сосредоточить там во-время силы, необходимые, чтобы победить, возвратился из Холма в Варшаву и предпринял выработку нового замысла. В ночь с 5-го на 6-е он принял решение, навсегда памятное, осуществление которого в ближайшие же дни должно было дать Польше большую победу, самую большую из всех значившихся до тех пор в истории Польши [1].

Руководящая идея была следующая:

выполнить согласованное отступление на р. Вислу и р. Вепш;

перегруппировать совокупность всех сил, находящихся на обоих фронтах — Северном и Южном — так, чтобы сосредоточить на Вепше сильную наступательную группу;

решительно атаковать этими силами фланг и тылы армии Тухачевского, связанные фронтальными боями на Висле в то время, как польский Южный фронт, более продвинутый к востоку, будет обеспечивать правый фланг этого наступления и сделает усилие, чтобы удержать линию Буга к югу от Бреста, но не отдавая Львова.

Это являлось замыслом большого масштаба. Теперь, на бумаге, он кажется вполне логичным и естественным, но в условиях того времени он включал в себе элементы большого риска. Его выполнение сталкивалось с таким количеством затруднений, на вид не преодолимых, что его зарождение и выполнение могли быть делом только великого вождя [2].

Первое условие, необходимое для успеха предпринятой операции, было удачное выполнение подготовительного маневра — отступления. До сих пор отступление от Днепра, Березины и Двины до Буга являлось отступлением вынужденным, выполненным под давлением неприятеля, почти всегда в тесном соприкосновении с ним, и следовательно отступлением с разложившимися войсками, что превратило его в полный отчаяния откат, все более и более усиливав-

---

[1] Зарождение плана варшавского сражения крайне примитивно изложено автором. На самом деле развитие этого плана происходило более длительное время, и не один Пилсудский участвовал в его составлении и даже в решении существенных его моментов. Что касается „победы", то она пришла не такая, какой ее хотели иметь интервенты и польский империализм, добиваясь свержения пролетарской диктатуры. — *Ред.*

[2] В этой фразе сказывается некритическое преклонение автора перед фашистским диктатором Польши. — *Ред.*

шийся. Теперь же отступление должно было производиться по нашей собственной инициативе, и обстановка, создаваемая на новом рубеже, должна была не зависеть от воли противника, но быть хорошо продуманной группировкой как исходной основой предпринимаемых наступательных операций. И как раз в этом заключалась первая трудность. Естественные линии отступления польских армий, противостоящих армиям Тухачевского, вели прямо к Висле в район Модлина, Варшавы и к северу от Демблина (Ивангорода) в то время, как по плану главнокомандующего требовалось, чтобы значительная часть сил произвела свое отступление эксцентрически и сделала поворот значительно более к югу с отходом за Вепш. Такой маневр всегда бывает затруднительным, но при существующих обстоятельствах затруднение было тем более велико, что маневр этот должен был быть выполнен войсками, которые были утомлены продолжительной борьбой и маневренная способность которых пошатнулась в течение длительного отступления.

Вторым трудным вопросом являлось распределение сил. Мы должны были быть наиболее сильными на участке главного удара, чтобы обеспечить себе наибольшую вероятность успеха и возможность навязать нашу волю противнику, нарушить его планы и помешать ему выдержать или во-время защититься от удара, который собирались ему нанести. Поэтому было естественно, что большая часть отступавших сил отошла в район, где верховный главнокомандующий хотел создать свою маневренную массу, предназначавшуюся для наступательной операции. Зато второстепенная задача — приостановить противника на обладающей природными оборонительными свойствами линии Вислы и у Варшавского тэт-де-пона, укрепленного временно, должна была поглотить незначительную часть сил[1]. Здесь все же необходимо было принять во внимание моральный фактор, а именно необходимость обеспечить достаточную оборону столицы. Приходилось задумываться над тем, не вызовет ли уменьшение сил, прикрывавших этот участок фронта, ослабление моральной устойчивости и потерю доверия к оборонительным возможностям столицы. Вследствие этого силы, необходимые для наступления,

[1] В своем труде „1920 год" Пилсудский настаивает вопреки Вейгану, на тезисе, что слишком много дивизий было сосредоточено для „пассивной" задачи на Северном фронте. При этом он „забывает", что именно на этом фронте происходили самые напряженные бои. — *Ред.*

должны были быть пополнены силами, взятыми из другого источника, которым мог являться только Южный фронт.

Ослабление Южного фронта в пользу маневра на Вепше влекло за собой новое затруднение и порождало серьезный риск. Самый грозный противник на этом фронте—Конная армия Буденного—был правда сильно поколеблен неблагоприятным для него оборотом сражения у Брод; но все же он еще был способен предпринять новое продвижение, особенно в то время, когда находившиеся перед ним силы терпели значительное ослабление. Кроме того советские армии Юго-западного фронта уже приблизились к армиям Тухачевского и были способны тесно сотрудничать с ними так же, как и угрожать флангам и тылам предусмотренного польского маневра. Кроме того следовало принять во внимание важный политический фактор—необходимость сохранить Львов, столицу Восточной Галиции. Самый факт вывода из боя с Южного фронта частей и переброски их во-время в район сосредоточения вызывали затруднения, которыми нельзя было пренебречь.

В конце концов верховный главнокомандующий принял решение оставить на участке обороны Вислы и на севере всю I армию и специальные группировки, уже действовавшие на ее левом крыле, с частью IV армии, отвести к югу часть IV армии и Полесской группы, а именно: 14-ю, 16-ю и 21-ю пехотные дивизии. Что же касается Южного фронта, он решил взять оттуда в пользу наступательной группы 2 пехотные дивизии, 1-ю и 3-ю дивизии легионов, ослабляя таким образом Южный фронт на 3 пехотных дивизии, так как 18-я пехотная дивизия уже была отправлена после сражения у Брод в Варшавский район. Верховному главнокомандующему пришлось считаться с фактом, что Южный фронт вероятно не будет в состоянии приостановить дальнейший нажим неприятеля и что на VI армию падет задача прикрывать Львов отступательным маневром. В случае, если Буденный бросится на север, на тылы нашего наступательного маневра, силы конницы, сгруппированные к югу, вместе с одной пехотной дивизией должны были его преследовать и во что бы то ни стало приостановить его движение.

Приказ главнокомандующего от 6 августа. Окончательное решение верховного главнокомандующего нашло свое оформление в памятном приказе от 6 августа. Основные пункты этого приказа предусматривали следующее: главная оборонительная линия, избранная верховным командова-

нием,—линия рек Ожиц—Нарев с Пултусским тэт-де-поном—Варшавский тэт-де-пон—Демблинский тэт-де-пон—р. Вепш—р. Серет или Стрыпа. Эта линия позволяла расположить наши войска уступами, чтобы атаковать фланг и коммуникации неприятельских группировок, находившихся в движении. Руководящая идея верховного главнокомандующего на ближайшие дни следующая:

на юге задержать неприятеля, прикрывая Львов и нефтяной бассейн;

на севере воспротивиться обходу вдоль германской границы и ослабить порыв неприятеля, нанося ему кровавые потери при его наступлении на Варшавский тэт-де-пон;

в центре наступательная задача — быстро сосредоточить на Нижнем Вепше маневренную армию, атаковать с фланга и с тыла неприятеля, наступавшего на Варшаву и разбить его;

группа Верхнего Вепша вначале собирается, чтобы прикрыть сосредоточение маневренной армии с востока и с юго-востока, а затем присоединяется к маневру, направленному на северо-восток, в котором примут участие и войска северного участка.

Приказ разделял затем фронт на участки и уточнял задачу каждого из них.

Северный участок должен был составлять Северный фронт под командованием ген. Галлера. Он подразделялся на три подучастка:

От германской границы до Пултуска включительно—подучасток V армии под командованием ген. Сикорского; задача—удерживать переправы на Нареве и Ожице и решительно действовать против правого крыла противника.

От Сероцка включительно до Карчева включительно вдоль укрепленной линии Варшавского тэт-де-пона — подучасток I армии под командованием ген. Лятиника; задача—дать отпор наступлению на Варшаву и нанести неприятелю возможно больше потерь с целью ослабить его силу сопротивления.

От Гура-Кальвария включительно до Демблина исключительно—подучасток II армии под командованием ген. Рашевского; задача—наблюдать и удерживать линию Вислы.

Следующий участок должен был составлять Центральный фронт под командованием ген. Рыдз-Смиглого; он составлял наступательную группу, которая, пользуясь истощением противника, в результате атак у Варшавского тэт-де-пона, и своим фланговым расположением по отношению

к главным силам противника, должна была решительным наступлением нанести поражение главным советским силам. Центральный фронт был подразделен на два подучастка. От Демблина включительно до Коцка включительно—подучасток IV армии под командованием ген. Скерского. Эта армия составляла главную наступательную группу; после своего сосредоточения в районе Демблин — Лысобыки — Коцк, эшелонировав резервы в глубину, она должна была наступать в общем направлении на Ново-Минск. От Коцка исключительно до Брод включительно—подучасток III армии под командованием ген. Зелинского; задача—на первом этапе прикрывать сосредоточение IV армии и связывать неприятельскую Конную армию, затем, когда IV армия начнет свое наступление, начать наступление пехотой уступами в направлении на Луков, обеспечивая себя с востока конницей.

Последним участком являлся Южный фронт. Он состоял из VI армии и из украинской армии под командованием ген. Ивашкевича; задача—прикрывать Восточную Галицию.

Приказ заканчивался предписаниями о выполнении отступательного маневра, который должен был начаться в ночь с 7 на 8 августа. Маневр должен был производиться таким образом, чтобы левое крыло армии и группа ген. Роя, действовавшая на крайнем севере, сдержали напор неприятеля в направлении Малкин—Варшава и помешали ему оттеснить войска, прикрывавшие Варшаву на оборонительных позициях тэт-де-пона до 12 августа, т. е. до окончания работ по укреплению этих позиций.

I армия, отойдя на тэт-де-пон у Варшавы, должна была отражать все атаки противника до момента, когда сосредоточение IV армии на Вепше закончится, т. е. до 16 августа. Левое крыло III армии должно было отходить в тесной связи с Полесской группой, которая отходила за Вепшем.

Намерения и план действий советского командования. Какова была обстановка с советской стороны и каковы были намерения советского командования в то время, когда польский верховный главнокомандующий перегруппировывал свои силы для наступательного удара, который должен был перевернуть карту судьбы и превратить положение, кажущееся безнадежным, в блестящую победу.

Под впечатлением постоянных успехов своих армий советское правительство стремилось к полному поражению

польской армии и к полному уничтожению буржуазно-помещичьей Польши. Оно проявляло настойчивость в своих планах, несмотря на вмешательство Антанты в середине июля, которое было им отвергнуто. Общее политическое положение Советской России в связи с этим осложнилось, так как ее отказ вызывал угрозу вступления в число ее противников Румынии и возможно — Финляндии и Латвии. Пренебрегая этой угрозой, советское правительство очевидно было убеждено, что советские армии дойдут до Вислы и нанесут окончательное поражение польским армиям прежде, чем новый противник успеет принять участие в войне. Поэтому советские армии, дойдя до Буга, не считаясь с теми 400—500 *км*, которые они только-что прошли и которые истощили их силы и дезорганизовали их тылы, так как их командование не заботилось предоставить им необходимый отдых, не были задержаны на Буге, а получили приказание продолжить свой путь и постараться как можно скорее уничтожить противника. Впрочем противник рассматривался как совершенно разбитый и не могущий оказать серьезного сопротивления.

Все же возможность вступления в войну Румынии не осталась без влияния на дальнейшее развитие операций против поляков. Это влияние дало себя почувствовать на взаимоотношениях между фронтами Западным и Юго-западным. Следуя первоначальному замыслу советского верховного командования, эти два фронта после исчезновения разделявшей их преграды в виде Полесья должны были тесно связаться, причем войска Юго-западного фронта должны были участвовать со своим северным соседом (Западным фронтом) в разгроме главных польских сил. Но в это время новый стратегический замысел натолкнул советское главное командование на мысль не отвлекать Юго-западный фронт на северное направление, чтобы не отдалить частей этого фронта от ненадежной Румынии, а наоборот попытаться разбить правое польское крыло и взять Львов, чтобы порвать этим всякую связь между Польшей и Румынией.

Эти стремления противоречили замыслу, принятому командующим Западным фронтом с целью одержать окончательную победу. Сопротивление, которое встретили его войска к северу от Буга в начале августа (на участке слияния Буга и Нарева), зародило в Тухачевском убеждение, что именно этот район должен явиться центром тяжести в будущей борьбе. Поэтому Тухачевский направил свои

главные силы в общем направлении к северу и к западу от Варшавы, причем правому крылу ставилось целью выйти

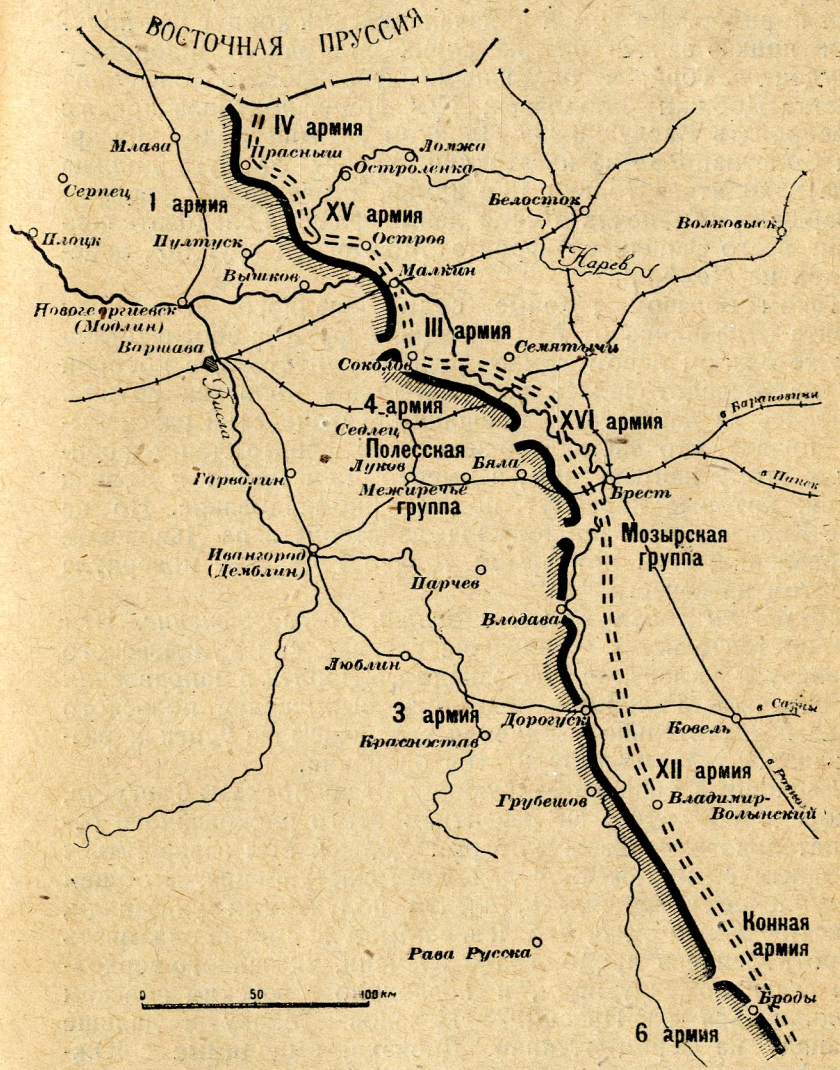

Схема 25. Положение сторон на Буге 7 августа 1920 г.

на Нижнюю Вислу с намерением перейти ее на участке Модлин—Влоцлавск, произвести обход польских сил и выйти

на их тылы. Он намеревался кроме того угрожать этим маневром снабжению польской армии извне, через Данцигский коридор. 4-я армия и кавалерийский корпус Гая получили приказ занять частью своих сил район Яблонова—Грауденц — Торн, а остальными форсировать Вислу на участке Добжин—Влоцлавек; 15-я армия получила приказ: форсировать Вислу между Плоцком и Вышегродом, 3-я армия была направлена на Модлин. К югу от Буга должна была находиться только 16-я армия, развернутая фронтом к Варшаве, обеспечивая свой левый фланг и следовательно фланг всего Западного фронта Мозырской группой, нацеленной на Демблин.

Таким образом главные силы Западного советского фронта отдалялись от Юго-западного фронта; впоследствии на уже слабом левом крыле создалась пустота, в которой как раз сосредоточилась наступательная польская группа. Опираясь на данные ему обещания, Тухачевский рассчитывал правда, что часть Юго-западного фронта станет фронтом к этому направлению, а именно 12-я армия и Конная армия, которые перейдут под его командование. Но на деле Конная армия продолжала действовать на Львовском направлении, а из 12-й армии только 1 дивизия повернула фронтом на север.

Отход на линию Вислы и Вепша. Сосредоточение. Эти два обстоятельства — движение главных сил Тухачевского к северу и уклонение Юго-западного фронта в направлении к Восточной Галиции — облегчили выполнение польского плана и значительно увеличили его шансы на успех и размах окончательных результатов операции.

Верховный главнокомандующий, отдав приказы 6 августа, лихорадочно следил за развитием этого рискованного отступательного маневра, который должен был завершиться исходным расположением для контрнаступления. В общем отступление совершилось, следуя полученным указаниям, за исключением того, что левое крыло не смогло оказывать сопротивление в продолжение времени, указанного верховным главнокомандующим, и позволило советским войскам продвинуться на Прасныш — Цеханов — Млаву и дальше к западу на Серпц — Липно. Дивизии, выводимые с Южного фронта и передаваемые маневренной группе, выполнили свою трудную задачу, наступая против советских войск, с которыми они находились в соприкосновении: 1-я дивизия легионов — в районе Горохова, 3-я дивизия легионов — у Грубешова. Приобретя маневренную свободу, они начали:

1-я — свою перевозку по железной дороге, 2-я — продвижение походным порядком к северу к р. Вепш.

12 августа, т. е. в тот же день, когда был отдан окончательный приказ о сражении, который кончался призывом к войскам и подтверждением, что „ногами и смелостью польского пехотинца это сражение должно быть выиграно", расположение и группировка частей на фронте представлялись следующим образом (см. схему 26 в конце книги): на крайнем левом крыле слабые отряды, состоявшие из резервных батальонов и из добровольцев, с 20-й пехотной дивизией, находившейся в стадии реорганизации (2-я Литовско-белорусская дивизия), прикрывали Вислу от Торна до Вышегрода. С советской стороны конный корпус направлялся из района Серпца на Влоцлавск и Нешаву в то время, как 4-я армия направила 1 дивизию в район Дзялдова (Сольдау), фронтом к западу, к Грудзендз (Грауденц), а остальные силы — в район Серпц — Рационж, фронтом к юго-западу с задачей движения на Вислу.

В районе Модлина наша V армия (18-я, 17-я и 9-я добровольческие пехотные дивизии, Сибирская бригада, группа кавалерии), еще находившаяся в стадии сосредоточения, завязала бой против 15-й и части 3-й советских армий, которые, заняв Цеханов и Пултуск, наступали на Модлин.

У Варшавского тэт-де-пона сосредоточивалась I армия (11-я, 8-я, 15-я пехотные дивизии, 1 резервная бригада). За ней в армейском резерве — 1-я Литовско-белорусская дивизия; 10-я пехотная дивизия — в резерве фронта.

Неприятель перед фронтом I армии (1 дивизия 3-й армии и 16-я армия) приближался своим правым крылом к укрепленным позициям тет-де-пона; остальные силы находились еще приблизительно на один переход позади.

От Карчева до Демблина исключительно, на западном берегу Вислы, II армия (4-я пехотная дивизия и 2-я дивизия легионов) под командованием ген. Роя, сменившего ген. Рашевского, ранее назначенного, имела наблюдение за Вислой, но без соприкосновения с противником.

На Нижнем Вепше, от Демблина до Коцка, с тэт-де-понами на северном берегу реки, IV армия (14-я, 16-я, и 21-я пехотные дивизии) — в стадии сосредоточения и реорганизации. Перед ее фронтом части советской Мозырской группы выполняли фланговый марш на Демблин.

Южнее начинался участок III армии (группа Гозера, группа Балаховича, 4-я кавалерийская бригада, 7-я Украинская дивизия, 1-я и 3-я дивизии легионов) в свободном про-

странстве между Любартовом, Холмом и Замостьем. 3-я дивизия легионов сосредоточивалась, чтобы двинуться к северу, тогда как 1-я дивизия легионов перебрасывалась по железной дороге из Сокаля в район Люблина.

Против III армии находилась 12-я советская армия, переправлявшаяся через Буг на участке Влодавы и к югу.

Дальше наш Южный фронт (5-я, 12-я и 13-я пехотная дивизии, 1 кавалерийская дивизия и украинские части) отражал атаки Конной армии и 14-й советской армии в районе Броды и на р. Стрыпе.

12 августа вечером верховный главнокомандующий, который решил лично руководить маневром на Вепше, отправился в свою главную квартиру в Пулавы (Ново-Александрия), чтобы на месте следить за реорганизацией и пополнением частей, предназначавшихся для наступления, приподнять их дух своим личным непосредственным влиянием и усилить их боеспособность. В то же время верховный главнокомандующий назначил день для начала операций. Исходя из предположения, что силы, собранные у Варшавы, легко смогут задержать противника, он нашел, что для нас будет выгодно нанести возможно больше потерь неприятелю, как можно больше истощить его и связать его ожесточенным сражением у Варшавского тэт-де-пона, потому что тогда его силы не будут в состоянии противостоять нашей наступательной группе. Так как, с другой стороны, этой последней необходимо было отдохнуть и реорганизоваться, он назначил начало наступления на 17 августа.

Бои у Варшавского тэт-де-пона 13—16 августа. В Варшавском сражении следует различать три операции, связанные друг с другом, но и отличные друг от друга во времени и пространстве: бой у Варшавского тэт-де-пона, бои на р. Вкра, представляющие собой так сказать подготовительные операции, и решительное наступление с реки Вепша.

13 августа началось сражение на участке северного крыла Варшавского тэт-де-пона. Решительная атака 2 советских дивизий — одна 3-й армии, другая 16-й армии, — подошедших к тэт-де-пону, прорвала фронт 11-й пехотной дивизии, оттеснила ее на вторую оборонительную линию, и Радзимин был занят советскими войсками. Занятие Радзимина быстро втянуло еще непополненные резервы и вынудило командующего Северным фронтом предписать V армии, несмотря на то, что она еще не закончила своего

сосредоточения и не достигла желательной степени готовности, немедленно перейти к активным операциям, опираясь на Модлинский район, чтобы облегчить положение I армии перед Варшавой. На следующий день бои распространились на другие участки тэт-де-пона, расположенные более к югу, но наступающий не достиг больших успехов. 15 августа была произведена концентрическая атака резервных дивизий, 10-й пехотной и 1-й Литовско-белорусской, под руководством ген. Желиговского. Радзимин после боя, длившегося целый день, в течение которого город переходил из рук в руки, был окончательно вновь занят нами, и первоначальная линия обороны почти целиком восстановлена.

16 августа было последним днем жестоких боев у тэт-де-пона. На следующий день советские войска, действовавшие на этом участке, очутились в тяжелом положении вследствие наступления польской маневренной группы, которая обрушивалась с берегов Вепша.

Бои V армии на р. Вкра 14—16 августа. V армия, подталкиваемая[1] командующим Северным фронтом (ген. Ю. Галлером. — *Ред.*), перешла в наступление 14 августа в направлении на Насельск, несмотря на то, что ее сосредоточение не было закончено. В первый день успехи наступления были незначительны; бои следующего дня, несмотря на упорную борьбу, не позволили достигнуть намеченной цели. Только концентрическое наступление 16 августа со стороны фортов к юго-востоку от Модлина и с линии р. Вкра, вернуло Насельск I армии и позволило ей направить свои дальнейшие операции на Пултуск и Сероцк.

Общее положение — см. схему 27 в конце книги.

Маневр Пилсудского с линии р. Вепш 16—17 августа. Под влиянием тревожных вестей, шедших из Варшавы и вследствие ожесточенных боев у Варшавского тэт-де-пона и нажима Западного фронта к западу в направлении на Плоцк и даже на Влоцлавск и Бродницу (Страссбург) —

---

[1] V армия начала свое наступление 14 августа вместо 15, IV и III армии — 16 августа вместо 17. Это ускорение (на один день) было вызвано успешным ходом действий 16-й красной армии у Варшавского тэт-де-пона. 13 августа начальник штаба Северного фронта полк. Загурский в разговоре с Сикорским 13 августа, требуя ускорения перехода в наступление V армии, пояснил: „Опоздание с наступлением V армии даже на полдня имело бы своим последствием, что резерв Северного фронта (10-я дивизия) не мог бы быть использован, чтобы дополнить результаты наступления V армии. Участок Буга—Зегже—Модлин слаб и должен защищаться наступательно". Сикорский всячески старался отсрочить наступление, так как хотел начать его после сосредоточения всех дивизий. — *Ред.*

пункты, к которым, как известно, направлялась 4-я советская армия и корпус конницы Гая, верховный главнокомандующий ускорил наступление со стороны р. Вепш и начал его утром 16 августа. Дивизии IV армии, а также 1-я дивизия легионов и конница Яворского перешли в наступление на широком фронте с задачей достигнуть на второй же день Варшавско-брестского шоссе. Это быстрое и решительное движение на широком фронте имело целью рассеять слабые войска Мозырской группы к северу от Вепша, ударить возможно скорее по левому крылу советских сил, вовлеченных в бои перед Варшавой фронтом к западу, и посеять среди них панику и беспорядок.

3-я дивизия легионов была направлена к северу с задачей обеспечить наступление с востока вдоль Буга, на Влодаву и Брест на Буге. Перед этим верховный главнокомандующий предписал войскам южного крыла Варшавского тэт-де-пона, усиленным танками, наступать одновременно с маневренной группой по дороге на Минск-Мазовецкий, имея в виду связаться с 14-й пехотной дивизией, составляющей левое крыло этой группы.

Дивизии все без затруднения выступили из своего исходного положения, только 21-я пехотная дивизия дала небольшой бой у выхода из района Коцка. После этого дивизии имели только легкие стычки со слабыми неприятельскими группами и после долгого форсированного марша достигли к вечеру: 3-я дивизия легионов, на правом крыле,— Влодавы; 1-я дивизия легионов—района Вишница—Вохынь; 21-я, 16-я и 14-я пехотные дивизии — р. Свидер и р. Быстрица, заняв в частности Гарволин, продвигались даже по шоссе Люблин — Варшава севернее, к Вензовне. Эти успехи на севере дали возможность подтянуть 2-ю дивизию легионов, которая находилась на левом берегу Вислы; она перешла в резерв у Демблина.

На следующий день дивизии ударной группы двинулись форсированным маршем, не отдыхая: 3-я дивизия легионов — из района Влодавы через Славатичи в направлении на Брест; влево от нее 4-я кавалерийская бригада, конная группа Яворского и 1-я дивизия легионов достигли Бялы и Мендзыжеца. 21-я пехотная дивизия заняла Седльце, 16-я пехотная дивизия дошла до Калушина, наконец 14-я пехотная дивизия в результате быстрого движения застигла врасплох отряды левого крыла 16-й армии, вовлеченные в бои перед Варшавой, сломила их сопротивление и дошла до Минска-Мазовецкого, связываясь непосредственно с ча-

стями 15-й пехотной дивизии, которая наступала со стороны Варшавского тэт-де-пона.

Кризис сражения. Отход советских армий. Этот день, 17 августа, был днем кризиса для всего фронта сражения. Командующий Западным советским фронтом отдал себе отчет в неожиданном наступлении поляков, но он не сразу понял его важность и полагал, что ему удастся сломить атаку, идущую с юга, и локализировать успехи неприятеля на севере. V армия заняла между тем Сероцк и Пултуск и двигалась на Цеханов, обеспечивая себя одновременно против 4-й советской армии, значительно продвинутой к западу, но советское командование ошиблось в своих предположениях. Инициатива уже почти всецело перешла в руки польского командования. Более того, советское командование потеряло управление собственными армиями. Левое крыло 16-й советской армии отошло севернее Калушина и Седльце, 3-я армия покинула Нарев и отступила в сторону Вышкова, 15-я армия уже отступала на Прасныш и Маков. Только 4-я армия и конный корпус продвинулись еще более к западу и одновременно направили часть своих сил на крыло и тылы V польской армии.

18 августа 3-я дивизия легионов достигла Славатичи, 1-я дивизия легионов и кавалерия Яворского значительно продвинулись к северу и закрепились на Буге у Дрогичина. 21-я пехотная дивизия заняла Мокободы, 14-я пехотная дивизия — Калушин и Станиславов, вновь разбивая части 16-й советской армии. Передовые части I армии продвинулись до Ядова. V армия отразила нападения противника, направленные на ее центр, и медленно продвинулась вперед, вступая в жестокие бои, имея свое правое крыло впереди.

Распоряжение главнокомандующего о преследовании. Верховный главнокомандующий при своем движении к северу на тылы армий Тухачевского рассчитывал встретить решительное сопротивление только на Буге; вследствие этого он предполагал возможно скорее осуществить полное единство операции всех войск, сосредоточенных у Варшавы, прежде всего разбить 16-ю советскую армию, затем решительным преследованием и общим натиском разбить и уничтожить остатки сил противника. С этой целью он отправился в Варшаву и 18 августа сделал необходимые распоряжения. Предписанная перегруппировка имела целью создание группы преследования, которая благодаря возможно более решительному натиску, главным образом на

правом крыле, отрезала бы неприятелю отступление на Брест, Белосток, Осовец, окружила бы его и завершила бы его уничтожение.

На Центральном фронте, который продолжал оставаться под личным командованием верховного главнокомандующего, в связи с этим была создана новая армия, II армия ген. Рыдз-Смиглого (3-я дивизия легионов, 4-я кавалерийская бригада, кавалерия Яворского, 1-я дивизия легионов, 21-я пехотная дивизия, 1-я Литовско-белорусская дивизия I армии и 41-й пехотный полк V армии); она получила задачу преследовать неприятеля, следуя по оси Мендзыжец-Белосток, и занять одновременно Брест на Буге. Преследование IV армии (14-я, 15-я и 16-я пехотные дивизии, 12-я пехотная бригада, 2-й пехотный полк и 15-й уланский полк), продолжая оставаться частью действий Центрального фронта, было нацелено на Калушин и Мазовецк. Она должна была продвинуть свое правое крыло вперед и отбросить советские войска к границе Восточной Пруссии. К общему преследованию на север и северо-восток присоединилось по приказанию верховного главнокомандующего правое крыло Северного фронта, а именно I армия, которая сократилась до 2 дивизий (8-я и 10-я пехотные дивизии), и, получив свободу действий в результате успехов контрнаступления на Вепше, должна была продвигаться по оси Варшава—Остров—Ломжа. Задачей другой армии Северного фронта (V) было покончить с конным корпусом Гая, с 4-й армией и с частями 15-й советской армии, отрезав их своим наступлением к северу, на Прасныш—Млава. Верховный главнокомандующий потребовал от преследующих войск больших маршевых усилий, особенно от II и IV армий, с целью не только оттеснить противника, но уничтожить его окружением. III армия под начальством командующего Центральным фронтом (7-я пехотная дивизия и 2-я дивизия легионов, переброшенные по железной дороге в Люблин) должна была выполнить свою задачу обеспечения к востоку, прикрывая районы Люблина и Холма, и одновременно поддерживать левое крыло Южного фронта (VI армию), действуя с севера против 12-й советской армии.

Руководящей идеей этих распоряжений было следовательно отбросить советские войска к германской границе и занятием главных узлов дорог отрезать им пути, ведущие на восток, оставляя только сравнительно слабое прикрытие правого крыла фронтом к востоку, так как это крыло становилось все более открытым по мере продвижения к северу.

Преследование и поражение советских армий. Однако эти указания верховного главнокомандующего не были целиком выполнены. Сознание опасности, якобы еще угрожавшей Варшаве, усиливалось вследствие боев, которые еще велись в районе Модлина и к западу, а также вследствие операций 4-й советской армии и конного корпуса, которые, будучи отрезаны от главных сил и неосведомлены о новой обстановке 4-й армии, продолжали действовать на Висле и атаковали Плоцк 18 августа. Опасения, вызванные этими действиями оказали влияние на выполнение приказов верховного главнокомандующего. Он хотел повернуть фронтом к северу-востоку все свои армии за исключением левофланговой V армии, предназначавшейся для действий против 4-й армии и корпуса конницы Гая. Но I армия не переменила направления ни 19, ни 20 августа. Сначала части этой армии, затем почти вся она повернулись фронтом в противоположном направлении, к северо-западу, и участвовали в действиях V армии; это значительно уменьшило результат преследования [1], так как 3-я и 15-я советские армии таким образом вновь обрели сравнительную свободу движения, чтобы произвести свое отступление к востоку.

16-я советская армия, первая затронутая польским контрнаступлением, исходящим с Вепша, была почти уничтожена. Разбросанные ее обломки, пробираясь через ряды наступающих польских дивизий, отступили в беспорядке в общем направлении на Бельск и на Белосток.

3-я и 15-я советские армии или пробили себе путь через 1-ю дивизию легионов III армии, которая отрезывала им путь, кровавым боем у Белостока, или, пробившись вдоль границы Восточной Пруссии, через Осовец и Граево, отхлынули в беспорядке в район Гродны, сильно потрепанные и дезорганизованные, теряя пленных и военный материал.

4-я армия испытала так же, как и конный корпус, самую трагическую судьбу. Выдвинувшись слишком к западу, она в этот критический момент потеряла всякую связь с фронтовым командованием и, как известно, перешла 19 августа

---

[1] Пилсудчики в своих исследованиях обычно критикуют действия командующих Северным фронтом (Галлера), V армией (Сикорского) и I армией (Осинского), стремясь подчеркнуть правильность верховного руководства Пилсудского и неумелость исполнителей его воли, что помешало добиться белополякам полной победы. Эти историки недоучитывают силу сопротивления 4-й Красной армии при ее отходе.—*Ред.*

через Вислу и взяла Плоцк [1]. Таким образом ее отступление началось только 21 августа, тогда как соседние 3-я, 15-я армии уже прошли Ломжу и Белосток. 22-го она пробивает себе путь у Млавы через 18-ю пехотную дивизию V армии, которая преграждает ей путь, затем она прорывает у Хожеле слабый кордон, который пытается помешать ее отступлению; это была часть Сибирской бригады той же V польской армии; 25 августа она наталкивается у Кольно на мощное сопротивление, которое ей оказывают 14-я и 15-я пехотные дивизии IV польской армии, и в результате она принуждена со своей конницей перейти в Восточную Пруссию.

25 августа преследование заканчивается; образовался новый фронт, который проходит через Кузницу западнее Гродны, через Свислочь — Беловежскую пущу — Каменец-Литовск — Жабинку к востоку от Буга, и простирается до Опалина и далее на Тышовцы.

Южный фронт во время Варшавского сражения. Действия советского Юго-западного фронта не оказали влияния на главную операцию, которая разворачивалась между Вислой и Вепшем. Помощь 12-й армии и Конной армии, на которую рассчитывал Тухачевский, не была оказана, хотя формально эти части были поставлены под его командование во время операции. Только 20 августа Конная армия оставила львовское направление и двинулась к северу в направлении на Замостье, тогда как судьба Западного фронта уже была решена[2].

III польская армия, которая действовала против 12-й советской армии, выполнила порученную ей верховным главнокомандующим задачу и сдержала советский напор на Буге. Юго-западный советский фронт, не выполнив своей роли поддержки Западного фронта, также не достиг своей цели, которую он так упорно преследовал. Оборона и контрнаступление VI польской армии у Львова, при энергичной поддержке ее правого крыла украинской армией, привели к неудаче наступление 14-й советской армии и Конной армии на Львов.

---

[1] Это не точно. В атаке на Плоцк участвовали части конного корпуса Гая, который, не успев овладеть им, получил задачу двигаться на Плонск.

[2] Автор приписывает Конной армии такие возможности, которыми она на самом деле не располагала. Выполняя запоздавший приказ о движении на Замостье, она начинала новое наступление в обстановке таких трудностей, которые делали ее наступление настоящим героическим подвигом.—*Ред.*

Глава XIV.

Второе восстание в Силезии.

Польская деятельность после первого восстания. Выше уже упоминалось, что в конце января 1920 г. Силезия была занята войсками союзников, состоявшими из французских, итальянских и английских частей. Одновременно с этим верховная власть на плебисцитной территории перешла в руки междусоюзнической комиссии под председательством французского генерала Ле-Ронда. Главной резиденцией междусоюзнической комиссии был Оппельн (Ополе); в уездах от имени комиссии действовали так называемые контролеры. В важнейших центрах территории были расположены военные гарнизоны.

По сравнению с тем, что было в течение 1919 г., польское население попало в условия, дававшие возможность подготовиться к ожидаемому плебисциту [1]. Поэтому, после временного уныния, вызванного неудачей первого восстания, наступил период напряженной и воодушевленной работы в этом направлении. Был создан польский плебисцитный комитет, который находился в Бытоме (Бейтен); сеть плебисцитных комитетов покрывает все спорное пространство. Планово обдуманная культурно-просветительная (?! *Ред.*) работа наряду с собственно политической пропагандой стремится к оживлению, углублению и направлению в соответствующее русло сознания [2] широких масс силезского народа; над всеми актуальными проблемами господствует единая цель—обеспечение результатов плебисцита.

Польская военная организация. Однако такого рода программа вовсе не исключала необходимости приготовлений военного характера, поэтому наравне с просветительно-пропагандистской работой, а зачастую в тесном контакте с ней, развивалась своеобразная работа польской военной организации.

Разбитая после первого выступления извне и изнутри в начале 1920 г. польская военная организация вступает на путь планового развития. По собственному опыту и по образцам прошлой деятельности „Стрельца“ или ПОВ времен мировой войны, она создает для себя новые принципы

---

[1] Благодаря непосредственной поддержке Франции.—*Ред.*

[2] Подразумевается шовинистическая пропаганда польского национализма, неудовлетворенного наличием только определенного процента сторонников белой Польши.—*Ред.*

и формы действий, обеспечивающие ей силу и прочность существования. Прежде всего во внутреннем строении она опирается на военные принципы, а затем укрепляет основной фактор плодотворной деятельности — строгую конспирацию. Единое руководство всей работой сосредоточивается в руках главного командования, созданного в виде штаба, отвечавшего всем потребностям, из частей, имевших соответствующую военную подготовку.

Все пространство, охваченное деятельностью, было разделено на 6, а в дальнейшем—на 9 округов: Люблинец, Крейцбург, Розенберг, Оппельн, Гр. Стрелиц, Козель, Ратибор — Рыбник, Пшчина (Плесс) — Катовице, Бытом—Тарногура (Тарновиц), Глейвиц—Тост (см. стр. 132). Округом управляет командующий, имеющий в своем распоряжении необходимый штаб. Округа делятся на районы, охватывающие некоторое число местных организаций, внутри которых основной боевой ячейкой является „десяток".

Организационная работа идет в двух направлениях. Первое охватывает действительную область военной работы, т. е. сплачивание, внедрение дисциплины, подготовку живой силы, накопление оружия, снаряжения и прочих материальных средств борьбы, составление плана предполагаемых действий и подготовку к действительному проведению его в жизнь. Второе направление стремится к использованию организационных связей для более общих целей, к укреплению усилий, обеспечивающих благополучный исход плебисцита путем уже известной просветительно-пропагандистской работы. Наравне с этим характер момента диктовал необходимость создания специальных летучих боевых отрядов для противодействия выступлениям немецких боевых отрядов, парализовавших на каждом шагу польскую легальную плебисцитную кампанию. Те же соображения в связи с видами на будущее заставили организовать „самооборону"[1] заводов, шахт и железных дорог.

Качественное и количественное расширение организации быстро продвигалось вперед. В мае 1920 г. насчитывалось свыше 7 000 организованных членов, а в июле, в момент окончательного установления плана действий на случай необходимости выступления, только в уездах, предназначенных для первоначальных действий и составлявших лишь некоторую часть района деятельности, уже можно было рассчитывать на мобилизацию 7 000 человек.

---

[1] Речь идет о захвате определенных объектов.—*Ред.*

Вышеупомянутый план был разработан и сообщен заинтересованным в конце июля. Возможность вооруженного выступления предполагалась лишь как самозащита на случай, если бы наступательный характер отношения немцев к польской плебисцитной кампании сделал невозможным ее нормальное развитие, притом оно ограничивалось частью плебисцитной территории, а именно восточной, т. е. промышленной, и только при дальнейшем ходе событий,—по использовании освобожденных уездов как организационной и оперативной базы,—могло иметь место расширение охваченной восстанием территории в сторону Одера, т. е. к западу.

Вполне независимо, но в контакте и даже при поддержке ПОВ, в Силезии была создана [1] еще одна организация военного характера, а именно „союз галлерчиков", охватывавший солдат бывшей польской армии во Франции, демобилизованных польским высшим командованием по возвращении на родину.

Борьба немцев с польским движением. Стесненные и лишенные прежней свободы, немцы всеми возможными средствами и усилиями пытались парализовать польскую плебисцитную кампанию, создав одновременно весьма прочный и налаженный собственный плебисцитный аппарат, чтобы склонить чашу плебисцитных весов на свою сторону. Со всей решительностью и умением использовали они для этой цели привилегию, создавшуюся положением вещей, а именно благодаря „полиции безопасности" („Sicherheitspolizei"). Формально подчиненная союзнической полиции в качестве ее исполнительного органа, но состоявшая из сознательных и крайних шовинистических [2], а также организованных по-военному и дисциплинированных элементов, „полиция безопасности" являлась прекрасным и деятельным орудием немецких интересов в Силезии.

Под прикрытием своих законных обязанностей, вводя в заблуждение междусоюзническую комиссию и зачастую пользуясь отрицательным отношением некоторых контролеров к польским интересам, „полиция безопасности" всеми возможными средствами угнетала свободу польской пропаганды, преследовала наиболее активных и выдающихся

---

[1] Как мы видели, еще в 1919 г. солдаты галлеровских дивизий использовывались для нужд восстания.—*Ред.*

[2] Германские националисты, проводившие антипольскую политику, называются в польской националистской печати „гакатистами" от инициалов фамилий организаторов антипольского союза в Германии (ГКТ).—*Ред.*

деятелей, затрудняла деятельность обществ, пыталась препятствовать при устройстве собраний и политических празднеств. Кроме того „полиция безопасности“ была тем щитом, под прикрытием которого безнаказанно действовали боевые организации немцев, разгонявшие польские митинги и терроризировавшие отдельных лиц[1].

Непосредственным и местным противодействием польской легальной деятельности отнюдь не исчерпывались задачи упомянутых боевых организаций: существование было рассчитано на дальний прицел. Выступая в качестве отдельных и независимых друг от друга организаций, преследовавших различные цели и опиравшихся на различные принципы, они внешне не составляли однородной военной силы. По существу же все эти организации вместе „с полицией безопасности“ являлись реальной силой, которая принималась в расчет как орудие планомерного выступления в нужный момент против польской стихии и даже против союзнических гарнизонов.

Со стороны поляков руководители плебисцитной кампании прилагают все усилия, чтобы избежать обострения ситуации, и с этой целью постоянно добиваются от представителей междусоюзнической комиссии ограничения незаконной деятельности „полиции безопасности“ и противодействия выступлениям немецких боевых организаций. Однако в преобладающем большинстве случаев все выступления и даже демонстративная забастовка, понимаемая как протест против существующих отношений, не возымели никакого действия.

Особенное возбуждение вызвало среди немцев празднование 3 мая, организованное на всей территории Силезии как выражение патриотического энтузиазма и сознательного отношения к Польше. С этого момента усиливается наступательный характер немецких выступлений, которые привели к ряду столкновений, как-то: в Оппельне, в Козеле, в Чишках, и завершились нападением немцев на здание польского плебисцитного комиссариата в Бытоме, закончившемся после „мужественной“ обороны подвергшихся нападению вмешательством союзнических войск[2].

Начало и ход восстания. События, которые тем временем имели место на театре польско-советской войны, не могли

[1] То же самое происходило с польской стороны под охраной французских штыков и польских боевых организаций.—*Ред.*

[2] Как всегда по Пшибыльскому польские националисты защищаются, а их противники нападают.—*Ред.*

не повлиять на положение дел в Силезии. На польское население угнетающе действовала, а среди немцев, наоборот, возбуждала радость и надежду мысль о том, что близкое падение Польши само собой аннулирует вопрос о столь возможной потере Силезии. Это настроение нашло свое выражение в отношении немцев Силезии к представителям союзных держав. Многочисленные факты свидетельствовали о пренебрежительном отношении к распоряжениям и предписаниям, издаваемым междусоюзнической комиссией. Когда 14 августа происходила перевозка французских частей из Богумина в Верхнюю Силезию, то немецкие железнодорожники пытались этому воспрепятствовать. Когда междусоюзническая комиссия,—в ответ на ноту германского правительства по вопросу о мерах, которые комиссия думает применить для того, чтобы плебисцитная территория не была втянута в польско-советский конфликт и лишена своего нейтрального положения,—подтвердила в соответствующем официальном сообщении, что увеличение союзнического гарнизона вызвано только и именно стремлением к соблюдению строгого нейтралитета Верхней Силезии, силезские немцы признали это заявление неудовлетворительным. Одновременно с распространением слухов о падении Варшавы, больно ударявших по самолюбию поляков, немцы устраивали многочисленные митинги, на которых принимались резолюции, возбуждавшие сомнения в деятельности междусоюзнической комиссии, а также, несмотря на прямое запрещение, публичные демонстрации. Немецкие профессиональные союзы и организации объявили всеобщую забастовку на всей плебисцитной территории, призывая в соответствующем воззвании к задержке перевозок союзнических войск и к разоружению оккупационного гарнизона.

Особенно сильные беспорядки происходили в Катовицах [1]. 17 августа толпа демонстрировала перед зданием представительства междусоюзнической комиссии. Атака французской кавалерии дала лишь минутное успокоение. Немецкая делегация потребовала от начальника гарнизона разоружения и выхода из города всего гарнизона. Только пулеметная стрельба рассеяла демонстрантов. Французское командование объявило город на военном положении; однако 19 августа снова произошли беспорядки. Немецкие боевые организации двинулись в наступление на главную французскую гауптвахту, за обладание которой завязался регуляр-

[1] Большинство населения в Катовицах—немцы.—*Ред.*

ный бой, продолжавшийся несколько часов. Узнав о готовившемся взрыве их помещения, коалиционные власти покинули город вместе с воинскими частями и перешли в расположенные вне города казармы. Почувствовав себя господами положения, немцы еще более усиливают свой террор против поляков, нападают и разрушают здание плебисцитного комитета, уничтожают между прочим редакции польских газет. Только к вечеру подошедшее подкрепление, состоявшее из французских и итальянских батальонов, вновь заняло город и навело некоторый порядок и спокойствие.

В процессе этих событий на стороне поляков принимается решение о восстании; в течение 19 августа главное командование ПВО издает соответствующие приказы. Оно считает себя достаточно сильным для этого, а с другой стороны, по соглашению с выразителями общественного мнения, оно считает, что дольше медлить с отпором против немцев нельзя.

Так же, как и в подготовительный период, восстание понимается как акт самообороны (?! *Ред.*). Основные вехи и цели следующие: 1) освобождение от „полиции безопасности", 2) для укрепления собственной базы немедленно организовать на освобожденной территории „гражданскую стражу", 3) безусловно избегать столкновений с союзническими частями.

Выступление начинается в ночь с 19 на 20 августа и развивается как согласованное и управляемое движение, а также в соответствии с общим планом. Произведенное сразу уничтожение сети связи на всей территории парализует возможность противодействия со стороны немцев, а также преждевременное вмешательство со стороны коалиционных властей или приход оккупационных частей. В течение трех дней Катовицкий, Бытомский, Пшчинский (Плесс), Тарнотурский (Тарновиц) целиком, а Глейвиц-Тостский и Рыбникский уезды частично находятся в руках восставших за исключением более крупных городов, имевших оккупационные гарнизоны. Таким образом приобретение организационной базы для возможного расширения движения на западе, согласно плана, было совершившимся фактом.

Ликвидация восстания. Однако дальнейшее развитие действий остановилось. На 4-й день восстания междусоюзническая комиссия выступила с требованием прекратить восстание и сложить оружие. Завязались переговоры, в которых польских представителей де-факто считали побе-

дителями[1]. Польские условия, требовавшие прежде всего разоружения и вывода из пределов плебисцитной территории ненавистной и по существу своему противоречащей условиям плебисцита „полиции безопасности", а затем признания созданной восставшими „гражданской стражи" на срок, необходимый для сформирования предусмотренной в мирном договоре смешанной польско-немецкой плебисцитной полиции, — были приняты междусоюзнической комиссией.

25 августа было днем официального окончания восстания. Лойяльно (!) выполняя взятые на себя обязательства перед междусоюзнической комиссией, главное командование демобилизовало Польскую военную организацию, призывая ее членов к деятельному участию в работе организационно-пропагандистского характера, имевшей своей конечной целью „плодотворную" подготовку плебисцита.

Значение победного восстания было громадно. Оно дало населению Силезии самосознание своей силы и прав хозяина на своей земле, ликвидировало остатки немецкого административного аппарата, одним взмахом сорвало искусственно поддерживаемую этим аппаратом видимость „немецкой" Силезии, наконец создало условия, в которых стала возможной совместная жизнь обеих наций[2] независимо от ожидающего их финала в виде плебисцита.

Воззвание представителей плебисцитных комиссариатов обеих сторон, а также политических и профессиональных организаций, призывавшее население Силезии к спокойствию и прекращению кровопролития, было как бы печатью, скреплявшей новый порядок вещей и подтверждавшей окончание восстания.

Однако не прошло и года, как силезскому народу снова пришлось взять в руки оружие для защиты своего существования и своих национальных стремлений.

---

[1] Это характеризует „беспристрастность" Антанты.—*Ред.*

[2] Меньше года прошло, как опять началось ожесточенное наступление Польши. После присоединения части Верхней Силезии там был создан режим угнетения немцев при польском господстве, проявления которого нам известны из печати.—*Ред.*

Глава XV.

Последние операции.

1. Наступление на Южном фронте

Сражение под Замостьем. Около 20 августа, в то время, когда польские армии Северного фронта успешно преследовали и уничтожали неприятельские силы, правое крыло Юго-западного советского фронта предприняло наступательные операции с задачей выйти на тылы главных польских сил, в общем направлении на Люблин. Конная армия Буденного, выведенная с Львовского направления и сосредоточенная в районе Сокаля, позади левого крыла 12-й советской армии, двинулась на Замостье и Красностав; 12-я советская армия, которая занимала в это время линию Буга от Влодавы до Дубенки, и дальше на линию Грубешова—Тышовцы — Кристинополь, должна была участвовать в действиях Конной армии, наступая на Холм.

Против этих советских сил находилась слабая[1] III польская армия: 7-я пехотная дивизия—на Буге, 2-я дивизия легионов, прибывшая из резерва верховного главнокомандующего из Демблина в район Грубешов—Грабовец; кроме того там находилась слабая 6-я Украинская дивизия и Кубанская кавалерийская бригада. Из 2 пехотных дивизий, двинутых верховным командованием, чтобы поддержать армию, первые батальоны 10-й пехотной дивизии прибыли в Замостье 27 августа; переброска другой, 9-й пехотной, дивизии, еще не была начата.

Буденный выступил 27 августа, оттеснил Кубанскую бригаду, которая преграждала ему путь в районе Тышовцы, и на следующий день подошел к Замостью. Там он неожиданно встретил сильное сопротивление. Слабый гарнизон Замостья состоял не более чем из 1 пехотного полка, 2 этапных батальонов и 1 караульного батальона. Этот гарнизон и Украинская дивизия, которая соблюдала верность по отношению к польским войскам, с артиллерийской группой и 2 бронепоездами, решительно оборонялись, хотя были окружены почти со всех сторон. Буденный старался

[1] Автор замалчивает истощение Конной армии, зато подчеркивает слабость III польской армии, которая располагала свежей, не участвовавшей в боях в августе, 2-й дивизией легионов и, несмотря на это, могла приступить к операции против Конной армии лишь после сосредоточения более 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийской. Эти превосходные силы не смогли нанести поражения Конной армии, несмотря на ее полное окружение.—*Ред.*

во что бы то ни стало сломить это сопротивление вместо того, чтобы обойти город и двинуться затем на Красностав. В это время развертывался польский контрманевр.

Группа ген. Станислава Галлера (13-я пехотная дивизия и 2-я кавалерийская дивизия), которая до тех пор сражалась

Схема 28. Сражение у Замостья с Конной армией Буденного в августе 1920 г.

в районе Белза, на левом крыле VI армии, не имея возможности оказать сопротивление Буденному с фронта, бросилась вслед за ним рейдом на Тышовцы и Комаров, нанося удары по его тылам. Одновременно 10-я пехотная дивизия, выгруженная в Красноставе, перешла в наступление на Замостье, тогда как 2-я дивизия легионов наступала с севера из района Грабовец. Армия Буденного таким образом очутилась у Замостья как бы в тисках, которые

все более и более сжимались, запирая противника во все суживавшемся коридоре, угрожая даже совершенно его окружить и отрезать ему пути на восток. Буденный искал спасения в отступлении. Поворачиваясь фронтом во всех направлениях, понеся большие потери людьми и материалом, он отступил к востоку в район Грубешова. Польские войска продолжали наступление и двинулись концентрически на Грубешов. Конная армия, ведя лишь арьергардные бои, перешла на восточный берег Буга и отошла затем к Владимиру-Волынскому. Польские войска, преследуя ее, вошли в Грубешов, а затем заняли весь западный берег Буга.

План наступления на Волыни и в западной Украине. Успешное наступление против Буденного было началом всеобщего наступления, которое охватило фронт от Бреста до Румынской границы. Целью его было разбить 12-ю и 14-ю советские армии и целиком „освободить" Волынь и Восточную Галицию от вторжения противника[1].

Руководящей мыслью плана польского верховного главнокомандующего было окружить и уничтожить обе эти советские армии концентрическим наступлением III и VI польских армий: III—на Волыни, VI—в Восточной Галиции. В расчет было принято участие на правом крыле всего фронта украинской армии ген. Павленко.

Ход действий на Волыни. Занятие Ковеля и Ровны. III армия под командованием ген. Сикорского первая перешла в наступление 12 сентября. Группа ген. Крайовского (18-я и 7-я пехотные дивизии и группа Балаховича) перешла в фронтальное наступление, форсировала переправы через Буг и двинулась форсированным маршем вдоль железной дороги Холм—Ковель и к северу от этой дороги. Особая наступательная группа, пехота на грузовиках в сопровождении бронированных автомобилей, двинулась в путь по маршруту полукругом из Влодавы на Малорыто—Мокраны—Ратно, чтобы неожиданно напасть на Ковель с севера, обходя правое крыло 12-й советской армии, овладеть этим важным пунктом и дезорганизовать этим сопротивление 12-й армии на остальном фронте. К югу от группы ген. Крайовского, из района Грубешова, группа Станислава Галлера наступала своими 13-й и 9-й пехотными дивизиями и 2 кавалерийскими дивизиями с задачей возможно скорее взять Луцк. Наконец группа ген. Желиговского (10-я пехотная дивизия и казачья бригада) наступала на Сокаль.

---

[1] Опять „освободительная" война с целью захвата этих областей.—*Ред.*

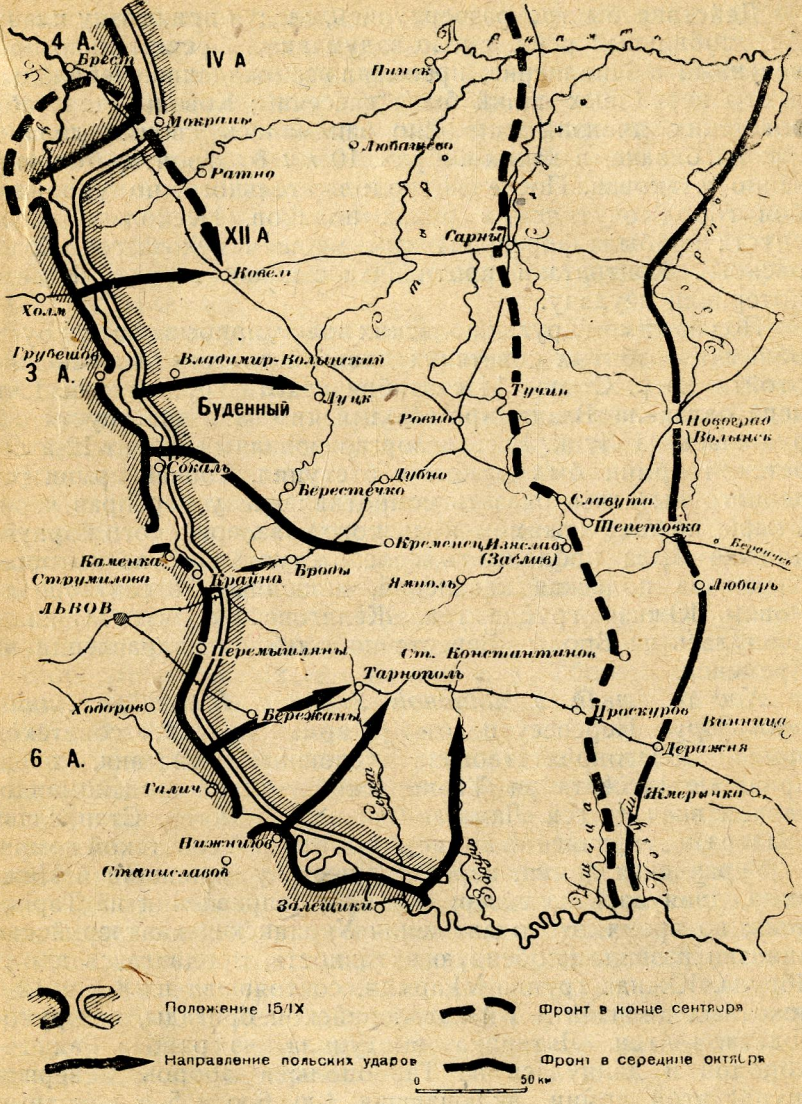

Схема 29. Наступление польской армии на Южном фронте (сентябрь—октябрь 1920 г.).

Действия быстро развернулись, следуя принятому плану. Автомобильный рейд, смело задуманный и решительно приведенный в исполнение, превысил все ожидания. Небольшие посты передовых линий были рассеяны; Ковель, где штабы советских дивизий спокойно занимались своими делами, как на биваке, в каких-нибудь 10 *км* от фронта, был внезапно атакован. После непродолжительного, но упорного боя город очутился в руках поляков. Несколько часов спустя прибыла форсированным маршем пехота ген. Крайовского. Контратаки противника с целью вернуть Ковель потерпели неудачу.

Под нажимом других польских войск, прибывавших с Буга, обломки разбитых советских дивизий должны были спешно отойти на р. Стырь. 14 сентября пехота группы ген. Галлера овладела Владимиром-Волынским и 2 дня спустя обрушилась на Луцк. Весь дезорганизованный фронт 12-й советской армии был разбит и отступил. Конная армия Буденного пыталась оказать сопротивление у переправ через Стырь, но под нажимом польского кавалерийского корпуса должна была продолжать свое отступление[1], за которым следовала польская кавалерия, дошедшая 18 сентября до Ровны. Южная группа ген. Желиговского, взяв Сокаль, двинулась на Броды—Берестечно в общем направлении на Кременец.

Ход действий в западной Украине. Выход на линию реки Збруч. Перевесу пехоты III армии над 12-й советской армией благоприятствовали успешные действия, предпринятые 14 сентября VI польской армией под командованием вначале ген. Ламэзан-Салэна, затем ген. Станислава Галлера, и „украинской армией" против 14-й советской армии. Украинская армия, перейдя Днестр у Залещики и Нижнюва, двинулась на север, в общем направлении на Тарнополь; во время этого движения Украинская кавалерийская дивизия развила особенную активность, продвигаясь вдоль Збруча. Южная группа VI армии, состоявшая из 8-й и 12-й пехотных дивизий и 1-й кавалерийской бригады, под руководством ген. Лятиника выступила из района Галич—Хородов и двинулась на Тарнополь и Зборов. Северная группа этой армии, включавшая 4-ю, 6-ю и 5-ю пехотные дивизии, под командованием ген. Енджеевского выступила с линии Перемышляны — Красне — Каменка - Струмилова

[1] Это был преднамеренный отход Конной армии, так как она уже выводилась в район Ровны, чтобы отсюда отправиться на Врангелевский фронт.

и направила свои главные усилия вдоль железной дороги Львов—Броды—Ровна, причем ее правое крыло участвовало в действиях южной группы на Тарнополь. 14-я советская армия не выдержала и, разбитая при первой атаке, искала спасения в поспешном отступлении. Ей пришлось под напором группы ген. Лятиника и украинской армии, обходившей ее с юга, оставить свое направление к востоку и отойти к северо-востоку. 18 сентября польские войска вошли в Тарнополь. Решительное преследование дало возможность правому крылу овладеть 21 сентября районом Ямполя, а 23—Изяславлем.

Продолжение успехов на Волыни и в Подолии. В течение нескольких дней польское наступление увенчалось полным успехом [1]. Под давлением с фронта, окруженные с севера и с юга, оттесненные назад обе советские армии и конница Буденного не могли вернуть инициативу и вынуждены были продолжать отступление. Польские войска, развивая свой успех, продолжали продвигаться. В последних числах сентября советские войска уже были расположены на линии, проходящей, начиная с севера, вдоль р. Горынь—Ставы—через Тучин — Славуту — Староконстантинов — Проскуров и вдоль Старой Ушицы. Новые быстрые действия польских войск, и особенно находившихся южнее украинских войск, вскоре оттеснили их еще на линию р. Уборть—р. Случь—Любар—Летычев—Деражня—р. Калуш. Польский кавалерийский корпус под командованием ген. Руммеля выполнил рейд, увенчавшийся полным успехом, на важный железнодорожный узел неприятельского фронта — Коростень.

При продвижении к востоку левое крыло III армии направилось к северу, распространив свои действия на Полесье, нарушило связь между 12-й советской армией и 4-й советской армией, вновь сформированной в Полесьи и угрожало ее тылам. Группа ген. Крайовского повернула фронтом в этом направлении, и партизанские отряды ген. Балаховича развили в это время особо интенсивную деятельность. 26 сентября Пинск был занят. Эта операция была тесно связана с Неманским сражением, которое развертывалось севернее в это же время.

2. Сражение на Немане.

Перегруппировка сил после Варшавского сражения. Главный маневр Варшавского сражения и преследование,

[1] Этот „успех" объяснялся тем, что Юго-западный фронт отступал преднамеренно, выводя часть своих сил для ликвидации Врангеля. — *Ред.*

последовавшее за этим сражением, были направлены с юга на север; впоследствии фронт главных польских сил проходил с запада на восток с правым крылом и тылами, почти совершенно открытыми к востоку, так как они обеспечивались лишь 1 дивизией, а именно 3-й дивизией легионов, в районе Бреста. Эта дивизия одновременно связывала наши главные силы с левым крылом Южного фронта, расположенным в это время в районе Влодавы. В последних числах августа, перед фронтом, расположенным таким образом, уже не было неприятеля. Разбитые войска противника, которым удалось во-время спастись от расставленных им сетей, или войска, отправленные изнутри Советской России, уже сосредоточивались в районе Гродна — Беловежа. С этих пор главной задачей польского командования было перегруппировать силы так, чтобы расположить их фронтом к востоку. Уже во время преследования к северу верховный главнокомандующий наметил план будущих операций на востоке и, следуя этому плану, начал перемещать к новой линии фронта силы, замедлившие его движение. 1-я Литовско-белорусская дивизия I армии была направлена в район Беловежской пущи, за ней последовала 21-я горная пехотная дивизия, которая была направлена на Белосток. Позднее 1-я дивизия легионов, дошедшая до границы Восточной Пруссии у Граева, также получила приказ повернуть фронтом к востоку. 27 августа верховный главнокомандующий отдал приказ, определявший совокупность новой группировки.

IV армия, которая на последнем этапе преследования сосредоточилась в районе Ломжи, получила приказание направиться походным порядком и по железной дороге в район Бреста под прикрытием 3-й дивизии легионов и Литовско-белорусской дивизии, входившей в состав армии, причем последняя должна была передвинуться более на север, в район Белостока.

Польско-литовские отношения в период отступления и также польского наступления. Во время перегруппировки польские войска должны были выполнить особую задачу, а именно—очистить район Сувалок от литовских войск и вновь передать его законной власти[1]. Чтобы объяснить себе присутствие литовских войск на территории Сувалок, необходимо вернуться немного назад, к памятным июльским дням. Литовская армия в течение всего 1919 г. и первой половины 1920 г., несмотря на мало благоприятное отношение

[1] Подразумевается захват силой оружия спорной зоны. — *Ред.*

к Польше, сохранила в общем нейтральность в борьбе Польши против Советской России и находилась даже в состоянии войны с последней. В июле 1920 г. она, перестав соблюдать нейтралитет, начала враждебные действия против польских войск, оставивших Вильну и подступы к ней; затем, основываясь на мирном договоре, подписанном 12 июля в Москве Литвой и Советской Россией, она заняла район Сувалок. В то время, когда советские войска были отброшены за Неман, польское верховное командование потребовало от литовского правительства и командования эвакуации района Сувалок, который в декабре 1919 г. решением Антанты был признан частью польской территории. Литовское правительство отказалось выполнить это требование. Однако 4-й конной бригаде и 41-му пехотному полку удалось 1 сентября занять район Сувалок без кровопролития, но 2 сентября литовцы начали боевые действия, заняли после боя Сейны и начали борьбу против польских войск в районе Сувалок.

Позднее, в конце сентября, литовско-польские трения распространились на район к востоку от Немана, где польские войска, преследовавшие советские войска, столкнулись с литовскими. Последние, желая использовать обстановку в свою пользу, попытались распространить возможно дальше к югу и к востоку действительные литовские владения. Только конвенция, подписанная 7 октября в Сувалках, положила конец борьбе, причем была установлена демаркационная линия как в районе Сувалок, так и на участке между Неманом и железной дорогой Лида — Вильна.

Враждебные наступления литовцев отмечались многочисленными случаями сотрудничества с советскими войсками, которые сосредоточивались в районе Гродны, а также сговором Литвы с Советской Россией, доходившим до того, что был допущен проход через ее территорию советских войск, оттесненных в то время к Восточной Пруссии [1]. Оно оказало серьезное влияние на планы польского командо-

[1] „Польская дипломатия в сообщении для печати от 5/IX 1920 г. обвиняла литовское правительство в сотрудничестве с Красной армией. Официальная точка зрения литовского правительства была такова, что оно не могло не остаться нейтральным и для доказательства своей беспристрастности должно было признать за „русскими“ те же права, какие присвоили себе в Литве поляки (Рене Мартель, Франция и Польша, стр. 54).—*Ред.*

Следует иметь в виду, что в начале сентября литовские войска пытались проявить активность по отношению к наступающим полякам, однако вскоре литовское правительство проявило не только бездеятельность в отношении польских сил, сосредоточивавшихся в районе Сувалки — Гродна

вания относительно будущих операций против советских войск и на их выполнение.

Перегруппировка частей IV и II армий по приказу верховного главнокомандующего была выполнена с 1 по 10 сентября в соответствии с планом наступления, задуманного верховным главнокомандующим во время варшавской операции. В середине августа все подробности этого плана были окончательно установлены.

Положение советской стороны в это время было следующее:

Фронт советской армии к северу от Припяти был расположен с начала сентября на подступах к Неману и к Шаре, причем северное крыло примыкало к территории, занятой Литвой, а южное крыло — к Полесским болотам. На этом фронте расположились, начиная с севера: 3-я армия — в районе Гродны, 15-я армия — к северо-западу от Волковыска, 16-я армия — в районе Беловежи, 4-я армия — в районе восточнее Бреста на Буге. После поражения им удалось довольно быстро восстановить свою боеспособность, так что Тухачевский, который продолжал командовать ими, намеревался снова в скором времени перейти в наступление.

План действий верховного вождя. Польское командование предупредило это намерение. Руководящей мыслью операции, задуманной верховным главнокомандующим, было обойти советский фронт с севера, быстро выйти на его тылы в окрестностях Лиды и оттеснить его в Полесские болота. В этом плане главная задача падала на II армию ген. Рыдз-Смиглого. Наступательная группа, взятая из этой армии и состоявшая из 1-й дивизии легионов, 1-й Литовско-белорусской дивизии, 2-й и 4-й кавалерийской бригады, должна была атаковать Сейны, занятые литовцами, внезапно перейти через Неман у Друскеники и двинуться форсированным маршем, обходя правое советское крыло, на Лиду — важный пункт на тылах советских сил, развернутых на подступах к Неману. Остатки II армии должны были связывать противника, стоявшего перед ними, мощным фронтальным на-

---

против нашего правого фланга, но оставило совершенно без противодействия движение поляков вдоль своего фронта на участке Марцинканцы — Радунь (см. *Какурин* и *Меликов*, цит. труд, стр. 375 — 379). Командование Западным фронтом 26 сентября не без основания определяло действия литовских войск как подозрительные. В дальнейшем в конце октября, 2 месяца после того, как Вильна была оставлена красными частями, туда ворвались польские войска под командованием ген. Желиговского. Нерешительное поведение литовского командования по отношению к белополякам и их сообщникам в 1920 г. Литва окупила потерей Виленской области.— *Ред.*

ступлением—Добровольческая дивизия и 21-я пехотная дивизия или горная дивизия—в Гродне, 3-я дивизия легионов—южнее, имея задачей переход через Неман.

Одновременно IV армия должна была наступать на Волковыск, чтобы ввести противника в заблуждение и породить в нем уверенность, что польское командование намеревалось сломить его центр. Чтобы обеспечись фланги и тылы своих войск, верховный главнокомандующий оставил в районе Сувалок против литовцев особую группу, так называемую „Северную", под командованием ген. Осинского, состоявшую из 17-й пехотной дивизии, и Сибирской бригады. В результате этого плана 3-я советская армия, отходившая перед фронтальным наступлением, должна была встретить при своем отступлении группу, производившую обходное движение, с задачей преградить ей путь и заставить ее отступать к югу. Оттеснение 3-й армии за Неман на тылы 15-й армии, комбинированное с одновременным наступлением IV польской армии, должно было привести к дезорганизации всего Северного советского фронта и к его полному поражению.

В процессе выполнения этот план повлек за собой расширение задачи к югу в том смысле, что он включил в себя одновременное обходное движение IV армии на юге и группы ген. Крайовского, выходящей в Полесье, через Припять, движение, направленное против 4-й советской армии, сосредоточенной восточнее от Бреста.

Форсирование Немана и бой под Волковыском. Операции в точном смысле этого слова предшествовали ожесточенные подготовительные бои, имевшие место 20 сентября с целью занять исходное положение для наступления. Советское командование придавало большое значение Гродне, опорному пункту правого крыла фронта; оно там сосредоточило значительные силы на подступах к Неману, усиливая их по мере того, как росло польское давление, наспех посылаемыми резервами. У Гродны 21-я пехотная дивизия (горная дивизия), наступавшая через переправы на Немане южнее Гродны, встретила весьма сильное сопротивление, южнее 3-я дивизия легионов должна была дать еще более ожесточенный бой, чтобы перейти через Свислочь и занять Берестовицу (западнее Волковыска)—операция, во время которой она подверглась ожесточенным контратакам со стороны противника.

Во время этих тяжелых боев фронтальной группы за исходное положение, левофланговая группа сосредоточива-

лась в глубочайшей тайне, под прикрытием Августовских лесов. 22 сентября 1-я дивизия легионов атаковала Сейны,

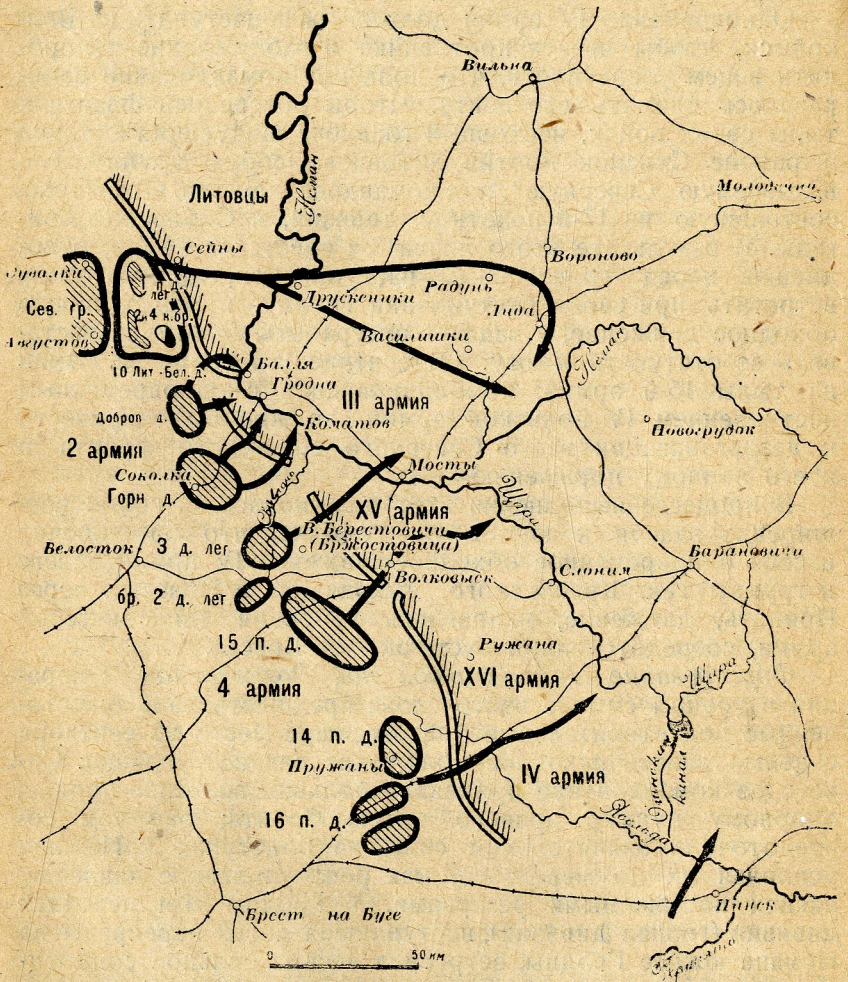

Схема 30. Сражение на Немане в сентябре 1920 г.

оттеснила литовцев и открыла этой группе дорогу на Друскеники. Наступление в точном смысле этого слова началось 23 сентября. Фронтальная группа II армии снова натолкнулась на решительное сопротивление советских

войск, и весь этот день и следующий прошли в бесплодных усилиях Добровольческой дивизии достичь переправ через Неман у Баллы, к северу от Гродны, и 21-й горной пехотной дивизии, чтобы захватить гродненские мосты и перейти Неман у Коматова. 3-я дивизия легионов, беспрестанно подвергаясь атакам в районе Берестовицы, не смогла продвинуться.

Бои IV армии развернулись вначале в гораздо более благоприятных условиях; группа ген. Юнга силой в $1^1/_2$ пехотных дивизии (15-я и 1 бригада 2-й дивизии легионов с 18-м уланским полком) заняла Волковыск к вечеру первого дня боя, но на следующий день вследствие советской контратаки оттесненная на своем левом крыле, потерявшем контакт с соседней 3-й дивизией легионов, группа очистила Волковыск.

Кризис фронтального боя закончился 25 сентября. Группа ген. Юнга снова заняла Волковыск. На участке между Гродной и Неманом можно было заметить с утра отход противника. 3-я дивизия легионов, тесня противника, продвинулась до Занеманска. В ночь с 25 на 26 сентября благодаря согласованным усилиям добровольческой дивизии и 21 пехотной горной дивизии Гродна перешло в руки поляков.

Маневр фланговой группы. Бой под Лидой. Влияние маневра фланговой группы дало себя почувствовать в этой операции. Пехота этой группы достигла 24 сентября к вечеру железной дороги Гродна—Вильна, тогда как конница продвинулась до Радуня. По приказанию верховного главнокомандующего группа оставалась до 25 сентября в достигнутых районах; это приказание было вызвано положением на Немане.

26 сентября операции развернулись на всем фронте. Приказ верховного главнокомандующего привел снова в движение левофланговую группу и бросил ее на фланг 3-й советской армии, которая очистила подступы к Гродне. Фронтальная группа II армии перешла Неман, чтобы связаться возможно скорее с фланговой группой. С этого времени центр тяжести боя перешел на последнюю. Первой выступила в бой 1-я Литовско-белорусская дивизия. Обойдя 3-ю советскую армию, которая отступала по большой дороге Гродна — Лида, она стала поперек ее пути у Лебеды и помешала ей продолжить свое движение на Лиду. Атакованная одновременно массой, шедшей с запада, и войсками, прибывшими из Лиды, действуя изолированно, эта

дивизия выдержала неравный бой и понесла большие потери; в конце-концов она должна была уступить численному превосходству, и 3-й советской армии удалось пробить себе путь на Лиду.

В то же время у Лиды новая неожиданность ожидала отступавшие советские войска. 28 сентября утром 1-я пехотная дивизия наступает с севера и с северо-востока и доходит до Лиды, поворачиваясь фронтом к западу, отрезывая вторично 3-й советской армии, которая прибывала как раз из Лебеды, ее естественный путь отступления на Молодечно.

Лишенные управления советские дивизии, под угрозой польских войск, которые теснили их от Гродны, решили пробить себе путь через Лиду; часть их, чтобы избегнуть нового противника с юга, отошла на тылы соседней 15-й армии. 1-я дивизия легионов отразила в течение дня 3 атаки превосходных сил противника и в конечном результате воспрепятствовала ему уйти через Лиду. Противник оставил в ее руках несколько тысяч пленных и, совершенно разбитый, ускользнул небольшими группами севернее и южнее города.

В самый день боя у Лиды IV армия достигла Шары, форсировала реку и заняла Слоним; на ее правом крыле группа ген. Крайовского за 2 дня перед тем вошла в Пинск. Над армиями Тухачевского нависала угроза двойного охвата.

3. Преследование и перемирие.

Действия II и IV армий после сражения на Немане. Боями у Лиды закончилось так называемое Неманское сражение.

Верховный главнокомандующий, несмотря на усталость войск вследствие многочисленных форсированных переходов и особо напряженных боев, не дал отдохнуть своим победоносным войскам и сразу же бросил их для преследования разбитого противника. Это преследование охватило Неманский фронт на севере до Припяти на юге. Наступавшая группа, выделенная из II армии (1-я дивизия легионов, 2-я и 4-я каваллерийские бригады), перешла Неман к юго-востоку от Лиды и продвинулась через Новгородок к железной дороге Барановичи — Минск, пытаясь отбросить 15-ю советскую армию и часть 3-й армии, которая отходила с ней, от их естественного пути отступления на Минск. IV польская армия завладела 30 сентября Барановичами

и фронтальным движением оттеснила 15-ю армию на Минск и 16-ю—на Слуцк.

На правом фланге группа ген. Крайовского двинулась из Пинска через Лунинец к р. Лань, оттесняя перед собой части 4-й советской армии, которые перед ней находились. Под давлением с фронта, под угрозой на двух флангах советские войска, не способные оказать дальнейшее сопротивление, отошли к востоку, не вступая в значительные бои; их отступление не раз вырождалось в панику. Фронт, достигнутый IV армией 9 октября при преследовании, проходил, начиная с юга, вдоль р. Лань (группа ген. Крайовского: 18-я пехотная дивизия и Балахович), через Клецк и Несвиж (11-я и 16-я пехотные дивизии) и кончался у Немана в Столбцах (14-я и 15-я пехотные дивизии).

Подготовка действий на Вильну, Молодечно и Минск. В это время к северу от Немана происходила общая перегруппировка сил, вызванная предполагающимися операциями верховного главнокомандующего на Минск, Молодечно и Вильну[1]. Среди дивизий, входящих в состав II армии, 2-я дивизия легионов достигла района Вишнева на Неманской Березине, в общем направлении на Молодечно; 3-я дивизия легионов двигалась на Сморгонь; 21-я горная дивизия и 9-я пехотная дивизия сосредоточивались в районе Лиды, наконец группа Мира, т.-е. 1-я дивизия легионов и 2 кавалерийские бригады, расположились эксцентрически по отношению к операциям IV армии: Мир—Новогрудок. На левом крыле была образована новая (III) армия под командованием ген. Сикорского, развернутая на фронте, который начинался у границы Восточной Пруссии, проходил по польско-литовской демаркационной линии на территории Сувалок и через Ораны, кончался у железной дороги Лида — Вильна. Его задачей было иметь наблюдение за литовскими войсками и прикрывать фланги и тылы войск, действовавших против советских армий. III армия состояла из 17-й пехотной дивизии, из Сибирской бригады, 4-й пехотной дивизии, Добровольческой дивизии и из 1-й Литовско-белорусской пехотной дивизии.

Решающим фактором плана и характера предполагаемых операций было приближение перемирия. Не надо забывать, что оно должно было быть заключено по достижении

[1] Таким образом захват Вильны составлял часть плана Пилсудского, не был результатом самостоятельных действий Желиговского, как это в конце октября лживо оповещали всему миру белополяки. Подробности этого захвата см. вышеуказанную книгу Мартеля, стр. 56 и сл. — *Ред.*

определенных рубежей и что эти рубежи, проведенные штыком солдата, станут затем с некоторыми изменениями границей Польской республики и Советской России. Отсюда вытекала необходимость овладеть той или иной территорией, чтобы будущая граница удовлетворяла стратегическим требованиям. В числе этих требований верховный главнокомандующий считал на северном театре овладение железной дорогой Лунинец — Барановичи — Лида — Вильна, занятие переправ через верхний Неман, приближение к Минску, чтобы отнять у этого города всякую ценность как центра района советского сосредоточения и наконец создание коридора, который, с одной стороны, отделял бы Литву от Советской России, а с другой стороны, позволил примкнуть польскую границу к Латвии[1]. К этим соображениям стратегического характера верховный главнокомандующий присоединял другое, политического характера—необходимость вновь овладеть Вильной. Июльский кризис был причиной передачи решения относительно Вильны Лиге наций. Верховный главнокомандующий решил следовательно противопоставить, как это уже произошло в 1919 г., этому решению совершившийся факт.

IV армия получила директиву наступать на Слуцк и Минск; II армия получила двойную задачу—овладеть Молодечно и двинуть 1 дивизию к северу, по направлению на Свенцяны. Наступление II армии к северу должно было быть связано с действиями, предписанными ген. Желиговскому; оно должно было прикрывать эти действия с востока против советских войск. Действия на Вильну, чтобы не поставить польское командование в затруднительное положение, не должны были быть предприняты как операция, предписанная польским командованием, но как сти-

---

[1] Заслуги в деле установления современной границы Польши с СССР приписывал себе также один из лидеров правых (эндеков) С. Грабский, член польской мирной делегации в Минске и в Риге, который в 1923 г. писал: „Ход войны 1920 г. разрешил спор, который в течение 2 лет происходил в сейме и в нашей публицистике по вопросу о том, следует ли стремиться к соединению с Польшей всей Белоруссии и Украины на основе федерации или же разделить их между Польшей и Россией (!),—в пользу этого последнего решения. Реальной оказалась только программа национального комитета (эндеков) — раздел Белоруссии и Волыни. Эту программу я дополнил еще в Минске тезисом о необходимости отделения Литвы и Виленской области от России так называемым дисненским коридором, соединяющим Польшу и Латвию". Спор на тему об „аннексии" или „федерации" не имеет существенного значения. В обоих случаях западная Белоруссия превращалась в объект белопольского захвата.—*Ред.*

хийные действия группы ген. Желиговского[1], отделившегося от III армии, действия, инициатива которых должна

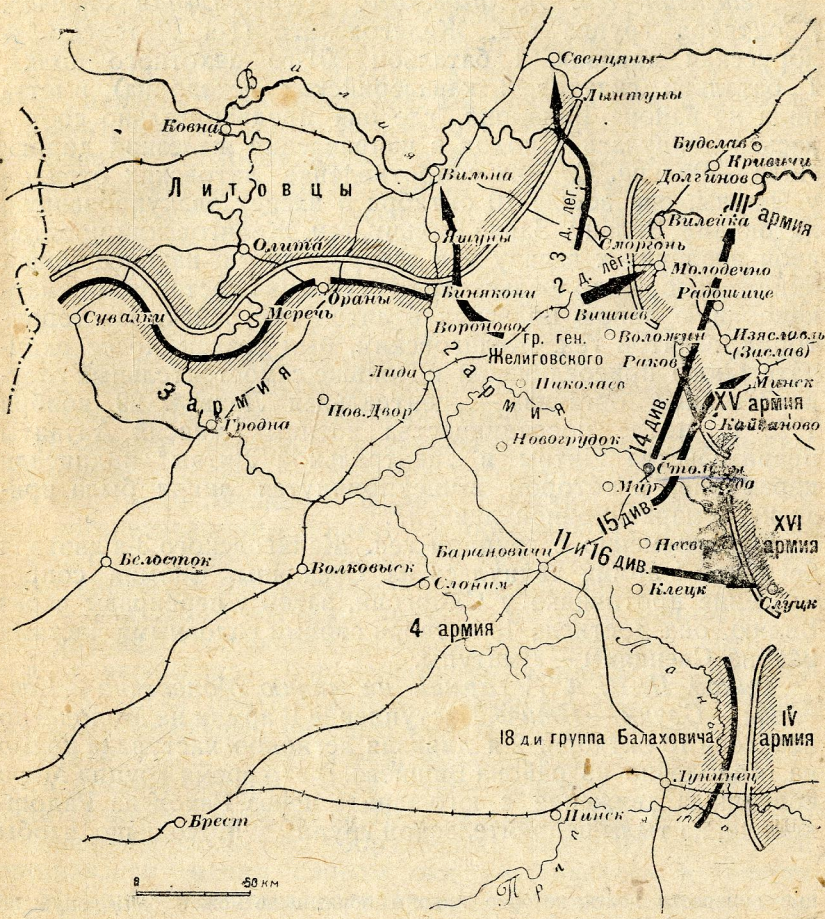

Схема 31. Завоевание западной Белоруссии (последние операции — октябрь 1920 г.).

была быть проявлена 1-й Литовско-белорусской дивизией, являвшейся главной ячейкой этой группы, которая в 1918 г.

[1] Польское правительство, член Лиги наций, в это время обманывало Лигу наций, заверяя, что ген. Желиговский и его армия порвали всякую связь с польской армией, что неподчинение и разрыв уз, которые связывали их с польской армией, должны рассматриваться как вопиющее (!) наруше-

была сформирована из добровольцев[1], происходивших из Литвы и Белоруссии.

Действия ген. Желиговского. „Центральная Литва". 7 октября группа ген. Желиговского (1-я Литовско-белорусская дивизия, 1 батальон 201-го пехотного полка, 1 батальон скаутов, 2 кавалерийских эскадрона) выступила из района Бинякони, где она предварительно собралась и двинулась в поход в направлении железной дороги Лида — Вильна. Сломив сопротивление литовских отрядов у Яшуны, она вошла 10 октября в наспех эвакуированную литовцами Вильну. Заняв Вильну, ген. Желиговский простер свои владения к западу и к северу и достиг наконец общей линии, которая до июльского отступления составляла демаркационную линию польских и литовских войск. На территории, занятой ген. Желиговским, был создан до ее окончательного присоединения к Польше самостоятельный государственный организм — „центральная Литва". 29 ноября 1920 г. после посредничества военных миссий Антанты правительства Литвы и „центральной Литвы" подписали перемирие, в котором вышеупомянутая линия была признана демаркационной линией[2].

Одновременно с группой ген. Желиговского 3-я дивизия легионов I армии двинулась на Свенцяны. Сломив сопротивление противника у Сморгони, затем у переправы через Вилию, она достигла 10 октября своими головными частями района Свенцяны — Лынтупы.

Выход II, III и IV армий на линию Молодечно — Койданов — Слуцк — Птичь. Наступление II армии на Молодечно началось 10 октября. 2-я дивизия легионов наступала прямо на Молодечно из района Вишнева. В это время группа Мира совершала движение с юго-запада через Раков на Радошковичи, на тылы неприятельской группы у Молодечно, чтобы

ние воинского долга, которое никоим образом не может быть допущено и по поводу которого будет учреждено польскими властями строгое расследование (!); оно „сожалело", что неподчинение части войск под командованием ген. Желиговского нарушило общее желание закончить польско-литовский конфликт полюбовно, однако не может за это принять на себя никакой ответственности. Таковы слова и дела польского правительства.— *Ред.*

[1] Главным образом сынков местных польских помещиков, кулаков и шовинистически настроенной мелкой буржуазии. — *Ред.*

[2] В конечном результате Антанта решила вопрос о Вильне в пользу Польши, не удовлетворив Литву, которая продолжала заявлять протесты в то время, как Польша, не удовлетворяясь захватом Виленской области, сохранила по настоящее время в своей программе „борьбы за свои границы" захват всей Литвы. — *Ред.*

отрезать ей отступление на Минск. 12 октября 2-я дивизия легионов овладела Молодечно. В то же время конница группы Мира овладела районом Изяславль — Радошковичи. Разбитые советские войска частью пробивают себе путь на Минск, частью спешно отходят к востоку. На следующий день операция была закончена: 2-я дивизия легионов после упорного боя завладела Вилейкой к северу от Молодечно, 1-я дивизия легионов заняла район Радошковичи, а кавалерия продвинулась до Долгинова и Кривичи.

С таким же успехом развернулись действия IV армии. Главные удары были направлены: один—на Минск, по железной дороге, другой — на Слуцк, по шоссе. IV армия вступила в ожесточенный бой у Койданова и вышла 12 октября на линию Койданов — Узда — Слуцк. Продолжая по собственной инициативе операцию на своем левом крыле, армия заняла в следующие дни Минск и вышла на линию Изяславль — Ратомка — Верхняя Птичь.

Последнее польское наступление, начатое Неманским сражением, привело к полному разгрому противника. Советские армии Западного фронта перестали существовать как организованные единицы[1]. Чтобы вернуть им боеспособность людскими и материальными пополнениями, нужно было время, но беспрерывное преследование, производившееся польскими частями, не дало им этой возможности, что повлияло решающим образом на ускорение переговоров о перемирии. Эти переговоры длились с середины августа, когда почти накануне решающей атаки на Вепше польская делегация перешла линию фронта, чтобы отправиться в Минск. Требования, предъявленные тогда советским правительством, были очень тяжелые. Они обозначали границу Польши на Буге и содержали условия об ограничении польских вооруженных сил и их внутренней организации; одним словом они вмешивались в области внутренней политики государства. Все же мало-по-малу под влиянием развертывавшихся на фронте событий требования советской делегации уменьшились и позволили на деле приступить к переговорам. Принимая во внимание тяжелые обстоятельства, в которых польская делегация

[1] Красные армии, имея перед собой превосходные силы белополяков, снабженных иностранными империалистами, отдавая часть своих сил на Крымский фронт, вынуждены были отступать. Однако автор сильно преувеличивает, говоря о дезорганизации красных армий, чтобы обосновать победу польских войск, каковой на самом деле не было. Красные армии не были уничтожены, что отмечает и французский автор Сэн-Дизье. — *Ред.*

находилась в Минске, по просьбе Польши место переговоров перенесли в середине сентября на территорию нейтрального государства, в Ригу.

Перемирие. 12 октября был подписан предварительный мир; в силу предусмотренного перемирия приостановление военных действий было назначено на 18 октября в 24 часа. Линия перемирия между Двиной и Неманом соответствовала границе, предусмотренной предварительным мирным договором; она проходила приблизительно на Двине от точки соприкосновения латвийской и советской границ восточнее Друи к Дисне, затем — через Ореховно на железной дороге Полоцк — Молодечно, через Докшицы — Долгинов — Радошковичи — Раков и доходила до железной дороги Минск — Барановичи около Колосова. Южнее, между Неманом и Днестром, войска обеих сторон должны были остановиться на пунктах, достигнутых к 18 октября, в общем на 10 *км* к востоку от предусмотренной границы; польские войска должны были таким образом занять между прочим в Белоруссии — Слуцк, в Полесьи — Капцевичи, недалеко от Птичи, и к югу от Припяти—линию, которая в общих чертах сливалась с линией, занятой до весеннего наступления. Польские силы постепенно отходили на эту линию, отмеченную подробно польско-советской комиссией по перемирию; она соответствовала группировке, которая с одной стороны приближалась к условиям нормального мира, с другой стороны позволяла в случае разрыва перемирия действительную оборону.

Итак настал час, когда после двух лет войны верховный главнокомандующий мог обратиться к своим солдатам с последним прощальным приказом [1].

„Солдаты! Два долгих года, первые годы существования свободной Польши, были проведены вами среди тяжелого труда и кровопролитных усилий. Вы кончаете войну великолепной победой, и враг, сломленный вами, наконец решился подписать первые и основные условия долгожданного мира. Солдаты! Не напрасно, не ради ничтожных целей вы трудились. Новая Польша обязана своим существованием блестящим победам западных держав над империями, разделившими ее, но с первых же моментов жизни свободной Польши масса жадных рук протянулись к ней. Она увидела направленные против нее бесконечные попытки ее

[1] Мы приводим текст этого приказа дословно как яркий образец буржуазно-империалистической „политобработки" армии. — *Ред.*

уничтожить, чтобы обратить ее существование в игрушку в чужих руках, в пассивную зону для всего мира. Польская нация прибегла к оружию и совершила огромное усилие, создавая многочисленную и мощную армию. На мои плечи как верховного главнокомандующего в ваши руки как защитников отечества нация возложила тяжелую задачу— защитить существование Польши, завоевать ей всеобщее уважение, дать ей полностью свободу располагать своей судьбой. Солдаты! Вы сделали Польшу могущественной, уверенной в своих силах и свободной (?). Вы можете быть довольны и горды, что выполнили свой долг. Страна, которая в два года смогла создать такого воина, может спокойно глядеть на будущее!" [1].

Победивший солдат однако знал и хорошо понимал, что если его усилия увенчались успехом, этим он был обязан единственно своему вождю. Он знал, что его, солдата, труд являлся только эманацией могущества созидательного мозга и неукротимой воли вождя.

Обширный ум первого начальника государства оформил военные труды верховного главнокомандующего, и благодаря ему возрожденной Польше удалось быстро выйти из ноябрьских туманов 1918 г. и создать себе собственными усилиями [2] необходимые для своего существованих и для своего дальнейшего развития рамки.

Только благодаря результатам этих 2 лет Польша смогла создать положение, при котором она включает в своих настоящих границах Восточную Галицию и Львов, широкую полосу территории к востоку от Буга и Виленскую землю.

Решение совета послов Антанты от 15 марта 1923 г., принятое во исполнение Версальского договора, признало границей между Советской Россией и Польшей линию, проведенную мирным польско-советским договором от 18 марта 1921 г., и границей между Польшей и Литвой почти тождественную установленной перемирием 1920 г. Это решение в общем только зарегистрировало признание de jure уже совершенного Польшей факта.

Все же прошло еще несколько недель после перемирия, которое ставило предел борьбе Польши против Советской России, прежде чем последние отголоски борьбы затихли

---

[1] См. примечание на стр. 57.—*Ред.*

[2] Автор замалчивает решающую помощь Антанты, в частности Франции, которая, оказывая помощь Польше, имела в виду осуществление интервенции против советских республик.—*Ред.*

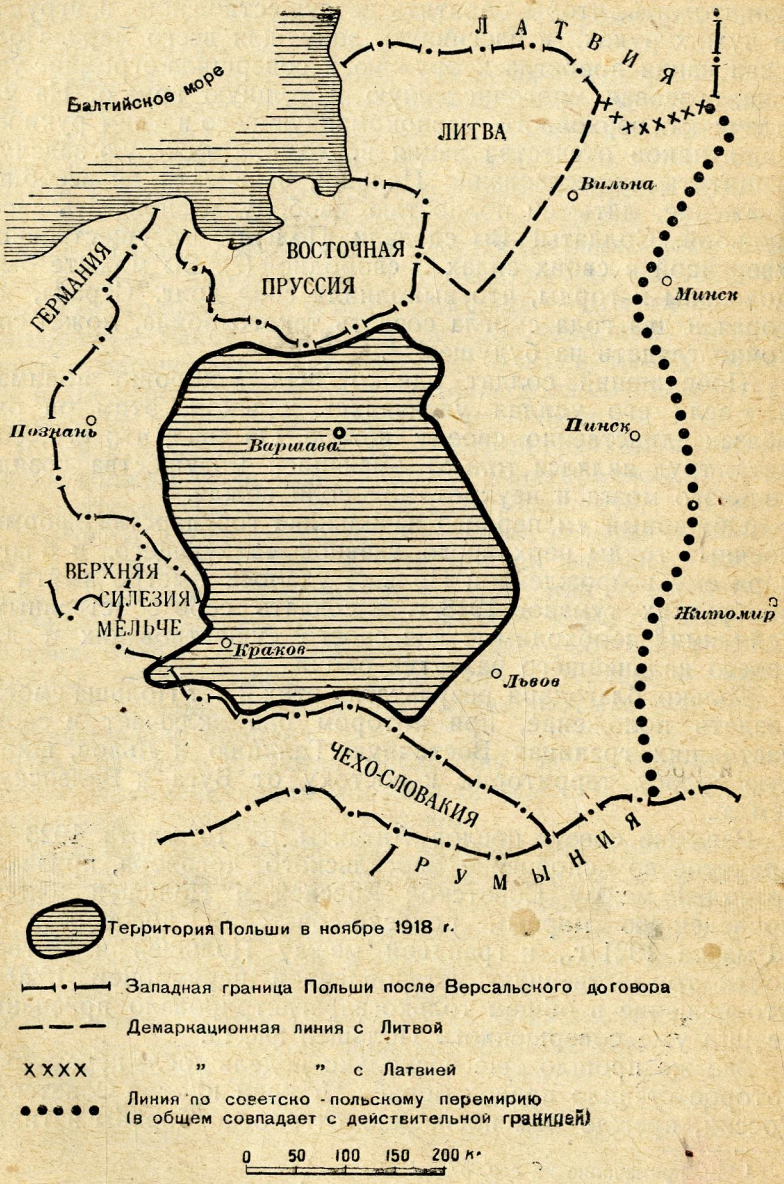

Схема 32. Территория, завоеванная Польшей с 1918 г. по 1920 г.

перед линией, занятой польскими войсками. Украинские отряды, лишенные поддержки польских войск так же, как белорусские отряды Балаховича [1], вступили в отчаянную борьбу, если не за независимость своих наций, то по крайней мере за честь оружия. Украинские войска, которые при поддержке польских войск до перемирия продвинулись до линии Уборти, Слуцка и Морахвы, не прекратили борьбы. Они заняли Жмеринку, Литин и дошли до Брацлава, но тут они были разбиты атакой значительных советских сил и постепенно отступили к западу. Около 20 ноября они перешли Збруч у Волочиска и Тарноруда и перешли на польскую территорию. Отряд Балаховича, сосредоточившийся к востоку от Лунинца, атаковал в первых числах ноября Мозырь и Калинковичи по обоим берегам Припяти, занял эти два города и двинулся на Речицу и Жлобин. После неудачного боя у Речицы, окруженный со всех сторон советскими дивизиями отряд был принужден после упорной защиты Мозыря так же, как украинские войска, отступить за линию польских войск.

Глава XVI.

Третье восстание в Силезии.

Плебисцит и начало восстания. 20 марта 1921 г. в Силезии происходил плебисцит в пределах, предусмотренных Версальским договором. Почти 80% районов на правом берегу Одера в итоге дают безусловное большинство голосов за Польшу [2]. Поэтому, если бы результат плебисцита считать единственным авторитетом и решающим фактором, польско-германская граница должна была бы проходить вдоль Одера от границы с Цешинской Силезией до деревни Земниц, находящейся между Крапицем и Оппельном, оттуда сворачивать к северо-востоку и, переходя около Розенберга

---

[1] Польша поддерживала Петлюру, Балаховича и Савинкова не только до подписания Рижского договора, но и после этого, причиняя нам еще в течение 1921 и 1922 гг. не мало затруднений, связанных с действиями зарубежных банд (см. сборник „Советская Россия и Польша", изд. НКИД, 1921 г.) — *Ред.*

[2] Надо при этом учесть „обработку" населения и давление французского и польского империализма. В последние годы при местных выборах количество голосов за немцев увеличилось. Во всей Верхней Силезии 707 393 человека голосовало за Германию, 479 365—за Польшу. — *Ред.*

(Олесьно), соединяться с существующей линией польской границы у Пышек. Полученные результаты ясно и недвусмысленно говорили, что территория, охваченная этой линией, включая промышленный район, составляет сплоченный блок, имеющий польское большинство и выражающий решительное желание местного населения присоединиться к польскому государству.

Однако Верхняя Силезия с первого момента подготовительных работ к Версальскому миру стала объектом споров, в которых национальный момент не играл, как это должно было вытекать из программы Вильсона, решающей роли. В Верхней Силезии видели прежде всего одну из наиболее ценных промышленных областей Европы, а политика германского правительства приложила все усилия, чтобы доказать, что силезский вопрос связан с вопросом о платежеспособности Германии и с возможностью выполнить налагаемые на нее репарации. Поэтому Версальский договор ограничил принцип самоопределения географическими и экономическими соображениями, а окончательное решение о разделе должно было исходить из Высшего совета Антанты на основе соответствующего проекта силезской междусоюзнической комиссии.

Этого решения силезский народ ожидал с нетерпением и беспокойством. Тем временем внутри самой комиссии оказалось невозможным согласовать мнения и составить общий проект раздела. Председатель комиссии, представитель Франции, считал правильной разграничительной линией такую линию, которая более или менее совпадала бы с линией, намеченной результатом плебисцита, а представители Англии и Италии проектировали предоставить Польше всего лишь Рыбникский и Пшчинский (Плесс) уезды с небольшой частью Катовицкого уезда.

Англо-итальянское предложение не было таким образом просто поправкой; оно зачеркивало результаты плебисцита, не говоря уже о том, что даже наиболее далеко простиравшийся французский проект предполагал решение, неудобное для Польши в том отношении, что, исключая железнодорожный узел в Крейцбурге, он лишал Силезию связи с прилегающей с севера территорией Великопольши.

Сведения о том, что комиссия не пришла к общему решению и выслала два отдельных доклада, а в особенности о проекте представителей Англии и Италии, опубликованные силезской (польской националистской — *Ред.*) печатью

30 апреля, вызвали большое возмущение,[1] а также серьезные опасения относительно предстоящего окончательного решения Высшего Совета.

В знак протеста 2 мая произошла всеобщая стачка в шахтах и на заводах, а в ночь со 2 на 3 мая „силезский народ“[2] взялся за оружие, чтобы силой свершившихся событий стать хозяином той земли, которую он считал своей и бесспорное право на владение которой он доказал в недавнем плебисците. По словам немецкого историка восстание, „как подпочвенная вода, неожиданно поднимающаяся и заливающая землю, — так значительную часть Верхней Силезии затопила в один момент волна повстанческих банд“.

Организация сил восставших и местности, охваченной восстанием. Кадры повстанческих сил состояли из участников предшествующих восстаний, сгруппированных в Польской военной организации. Та же организация выделила из своей среды руководящие военные круги. Руководство вооруженным движением было в руках главного командования повстанческих войск с полковником Новина-Доливой (Мельжинским), а позднее с полк. Варвасом (Ценктеллером) во главе. Одновременно с этим был создан политический орган, представлявший высшую власть на территории восстания, „исполнительный комитет высшей власти“, с прежним плебисцитным комиссаром Корфантым во главе.

В начальный период восстания части восставших выступали в виде территориальных частей в соответствии с местом мобилизации; вскоре однако с момента создания действительного фронта они были реорганизованы в регулярные воинские части: батальоны, полки, а в одном случае—и в дивизию. В оперативном отношении вся совокупность сил делилась на три группы: южную, восточную, т. е. среднюю, и северную. Приток добровольцев достиг цифры 30 000; однако вследствие недостатка оружия и снаряжения только половина или в лучшем случае две трети из них могли быть использованы для действий на фронте или для изоляции незанятых повстанцами городов за линией фронта, а остальные были использованы при выполнении

---

[1] Эти сведения были переданы в провокационной форме в польской прессе и сразу же посеяли вражду между польскими и германскими рабочими.—*Ред.*

[2] Подразумеваются польские националистские военные организации, усиленные притоком добровольцев и „командировками“ солдат и целых частей из Польши.—*Ред.*

вспомогательных заданий на этапах. Одним из важнейших организационных затруднений являлся значительный по отношению к общей численности недостаток офицеров. Значительный приток добровольцев с польской территории не мог в достаточной степени восполнить этот пробел.

Не менее плодотворны, чем усилия, направленные на создание воинских частей, были усилия, устремленные к организации территории за линией фронта как в целях чисто военных, т. е. для материальной поддержки армии, находившейся в боях, так и для поддержки нормального хода работ в промышленном районе, чему по политическим соображениям [1] придавалось большое значение.

Организация немецких вооруженных сил до и во время восстания. После второго восстания, которое привело к разрушению их прежней опоры в Силезии—„полиции безопасности" немцы приступили к созданию в соответствующей форме новой военной организации. Это была тайная, прикрывавшаяся всевозможными общественными и культурно-просветительными обществами и связанная с общенемецкой организацией, так называемой „Оргеш" (Organisation Escherich),—„Верхнесилезская самооборона". В составе „Самообороны" до начала восстания насчитывалось несколько сот офицеров и около 20 000 человек. Внутри „Самообороны" были отобраны наиболее опытные и верные солдаты, составлявшие специальные ударные части. Организация имела значительные материальные средства и была хорошо снабжена техническими средствами, оружием и боеприпасами, что выяснилось при взятии восставшими складов. Внутреннее устройство естественно опиралось на принцип территориальности с делением на уезды, участки и отдельные местности; в рамках этого деления создавались соответствующие воинские части—секции, взводы и роты, причем там, где это было необходимо, предусматривалась придача частей из других уездов.

Однако неожиданное начало восстания застало немецкую „Самооборону" врасплох до такой степени, что за небольшими исключениями она нигде не смогла оказать твердого сопротивления, а также не успела выйти из пределов территории, охваченной восстанием; таким образом в дальнейшем ходе событий могли участвовать только части из

---

[1] Повстанцы очевидно заботились об интересах французских капиталистов, в собственность которых уже перешла часть верхнесилезских предприятий.—*Ред.*

Западной Силезии, что составляло вместе с немецкой частью смешанной плебисцитной полиции в первые дни восстания около 10 000 человек. Дальнейший значительный рост немецких сил объясняется наплывом немецких добровольцев из Германии, в том числе сплоченных частей, имевших хорошую внутреннюю организацию и хорошее боевое снабжение, как например часть, выступавшая под названием „Оберланд“ и прибывшая из Баварии. В дальнейших боях эта часть играла роль как бы ударной части.

Значительное количество высшего офицерства сделало возможным создать хорошее командование и штабы. Главное командование получил ген. Геффер, один из бывших командиров дивизий на Западном фронте. Вся совокупность сил так же, как на стороне поляков, состояла из трех оперативных групп: южной, средней и северной.

Первый период восстания — овладение территорией. Так же, как это имело место в восстании 1920 г., первый период состоял в быстром овладении восточной частью Силезии.

Мобилизация ПВО была проведена в течение одной ночи или в течение дня 3 мая. После разрушения всех телеграфных и телефонных линий были заняты важнейшие пункты, а именно: Катовицы, Хоржув с электростанцией, обслуживавшей всю промышленную Силезию, Семяновицы, Королевская Гута, Гайдуки, Тарновские горы, Жоры (Сорау), Пшчина (Плесс), Рыбник, Забрже, Пысковицы, Лаванд (Лабенды) с водопроводной станцией, Канджин, взялись за оружие во многих пунктах уездов: Рацибор, Глейвиц, Козель, Гр. Стрелец, Оппельн, Розенберг (Олеского) и Люблинец. Более серьезные бои произошли в Хоржуве, Гайдуках, Забрже, Водзиславе (Лослау) и Рыбнике. В Рыбникском уезде имело место кровавое столкновение с наступавшими частями итальянского гарнизона. В ночь со 2 на 3 мая произошла успешная диверсия в тылу противника, где специальные подрывные части взорвали мосты и важнейшие железнодорожные постройки у Одера,—вернее на северо-западной границе Верхней Силезии,—прерывая таким образом сообщение с Германией, чтобы обезопасить восстание от более быстрого противодействия извне, с запада.

Быстро и энергично проведенное начало восстания застало врасплох союзные учреждения и войсковые части не менее, чем немцев. Союзнические гарнизоны, расположенные в Оппельне, Глейвице, Пысковице, Забрже, Бытоме, Ка-

товицах, Гр. Стрелице, Тарновских горах, Козелле, Рациборе, Рыбнике, Пшчине и Миколове (Николай), состояли из французской пехотной дивизии усиленного состава и итальянской пехотной дивизии с кавалерийским дивизионом. Однако уже с утра 3 мая произошла интервенция междусоюзнических властей [1]. Руководящие круги восстания, стремившиеся с самого начала избегать столкновений с упомянутыми властями и войсками, не считаясь с тактическим неудобством этого решения, освободили занятые уже города, за исключением Королевской Гуты, Хоржува и Лабенды. В Катовицах дошло до вооруженного столкновения.

После ухода восставших частей из городов союзнические гарнизоны приняли оборонительное положение, часто при значительной поддержке местных отрядов „Самообороны", ограничиваясь лишь укреплением своих гарнизонов и закрытием в них доступа извне.

Большое неудобство, возникшее вследствие ухода из городов, а именно потерю железнодорожных узлов и центров проволочной связи, восставшие старались компенсировать, приступив немедленно к постройке временных железнодорожных, а также телеграфных и телефонных линий. Выделенные части получили задачи наблюдать за городами и в первую очередь не допускать выхода из них отрядов „Самообороны"; такие попытки имели место в нескольких случаях.

Непосредственно после занятия вышеуказанной территории повстанцы направили движение на запад, чтобы возможно быстрее подойти к Одеру как натуральной линии сопротивления в случае ожидаемого нападения немцев. Это в особенности касалось средней группы, двигавшейся в направлении на Козель, Крапицы и Оппельн, а также северной группы, идущей вдоль железнодорожных линий на Оппельн и Крейцбург.

До 12 мая фронт восставших установился на линии реки Одера от границы с Цешинской Силезией до Гоголин около Крапиц, оттуда отклонялся в северо-западном направлении на Тарново и Малопане, местностей, расположенных в радиусе примерно 15 — 20 *км* к востоку от Оппельна и дальше через станцию Розенберг к польской границе в окрестностях Прашки.

---

[1] Французские войска и в частности ген. Ле-Рона в Бытоме, который уехал „в командировку" в этот момент совершенно не препятствовали выступлению.—*Ред.*

Таким образом территория, отрезанная боевым фронтом от Германии, примерно соответствовала той территории, которая по плебисциту определилась, как спаянный польский блок.

Ход действий на фронте между 12/V и 25/VI. Установление фронта с польской стороны определялось причинами политического характера. Верховная власть восстания уступала требованиям междусоюзнической комиссии, которая пыталась приостановить борьбу с противниками и поэтому ограничивала действия главного командования зачастую вопреки самым насущным требованиям тактики.

С немецкой стороны было совсем по-иному. Немецкое командование было оппозиционно настроено к междусоюзническим властям и проявляло собственную оперативную инициативу, применяя ее, как только это позволяла концентрация сил.

После нескольких дней относительного спокойствия 21 мая немецкие части перешли к плановому и хорошо подготовленному наступлению в центре польской центральной группы, в районе Крапиц, пользуясь при этом удобными условиями, созданными добровольным уходом восставших по требованию междусоюзнической комиссии из Гоголина. Основой немецкого плана было стремление сломить польский фронт и занять Глейвиц. На следующий день действие охватило также участок северной группы, где бои сконцентрировались в районе ст. Олеска и в районе Зембовиц, а вскоре и участок южной группы с целью форсирования и выхода на правый берег Одера. Бои с большим напряжением продолжались до 27 мая, когда немецкое наступление заметно сломилось вследствие упорного сопротивления повстанческих частей. На обоих флангах польский фронт удержался на занимаемых позициях; только в центре, в месте главного удара, немцы имели некоторый успех, продвинувшись узкой полосой на несколько километров вперед и заняв район Аннаберг, где подготовленная восставшими контратака не произошла по требованию междусоюзнической комиссии.

После нескольких дней перерыва, заполненного местными столкновениями, 4 июня немецкое командование возобновило наступление в направлении на Глейвиц. На этот раз наступление охватило более широкий фронт, так как кроме натиска в районе Аннаберг противник оказал решительный натиск на Канджин и дальше на Славенцицы. Результатом 3-дневного боя было некоторое рас-

ширение и углубление немцами того мешка, который получился в результате первого наступления, так как части восставших были вытолкнуты на линию Бирава — Кл. Ал. Хамер — Рудзиниц Шехлау — (Хехлово) — Гр. Стрелиц. На остальных участках фронт не изменился.

На этой линии начался первый видимый акт окончания восстания. Хотя обе стороны продолжали организовываться и стоять в боевой готовности, а в некоторых местах происходили столкновения, однако обе стороны уже чувствовали, что наступает перемирие, навязанное междусоюзнической комиссией.

Ликвидация восстания. Переговоры об установлении демаркационной линии и разъятии борющихся сторон междусоюзническая комиссия повела еще 5 мая, а через два дня предписала обеим сторонам перемирие, указывая в качестве демаркационной линии, обязывавшей на время дальнейших переговоров линию вдоль Одера от Канджина и дальше через уезд Гр. Стрелиц, Гутентаг (Добрыдзень), Бодвековиц (Боцяновицы) к польской границе.

Когда немецкое наступление, начатое 21 мая, и происшедшие вследствие этого бои уничтожили на практике и перемирие и демаркационную линию, междусоюзническая комиссия снова вмешалась. Вследствие этой интервенции произошел перерыв в действиях на несколько дней — между 27 мая и 4 июня.

Второе немецкое наступление вызвало со стороны междусоюзнической комиссии определенное указание: немецким частям — отойти на линию, занимаемую до наступления, восставшим — не занимать вновь освобожденных пунктов.

Локализировав противников, комиссия приступила к разграничению противников путем создания нейтральной полосы, занятой подчиненными ей частями. На основании договора, заключенного 11 июня между междусоюзнической комиссией и главным командованием восставших, части восставших вышли 12 июня на демаркационную линию, идущую приблизительно вдоль фронта, а освобожденные от них местности были заняты прибывшими в то время в Силезию английскими частями. Одновременно с этим французские части заняли линию фронта с немецкой стороны.

С этого момента ликвидация восстания шла быстрыми шагами. Применяясь к требованиям междусоюзнической комиссии, обе стороны в договоре от 25 июня приняли обязательство отойти с плебисцитной территории до демобилизации. Отход происходил со стороны поляков в четыре

этапа, со стороны немцев — в два; отход начался 28 июня, окончился 5 июля. Власть над всей территорией нераздельно находилась в руках междусоюзнической комиссии и находившихся в ее распоряжении союзнических частей; из местных учреждений сохранилась только волостная полиция, созданная в последний период восстания.

Демобилизация повстанческих частей происходила планово и в полном порядке. Меньшая их часть перешла границу и ушла на польскую территорию.

Окончательная судьба Силезии еще долгие недели находилась под вопросом, и много месяцев пришлось ждать, пока польская власть вступила в свои права в тех пределах, которые были ей указаны. На конференции высшего совета Антанты, происходившей 12 августа, разногласие мнений представителей Англии, Франции и Италии сделало невозможным принятие какого-либо решения. Только после обращения к Лиге Наций конференция послов 20 октября установила раздел Силезии и теперешнюю границу между Польшей и Германией. На польской стороне остались уезды Катовице, Пшчина, и часть уездов: Рыбник, Рацибор, Забрже, Глейвиц, Бытом, Тарногура и Люблинец.

По истечении более чем полугода, 22 июня 1922 г., на территорию польской Силезии вступили польские войска, заключив торжественным актом объединение возрожденной Польши.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авалов-Бермонт, 140.
Александрович, ген., 73, 74.
Анри, ген., 12, 14.

Бабянский, ген., 76, 112, 114, 116, 121.
Балахович, 197, 214, 217, 225, 233.
Бансийон, 21.
Баран С., 30.
Безелер, фон, герм. генерал, 7, 49, 54.
Белина-Пражмовский, полковн., 104.
Бербецкий, полковн., 74, 76.
Беседовский, 29.
Бисмарк, 129.
Боннэн, ген., 141.
Буденный, 162, 163, 165, 167, 179, 180, 181, 182, 186, 191, 212, 213, 214, 217.

Варвас (Ценктеллер), полк., 235.
Василевский, соц. предатель, 49.
Вейган, фр. ген., 21, 22, 175, 184, 187, 188, 190.
Венцковский (представ. Польши), 79.
Вечоркевич, майор, 70, 71.
Вильсон Вудро, 115, 234.
Врангель, ген., 22, 25, 143, 217.
Врочинский, полковн., 61, 63.

Гай, 196, 200, 202, 203, 204.
Галлер И., ген., 8, 12, 13, 14, 15, 19, 23, 44, 47, 66, 109, 110, 112, 114, 118, 119, 120, 121, 128, 133, 192, 203, 216.
Галлер С., полковн. (ген.), 65, 165, 213, 214, 216.
Галлер Ю., ген., 175, 186, 199.
Гемпель, майор, 12.
Герсинг, герм. губернатор в Силезии, 130, 131
Геффер, герм. генерал, 237.
Гозер, 197.
Головин, ген., 26.
Голувко, 44.
Гофман, ген., 80.
Грабский С. (лидер н.-д.), 226.
Греков, ген., 67.
Гуперт, автор, 9, 15.

Дашинский Игнатий, 53.
Деникин, 16, 17, 18, 20, 24, 25, 45, 116, 136, 137, 140, 145, 162.
Дивульский, полковн., 108.
Дмовский Р., 4, 6, 46.
Довбор-Мусницкий, ген., 7, 14, 43, 66, 92, 128.
Дюпон, франц. ген., 128.
Дюшен, франц. дипломат, 22.

Енджеевский, ген., 114, 169, 216.

Жанен, франц. ген., 29.
Желиговский, ген. 8, 45, 114, 120, 138, 169, 172, 173, 176, 177, 199, 214, 216, 220, 225, 226, 227, 228.
Жондковский, 169, 173.

Загурский, полковн., 199.
Зажицкий, полковн., 108.
Залесский, пльский дипломат, 115.
Зелинский, ген., 71, 72, 74, 193.
Зыгалович, ген., 126, 127, 128, 138, 169.

Ивашкевич, ген., 73, 74, 77, 82, 99, 101, 110, 112, 113, 114, 117, 126, 154, 155, 193.

Казимир Великий, 128.
Какурин, 220.
Карницкий, ген., 76, 110, 112, 119.
Кароль, рум. король, 29.
Клемансо, 115.
Колчак, 17, 18, 20, 24, 25, 45, 143, 186.
Конажевский, полковн., 73, 125.

Корфанти, 9, 235.
Крайовский, ген., 214, 216, 217, 221, 224, 225.
Краличек-Крайовский, ген., 74, 181.
Кулинский, полковн., 72.
Кутепов, 29.

Ламезан-Фален, ген., 216.
Лапинский, поруч., 68.
Левицкий, А., 30.
Левицкий, Д. 30.
Ленин, 19, 23, 144.
Ле Рон (Ле-Ронд), 29, 205, 238.
Лесневский, ген. 63, 65.
Листовский, ген., 77, 82, 104, 108, 126, 154, 161.
Литвинов, 22.
Ллойд-Джорж, 115.
Лушер, 29.
Людендорф, ген., 4, 7.
Лясоцкий, ген., 104, 106, 107, 108, 124, 125, 138.
Лятиник, полк., 84, 86, 192, 216, 217.

Маевский, ген., 65.
Маркс Карл, 6.
Мартель, франц. писатель, 115, 219, 225.
Мархлевский Ю., 17.
Масснэ, ген., 119.
Меликов, 220.
Менчинский, капитан, 68.
Миллер, ген., 143.
Минкевич, полковн., 71, 72, 73, 74, 76, 112.
Мокжецкий, ген., 106, 107, 108, 125.
Морачевский, социал-фашист, 12.

Николай Николаевич (Романов), 4.
Новина-Долива (Мельжинский), полковн., 235.

Одри, ген., 110, 113.
Омельянович-Павленко, ген., 67.
Осинский, ген., 203, 221.
Оскилко, атаман, 75, 76.

Павленко, ген., 214.
Падеревский И., 6, 90, 115.
Петлюра, 16, 18, 20, 30, 116, 135, 136, 137, 140, 146, 148, 233.
Пилсудский, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 52, 55, 56, 58, 61, 78, 79, 80, 101, 104, 134, 136, 144, 146, 148, 151, 156, 157, 161, 162, 165, 174, 175, 184, 189, 190, 199, 203, 225.
Пилсудский, Ян., 30.
Пискор, 19.
Поморский, 165.
Пуанкаре, 27, 29.
Пшибыльский, 16, 17, 18, 22, 24, 57.

Рамзин, 27.
Рашевский, ген., 166, 192, 197.
Розвадовский, ген., 5, 9, 15, 23, 61, 63, 72, 73.
Роммер, ген., 15, 71, 72, 73, 154, 166.
Роя, ген., 51, 54, 69, 184, 193, 197.
Руммель, ген., 217.
Рыбак, полковн., 14., 154, 155, 162.
Рыдз-Смиглый, ген., 52, 53, 54, 75, 76, 104, 105, 106, 107, 108, 137, 138, 142, 152, 154, 155, 156, 165, 167, 179, 192, 197, 202, 220.

Савинков, 233.
Савицкий, ген., 179.
Сальский, укр. „ген.“, 30.
Сен-Дизье, франц. писатель, 13, 14, 19, 20, 21, 22, 229.
Сикорский, ген., 11, 12, 23, 72, 74, 126, 150, 161, 169, 188, 192, 199, 203, 214, 225.
Саулис, лит. дипломат, 139.
Скарбек, 9.
Скерский, ген., 160, 193.
Скжинский, полковн., 70.
Славек, полковн., 30.
Сосновский, ген., 21, 65, 159.
Сталин, 20, 21, 22.
Стахевич, ген., 19, 28, 68, 92.
Струтынский М., укр. националист, 30.

Тачак, майор, 92.
Токажевский, полковн., 69, 70.
Тухачевский, 168, 189, 190, 191, 195, 196, 201, 204, 220, 224.

Уншлихт, И., 19.

Фалевич, 25.
Фош, маршал, 8, 15, 49, 91, 134, 188.
Франше д'Эспере, 29.

Черчилль, 17,
Чичерин, 18.
Чума, 8.

Шварцбард, 136.
Шептицкий, ген., 24, 63, 65, 82, 83, 104, 108, 124, 125, 126, 160, 161, 162, 171, 172, 175,
Шкода, 12, 29.

Шнейдер, 29.
Шульгин, 26.

Энгельс, 6.

Юденич, ген., 143.
Юнг, ген. 223.

Яворовский, 200, 201, 202.
Якир, 162, 164.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

Августовские леса, 222.
Австрия, 34, 37, 38, 49, 51, 52, 62.
Австро-Венгрия, 4, 32, 35, 50.
Азия, 143.
Америка, 46, 59.
Англия, 17, 18, 25, 26, 27, 34, 46, 59, 108, 110, 112, 131, 144, 187, 234, 241.
Аннаберг, 239.
Антанта, 4, 12, 15, 17, 18, 20, 37, 40, 41, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 57, 64, 77, 78, 79, 88, 91, 114, 115, 117, 118, 120, 121, 122, 128, 131, 133, 143, 144, 146, 187, 188, 194, 211, 219, 228, 231, 234, 241.
Антополь, 82.
Аута, р., 137, 138, 160, 161, 169.

Бавария, 237.
Базалия, р. 16, 136.
Байона, 46.
Балигрод, 72.
Балла (ы), 223.
Балтийское море, 28.
Балтика, 147.
Барановичи, 6, 15, 82, 84, 95, 101, 103, 105, 106, 108, 122, 125, 224, 226, 230.
Барбаров, 150.
Бахмач, 150.
Бебжа (Бобр), 97.
Безданы, 106.
Белая Церковь, 162, 164.
Белз, 72, 73, 76, 213.
Беловеж, 218, 220.
Беловежская пуща, 96, 204, 218.
Белоруссия, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 19, 20, 24, 25, 43, 48, 56, 57, 59, 76, 77, 78, 79, 80, 104, 142, 151, 161, 168, 169, 226, 228, 230.
Белоруссия западная, 145, 226.
„ советская, 145.
Белорусский театр, 94.
Белосток, 77, 81, 95, 97, 139, 177, 179, 202, 203, 214, 218.
Бельск, 87, 177, 203.
Бенякони, 105, 228.
Бердичев, 20, 135, 152, 154, 155, 163, 165.
Березина, 6, 15, 16, 94, 125, 135, 137, 138, 148, 150, 156, 159, 160, 169, 172, 189.
Березина верхняя, 148, 160, 168.
Березина неманская, 225.
Березино, 127.
„ верхнее, 159.
Березно, 126.
Березинский канал, 135, 137.
Берестечко, 125, 180, 181, 216.
Берестовица, 221.
Берлин, 54, 55, 133
Бессарабия, 26.
Бешенковичи, 151.
Бжезаны, 113, 115.
Бирава, 240.
Бобруйск, 94, 103, 125, 135, 138, 168.
Богданов, 106, 107, 124
Богумин (Одерберг), 84, 86, 88, 209.
Болгария, 49.
Борисов, 125, 146, 151, 159, 168.
Бородянка, 165.
Боцяновицы, 240.
Браслав, 162, 233.
Брест, 43, 53, 77, 82, 95, 177, 179, 182, 183, 189, 200, 202, 214, 218, 221 (р-н), 97.
Брест-на-Буге (Б.-Литовск), 56, 94, 200, 202, 220.
Бровары, 156.
Бродница (Страсбург), 196.
Броды, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 126, 167, 179, 180, 181, 182, 183, 191, 193, 198, 216, 217.
Буг, 20, 54, 75, 76, 95, 96, 97, 100, 137, 174, 177, 182, 183, 184, 187,

189, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 204, 212, 214, 216, 229, 231.
Буг верхний, 142.
„ средний, 36, 97.
„ нижний, 96, 97.
Буковина, 8, 43.
Бучач, 110.
Быдгощ, 90.
Быстрица, 200.
Бытом (Бейтен), 205, 206, 208, 237, 238.
Бытомский, у., 133, 210, 241.
Бычина, 135.
Бяла, 56, 86, 183, 200.

Вадовице, 87.
Вапнярка, 162.
Варшава, 5, 11, 15, 21, 22, 23, 29, 35, 46, 53, 54, 55, 56, 57, 63, 68, 69, 70, 78, 87, 96, 97, 106, 138, 161, 163, 175, 183, 188, 189, 190, 192, 193, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 209.
Варшавский военный округ, 77.
Великобритания, 18.
Венгрия, 67.
Вензовна, 200.
Вепш, р., 36, 183, 189, 190, 191 192, 193, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 229.
Вепш верхний 192.
„ нижний, 96, 192, 197.
Версаль, 16, 24.
Вилейка, р., 106, 124, 229.
Виленщина, 15, 80, 99, 105, 231.
Вилия, р., 94, 173, 228.
Вильна (о.) 5, 15, 17, 24, 79, 80, 82, 84, 95, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 124, 138, 139, 168, 172, 173, 187, 219, 220, 223, 225, 226, 228.
Виленская область, 220, 226, 228.
Винница, 155, 163.
Висла, 20, 21, 22, 25, 87, 93, 95, 96, 97, 102, 183, 189, 190, 191, 192, 195, 196, 197, 200, 203, 204.
Висла нижняя, 97, 195.
Вислока, р., 63.
Витебск, 151.
Витебская губ. 80.
Вишенка, 74.
Вишнев, 225, 228.
Вишница, 200.
Вкра, р., 183, 186, 198, 199.
Владимир-Волынск., 76, 110, 112, 182, 214, 216.
Влодава, 76, 198, 200, 212, 214, 218.
Влоцлавск, 98, 195, 196, 197, 199.
Водзислав (Лослав), 237.
Волковыск, 65, 82, 95, 97, 139, 177, 220, 221, 223.
Волочиск, 233.
Волынь, 5, 10, 15, 16, 17, 19, 25, 59, 64, 66, 74, 75, 76, 94, 108, 110, 113, 114, 116, 119, 120, 122, 125, 126, 135, 136, 137, 140, 150, 187, 214, 217, 226.
Волынская губ. 80.
Волынь зап., 18.
Вольштын, 91.
Воронеж, 17.
Восток, 120.
Вохынь, 200.
Высокий двор, 103.
Вышегрод, 98, 196, 197.
Вышка, р., 143.
Вышков, 201.

Гайдуки, 237.
Гайновка, 177.
Галиция, 7, 9, 15, 34, 50, 51, 53, 58, 63, 66, 72, 73, 74, 75, 76, 109, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 122, 126, 134, 181.
Галиция (Малопольша) восточная, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 18, 44, 50, 51, 52, 58, 63, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 92, 98, 99, 101, 104, 108, 109, 112, 116, 117, 118, 122, 138, 187, 191, 193, 196, 214, 231.
Галиция (Малопольша) западная, 15, 50, 68.
Галич, 113, 216.
Гарволин, 200.
Гдыня, 29.
Гедройцы, 107.
Германия, 4, 7, 8, 29, 34, 35, 40, 41, 47, 49, 56, 58, 78, 89, 90, 109, 112, 114, 117, 120, 122, 128, 129, 130, 131, 134, 188, 207, 233, 234, 237, 239, 241.
Германовичи, 159, 169.
Глейвиц, 237, 239.
Глейвиц, Тостский у., 206, 210, 241.
Глубокое, 159.
Глуск, 169.
Гнилая Липа, 113, 114.
Гоголин, 238, 239.
Годуцишки, 107.
Гомель, 16, 25, 106, 137, 150.

Горынь, р., 18, 94, 126, 135, 146, 166, 167, 217.
Горынь верхняя, 126.
Горохов, 113, 196.
Гр. Стрелиц, 237 238, 240.
Грабовец, 212, 213.
Граево, 77, 95, 177, 203, 218.
Гродзец, 135.
Гродно, 82, 95, 102, 103, 108, 138, 142, 176, 177, 203, 204, 218, 219, 220, 221, 223, 224.
Гродно крепость, 108.
Гродненская губ., 77, 80.
Грубешов, 76, 196, 212, 213, 214.
Грудек-Ягеллонский (городок), 72, 73, 74.
Грудзендз (Грауденц), 126, 197.
Гура-Кальвария, 192.
Гутентаг, 240.
Гучва, р., 76.

Данциг, 6, 29, 187, 188.
„ коридор, 118, 129, 147, 188, 196.
Двина, 137, 138, 139, 140, 142, 143, 148, 158, 160, 161, 168, 169, 172, 189.
Двина Западная, 6, 15, 16, 93, 126, 135, 230.
Двинск, 18, 95, 106, 126, 137, 139, 140, 142, 143.
Демблин (Ивангород), 97, 98, 190, 192, 193, 196, 197, 200, 212.
Дераженя, 154, 217.
Дзедзицы, 135.
Дзялдов (Сольдау), 197.
Дисна, 158, 230.
Дитва, р., 84, 101.
Днепр, р., 18, 20, 93, 94, 137, 147, 150, 156, 161, 162, 164, 167, 189.
Днестр, р., 6, 93, 94, 96 103, 110, 113, 114, 154, 162, 166, 172, 216, 230.
Добжин, 196.
Добрыдзень, 240.
Докшицы, 160, 230.
Долгиново, 229, 230.
Долгобычев, 71, 76.
Долгое, оз., 169.
Домброва (Силезия), 86.
Домбровский бассейн, 5, 53, 134.
Дон, р., 8, 27.
Донбасс, 27.
Дриса, оз., 143.
Дрогичин, 183, 201.
Дрогомысл (Драгомышель), 87.
Друскеники, 220, 222.
Друя, р., 138, 230.
Дубенка, 212.
Дубно, 110, 116, 126.
Дукшты, 138.

Европа, 28, 34, 46, 57, 100, 144, 234,
„ Западная, 144.
Елень, 135.
Ельск, 150.
Езерна, 113, 114, 115.

Жабинка, 204.
Жадь, оз., 169.
Женева, 6.
Житомир, 140, 149, 152, 154, 155, 163, 165.
Жлобин, 19, 95, 122, 143, 157, 161, 233.
Жмеринка, 149, 152, 154, 155, 163, 233.
Жолкев, 71.
Жоры (Сорау), 237.
Жосли, 103.

Забрже, 237.
Забрский уезд, 133, 241.
Залещики, 216.
Заложцы, 114, 116.
Замостье, 198, 204, 212, 213.
Занеманск, 223.
Збараж, 127.
Збоншин (Бентшен), 91.
Зборов, 181, 216.
Збруч, р., 16, 115, 116, 117, 135, 136, 146, 161, 167, 172, 179, 181, 216, 233.
Збруч нижний, 181.
Зебжидовны, 87, 134.
Зегрже, 139
Зембовц, 239.
Земниц, 233.
Зельва, м., 177.
Зельвянка, р., 81.
Злота Липа, 113, 114, 115.
Злочов, 113, 114.
Зубжа, 74.

Игналино, 107.
Игумен, 125, 159, 169.
Изъявславль (Заслав), 125, 127, 128, 217, 229.
Иновроцлав (Гогензальца), 90.
Иппа, р., 168.

Ирпень, р., 164.
Италия, 46, 144, 234, 241.

Казатин, 20, 152, 154, 155, 156, 163, 165, 166.
Калинковичи, 19, 148, 149, 150, 161, 233.
Калиш, 56.
Калуш, р., 217.
Калушин, 200, 201, 202.
Каменец-Литовск, 204.
Каменец-Подольск, 6, 16, 116, 135.
Каменка, 113, 180, 216.
Камень, р., 137.
Канджин, 237, 239, 240.
Канев-на-Днепре, 44.
Капцевичи, 230.
Карвин, 86.
„ бассейн, 87.
Карпаты, 72, 95.
Картусская-Береза, 82, 177.
Карчев, 192, 197.
Катовицкий уезд, 133, 210, 234, 241.
Катовицы, 134, 206, 209, 237, 238, 241.
Кельцы, 37, 50, 53, 63, 87.
„ округ, 63.
Киев, 16, 19, 20, 22, 25, 30, 44, 116, 136, 137, 144, 145, 150, 152, 154, 155, 156, 162, 163, 164, 165, 166.
Киев. губ., 80.
„ р-н, 162.
Клевань, 126.
Клесов, 127.
Клецк, 125.
Князь, оз., 126.
Кобрынь, 81.
Ковель, 76, 77, 95, 110, 167, 179, 182, 214, 216.
Ковель, р-н, 112.
Ковенская губ., 80.
Козаль, у., 128, 130, 206, 208, 237, 238.
Козяны, 159.
Койданов, 125, 228, 229.
Коломыя, 113.
Кольно, 91, 204.
Комаров, 213.
Коматов, 223.
Конгрессовое королевство, 50, 80, 98.
Копенгаген, 22.
Корец, р., 16, 136.
Королевская Гута, 237, 238.
Коростень, 19, 95, 122, 128, 135, 149, 152, 154, 155, 156, 157, 161, 162, 165, 217.
Коростышев, 154.
Корац, 166.
Коцк, 193, 197, 200.
Краков, 50, 53, 54, 63, 68, 87, 121.
„ округ, 63.
Крапиц (ы), 233, 238, 239.
Красне, 110, 112, 114, 180, 181, 216.
Красная, р., 156.
Красныстав, 212, 213.
Крейцбург, у., 128, 234, 238.
Кременец, 116, 126, 216.
Кривичи, 159, 229.
Крым, 22, 143.
Крыстинополь, 212.
Кузница, 204.
Куликов, 71.

Лабанд (Лабенды), 237, 238.
Лань, р., 126, 176, 225.
Латвия, 18, 26, 77, 79, 106, 138, 140, 142, 145, 195, 226.
Лебеда, 223, 224.
Ленинград, 27.
Лепель, 135, 137, 138, 158.
Летычев, 154, 217.
Лида, 15, 84, 95, 101, 103, 104, 105, 106, 108, 119, 124, 139, 173, 175, 176, 219, 220, 223, 224, 226, 228.
Липно, 196.
Липовец, 162.
Литва, 4, 10, 15, 25, 27, 77, 78, 79, 80, 93, 103, 108, 118, 119, 133, 139, 140, 142, 145, 168, 219, 220, 226, 228, 231.
Литва центральная, 228.
Литин, 233.
Литовско-белорусский театр, 94, 95, 96.
Лович, 119.
Логойск, 159.
Лодзь, 5, 63, 87, 119.
Ломжа, 97, 182, 184, 202, 204, 218.
Лососна, р., 142.
Лужки, 169.
Луков, 193.
Лунинец, 6, 16, 95, 103, 108, 122, 126, 140, 172, 225, 226, 233.
Луцк, 76, 110, 112, 113, 116, 126, 181, 214, 216.
Львов, 12, 15, 50, 51, 53, 54, 57, 58, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 87, 96, 99, 101, 110, 113, 122, 167, 179, 180, 181, 182, 186, 189, 190, 191, 192, 195, 196, 204, 217, 231.

Лынгмяны, 107.
Лысобыки, 193.
Любань, 126.
Любар, 166, 217.
Любартов, 138,
Любень, 72, 74.
Люблин, 15, 50, 52, 53, 54, 55, 63, 70, 95, 179, 198, 200, 202, 212.
Воен. округ, 63, 77.
Люблинец, 206, 237, 241.
Ляховцы, 127.

Магдебургская кр-сть, 55.
Магеров, 74, 76.
Мазовейк, 202.
Маков, 201.
Малин, 155.
Малкиня, 183, 193.
Малопане, 233.
Малорыто, 214.
Маневичи, 76.
Марцинканцы, 103, 220.
Межуоль, оз., 161.
Мейшагол, 105, 106, 107.
Мелец, 87.
Мендзижец, 56, 200, 202.
Мендзыход (Бирнбаум), 90.
Микашевичи, 17, 18.
Миколаве (Николай), 638.
Миколаюв, 113.
Минск, 6, 11, 23, 95, 103, 106, 107, 118, 122, 124, 125, 145, 157, 159, 168, 169, 224, 225 226, 229, 230.
Минск. губ., 80.
Минск, Мазовецкий, 200.
Мир, 125, 225, 228, 229.
Млава, 56, 196, 202, 204.
Мнюта, р., 172.
Могилев, 156, 157.
„ губ., 80.
Модлин (Новогеоргиевск), 98, 183, 190, 195, 196, 197, 199, 203.
Модлин, р-н, 97.
Мозырь, 16, 19, 95, 122, 136, 137, 148, 149, 150, 168, 169, 233.
Мокободы, 201.
Мокраны, 214.
Молодечно, 6, 95, 106, 122, 124, 125, 126, 159, 160, 168, 169, 172, 224, 225, 226, 228, 229, 230.
Морахва, 233.
Москва, 17, 27, 49, 57, 58, 79, 104, 165, 219.
Мосты, 177.
Мосциска 110,
Мурманск, 44.
Мысловицы, 133.

Нагожаны, 74.
Налибоцкая Пуща, 124.
Нарев, 11, 96, 97, 177, 192, 195, 201.
„ нижний, 97.
Нарочь, 107.
Насельск, 199.
Неман, р., 81, 82, 84, 96, 101, 103, 105, 106, 107, 175, 176, 177, 179, 217, 219, 220, 221, 223, 224, 225, 230.
Неман верхний, 94, 226.
Неменчин, 106.
Немиров, 74.
Несвиж, 125, 225.
Нешава, 197.
Нивка, 135.
Нижнюв, 118, 216.
Новоград-Волынск (Звяхель), 16, 136, 140, 150, 154, 166.
Новогрудок, 103, 105, 108, 224, 225.
Ново-Минск, 193.
Нотец, р. (Нетце), 90, 92.
Нуреч, 177, 183.

Обра, канал, 92.
Овруч, р., 138, 166.
Огинский канал, 82, 101, 108.
Одер, р., 84, 207, 233, 237, 238, 239, 240.
Одесса, 116, 121, 162.
Ожиц, р., 97, 192.
Околово, 159.
Олевск, 16, 136, 142, 150.
Олькуш, 134.
Ольшаны, 106.
Опалин, 204.
Оппельн (Ополе), 205, 206, 208, 233, 237, 238.
Орава, 84, 88.
Ораны, 225.
Орел, 17.
Оресса, р., 126.
„ нижний, 135.
Ореховно, 230.
Орша, 95, 122, 149, 151.
Освея, оз., 18, 143.
Осовец, 177, 179, 202, 203.
Остравица, р., 84.
Остров, 183, 202.
Острог, 116, 127, 135.
Остроленка, 124.

Осьвенцим, 87, 135.
Охабы (Гр. Охаб), 87.
Ошмяны, 107.

Паперня, р-н, 104.
Парафьяново, 169.
Париж, 29, 45, 88.
Пелик, оз, 159.
Перемышль, 54, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 99, 110.
Перемышляны, 113, 216.
Переров, 126.
Петрков (Петроков), 50.
Пжасны, 196, 201.
Пжелаи, 103.
Пинск, 80, 82, 177, 217, 224, 225.
Пиотровицы, 135.
Плонск, 204.
Плоцк, 196, 199, 203, 204.
Подбродзе, р-н, 106, 107.
Подволочиск, 117.
Подкамень, 115.
Подлясский, р-н, 97.
Подолия, 16, 19, 59, 94, 135, 140, 141, 217.
Подолия, губ., 80.
Познань, 3, 5, 6, 11, 15, 58, 90, 128, 129, 130.
Познань, область, 66, 89.
Полесье, 16, 17, 19, 75, 94, 103, 106, 108, 120, 122, 125, 126, 135, 136, 137, 148, 150, 156, 157, 159, 176, 195, 217, 221, 230.
Полесские болота 220,
Полесский театр, 94, 95.
Полоцк, 95, 98, 122, 124, 126, 137, 138, 168, 169, 230.
„Польская Ливония" (Латгалия), 145.
Польша, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 70, 74, 76, 77, 78, 80, 84, 88, 92, 93, 95, 96, 100, 101, 108, 109, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 128, 129, 131, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 142, 144, 145, 146, 147, 168, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 194, 195, 205, 208, 209, 219, 226, 228, 229, 230, 231, 233, 234, 241.
Польша Велико, 58, 89, 90, 91, 92, 130, 234.
Польша Мало, 57, 63, 66.
Поморская область, 89.
Поморье, 147.
Порицк, 76.
Поставы, 159.
Прага, 129.
Прасныш, 184, 202.
Прашки, 238.
Припять, р., 28, 82, 94, 98, 108, 116, 117, 126, 138, 150, 154, 156, 162, 169, 172, 220, 221, 224, 230 233.
Проскуров, 16, 140, 141, 217.
Пружаны, 81.
Пруссия, 4, 32, 89.
„ Восточная, 11, 93, 97, 125, 142, 168, 202, 203, 204, 218, 219, 225.
Пруссия, Западная, 6, 89, 129.
Пичь, р., 135, 137, 167, 169, 228, 230,
„ верхняя, 138, 229.
„ нижняя, 138.
Пулавы (Ново-Александрия), 198.
Пултуск, 192, 197, 199, 201.
Пунск, р., 142.
Пшчина (Плесс), 206, 237, 238, 241.
„ у., 133, 210, 234.
Пысковицы, 237.
Пышек, 234.

Рава-Русска, 71, 72, 74, 75, 99, 110, 112, 180.
Равич, 91.
Радзивиллов, 113, 116, 181, 182.
Радзимин, 198, 199.
Радом, 60, 87.
Радошковичи, 125, 228, 229, 230.
Радунь, 220, 223.
Райгород, 119.
Ракитно, 74, 76, 128.
Раков, 124, 228, 230.
Ратибор-Рыбник, 206.
Ратно, 214.
Ратомка, 229.
Рацибор, 237, 238.
„ у., 241.
Рационж, 197.
Речица, 156, 233.
Рига, 140, 226.
Ровно, 76, 95, 110, 116, 117, 122, 126, 135, 136, 154, 166, 167, 172, 179, 214, 216, 217.
Розенберг (Олесно), у., 128, 130, 216, 234, 237, 238.
Роска, р., 163.

Россия, 3, 4, 20, 22, 26, 32, 33, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 52, 54, 59, 62, 79, 95, 100, 120, 137, 143, 144, 145, 148, 188, 226.
Россия советская, 17, 18, 75, 77, 78, 79, 80, 93, 98, 100, 116, 118, 119, 122, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 144, 145, 187, 195, 218, 219, 226, 231, 233.
Россь, р., 163.
Рудзиниц, 240.
Ружанка, 81.
Румыния, 26, 27, 28, 29, 45, 109, 114, 118, 145, 195.
Рыбник, 237, 238.
„ у., 133, 210, 234, 241.
Рыконты, 106.

Садова-Вишня (Сондова Вишня), 70, 74, 110.
Самбор, 71, 72, 99.
Самогородок, 163.
Сан, р., 15, 61, 66, 68, 93, 96.
Санок, 71.
Сарнаки, 183.
Сарново, 91.
Сарны, 95, 110, 116, 122, 127, 128, 154, 167.
Свенцяны, р-н, 103, 138, 159, 169, 172, 226, 228.
Свидер, р., 200.
Свиж нижний, р., 115.
Свинюха, оз., 18, 143.
Свислочь, 177, 204, 221.
Севастополь, 26.
Седлецкий, р-н, 96, 97.
Седльце, 200, 201.
Сейны, 219, 220, 222.
Семяновицы (Гута-Лауры), 133, 237.
Сервечь, р., 106.
Серет, 181, 192.
Сероцк, 192, 199, 201.
Серпц (Серпец), 196, 197.
Сибирь, 45, 186.
Силезия, 3, 10, 50, 86, 91, 118, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 205, 207, 208, 209, 211, 233, 234, 236, 237, 240, 241.
Силезия Верхняя, 6, 29, 59, 84, 87, 89, 128, 129, 209, 211, 233, 234, 235, 237.
Силезия Западная, 237.
„ Цешинская, 3, 50, 52, 58, 64, 84, 86, 87, 88, 134, 187, 233, 238.
Скала, 114.
Сквира, 162.
Скерневице, 119.
Скидель, 81, 82, 104.
Скочов (Скотшау), 87, 88.
Скрыбовцы, 104.
Славатичи, 200, 201.
Славечна, р., 154.
Славута, 217.
Слоним, 80, 82, 177, 224.
Слуцк, 125, 225, 226, 228, 229, 230, 233.
Случь, р., 16, 94, 126, 135, 140, 154, 166, 175, 217.
Случь верхн., 127.
Смолевичи, 125.
Сморгонь, 107, 124, 225, 228.
Смотричь, р., 16, 140, 141.
Смотричанка, р., 140.
Сокаль, 71, 198, 212, 214, 216.
Соколов, 183.
Солы-Ошмянский, р-н, 106.
Сосновец (Сосновицы), 128, 134, 135.
Спа, 186, 187.
Спишь, 84, 88.
Ставы, 217.
Станиславов, 113, 201.
Старая Ушица, 6, 217.
Староконстантинов, 16, 141, 217.
Старые-Троки, 106.
Старый-Турка, 113.
Столбцы, 225.
Стоход, р., 76, 181.
Стохнов, 113.
Стрелиц, 206.
Стржижовицы, 135.
Струмень, 87, 135.
Струмилова, 113, 180, 216.
Стрый, 110.
Стрыпа, р., 115, 181, 192, 198.
Стугна, р., 164.
Стырь, 94, 110, 112, 113, 116, 117, 161, 167, 172, 179, 180, 181, 182, 216.
Стырь верхн., 108, 115.
Сувалки, 118, 218, 219, 221, 225.
Судиловка, 182.
США, 6, 46, 47.

Тарнобжег, 53.
Тарнов, 238.
Тарновские горы (Тарновиц), 133, 238.
Тарногурский (Тарновиц) уезд, 133, 206, 210, 241.

Тарнополь, 114, 141, 216, 217.
Тарноруда, 233.
Тешинская Силезия, 50, 84.
Токи, 127.
Тонеж, 126.
Торнская или Поморская об-сть, 89.
Торчин, 76.
Тургели-Павлов, р-н, 105.
Турция, 49.
Тушно, 126, 135, 217.
Тысменица, р., 96.

Уборть, р. 137, 138, 150, 154, 166, 217, 233.
Украина, 3, 4, 6, 8, 9, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 27, 28, 29, 43, 44, 48, 51, 56, 57, 66, 74, 76, 80, 93, 94, 95, 115, 136, 137, 140, 146, 148, 150, 151, 152, 156, 157, 161, 164, 166, 167, 169, 214, 226.
Украина Днепровская, 53, 54, 58, 67, 75, 115, 116, 117, 122, 135.
Украина западная, 28, 50, 67, 75, 110, 112, 113, 115, 116, 145, 216.
Украина Советская, 145.
Улла, 6, 135.
Унов, 76.
Урал, 8.
Усвица, 137.
Устронь, 87.
Утвоха, р., 126.
Ушач, 158, 160.
Ушица, р., 16, 141.
„ Старая, 154.

Фастов, 156, 162, 164, 165.
Финляндия, 145, 195.
Франция, 8, 13, 14, 15, 18, 21, 22, 25, 26, 27, 29, 45, 46, 47, 66, 88, 101, 109, 110, 113, 118, 136, 187, 205, 207, 231, 234, 241.
Фридрихштадт (Фрейштадт), 86.

Хамер Кл. Ал., 240.
Хебзем, 133.
Хмельник, 166.
Ходежский, р-н, 91.
Хожеле, 204.
Холм, 54, 95, 181, 189, 198, 202, 212, 214.
Холмщина, 15, 75, 76.
„ область, 53.
Хоржув, 237, 238.
Хородов, 216.
Хыров, р-н, 70, 71, 72, 74, 110.

Цеханов, 196, 197, 201.

Чарнков (Чарникау), 90, 92.
Чарторийск, 116.
Челядзь, 135.
Ченстохова, 50, 56, 87.
Черемха, 177.
Чернобыль, 154, 155.
Черное море, 27, 28.
Чертков, 114.
Чехо-Словакия, 67, 84, 88, 188.
Чишки, 208.

Шара, р., 82, 84, 94, 101, 175, 176, 177, 179, 220.
Шара верхн., 108.
Шарковщизна, 169.
Шацилки, 150.
Шепетовка, 6, 123, 135, 154.
Ширвинты, 106, 107.
Шубин, р-н, 90, 91.

Щитно, 82.

Эстония, 26, 77, 79, 145.

Яблонков, 86, 87, 196.
Яблонковы горы, 84.
Ядово, 201.
Ямполь, 116, 217.
Япония, 33.
Ярославль, 72.
Яруга, 162.
Ярычев, 113.
Ясельда, р., 82, 101, 108, 177
Яшуны, 228.

УКАЗАТЕЛЬ ДЕЙСТВОВАВШИХ ВОЙСКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ.

Красные (советские) армии.

III сов. арм., 168, 169, 196, 197, 198, 201, 203, 204, 220, 221, 223, 224.
IV сов. арм., 168, 173, 177, 183, 193, 196, 197, 200, 201, 202, 203, 217, 220, 221, 225,
XII. сов. арм., 155, 162, 164, 166, 167, 180, 181, 196, 198, 202, 204, 212, 214, 216, 217.
XIV сов. арм., 152, 155, 162, 163, 167, 181, 198, 204, 214, 216, 217.
XV сов. арм., 158, 159, 160, 167, 168, 169, 196, 201, 202, 203, 204, 220, 221, 224, 225.
XVI сов. арм., 159, 160, 168, 169, 172, 196, 197, 199, 200, 201, 203, 220, 225.
Конная армия, Буденного, 155, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 172, 174, 179, 181, 182, 191, 193, 196, 198, 204, 212, 214, 216.

Польские армии.

I польская армия 148, 151, 158, 159, 160, 161, 169, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 179, 183, 184, 191, 192, 193, 197, 199, 201, 202, 218, 228.
II польская армия, 148, 154, 155, 156, 161, 166, 167, 173, 179, 181, 182, 192, 197, 202, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 228.
III польская армия, 148, 152, 154, 155, 156, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 180, 181, 182, 193, 197, 199, 202, 203, 204, 212, 214, 216, 217, 225, 227, 228.
IV польская армия, 148, 151, 156, 159, 160, 163, 169, 171, 173, 175, 177, 179, 183, 191, 193, 197, 199, 202, 204, 218, 220, 221, 223, 224, 225, 226, 228, 229.
V польская армия, 148, 192, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204,
VI польская армия, 148, 154, 155, 156, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 179, 181, 182, 191, 193, 202, 204, 213 214, 216.
VII польская армия, 148, 151.
Литовская армия, 218.
Украинская армия, 216, 217.

Корпуса.

I корпус, 43.
II корпус, 43, 44.
III корпус, 43, 44.

Пехотные бригады

1 резервная бригада, 166,
7 резервная бригада, 169, 173,
10 резервная бригада 166,
10 пехотная бригада, 181.
12 пехотная бригада 202,
Сибирская бригада, 186, 197, 204, 221, 225.

Польские дивизии.

а) Кавалерийские дивизии и бригады.

1 кав. дивизия, 166.
2 кав. дивизия, 213.
Украинская кав. дивизия, 216.
1 кав. бриг., 120, 138, 150, 160, 161, 162, 169, 216.
2 кав. бриг., 120, 128, 138, 220, 224,
3 кав. бриг., 120, 126, 127, 142, 154, 156.
4 кав. бриг., 120, 128, 142, 197, 200, 202, 219, 220, 224.

5 кав. бриг., 126.
7 кав. бриг., 154, 162, 16'.
Кубанская кав. бриг., 212.

б) Пехотные.

1 дивиз. легионов, 65, 120, 124, 126, 138, 142, 143, 152, 156, 159, 162, 166, 181, 182, 191, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 222, 224, 225, 229.
2 дивиз. легионов, 65, 104, 120, 122, 124, 125, 138, 159, 169, 197, 200, 202, 212, 213, 223, 225, 228, 229.
3 дивиз. легионов, 65, 110, 114, 120, 126, 138, 142, 160, 162, 166, 181, 191, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 218, 221, 223, 225, 228.
4 пех. див., 45, 110, 114, 120, 126, 154, 156, 157, 161, 169, 171, 197, 216, 225.
5 пех. див., 114, 120, 126, 141, 154, 169, 198, 216.
6 пех. див., 120, 138, 166, 181, 182, 216.
7 пех. див., 120, 152, 155, 156, 162, 163, 166, 181, 202, 212, 214.
8 пех. див., 119, 120, 125, 126, 138, 160, 169, 173, 197, 202, 216.
9 пех. див., 120, 125, 126, 138, 150, 156, 169, 176, 197, 212, 214, 225.
10 пех. див., 12[illegible], 126, 138, 160, 169, 172, 173, 197, 199, 202, 212, 213, 214.
11 пех. див., 159, 169, 173, 197, 198, 225.
12 пех. див., 141, 154, 162, 166, 181, 198, 216.
13 пех. див., 142, 154, 156, 162, 163, 166, 181, 198, 213, 214.
14 пех. див., 121, 169, 191, 197, 200, 201, 202, 204, 225.
15 пех. див., 121, 154, 156, 160, 169, 197, 201, 202, 204, 223, 225.
16 пех. див., 121, 169, 191, 197, 200, 202, 225.
17 пех. див., 121, 159, 160, 171, 173, 197, 221, 225.
18 пех. див., 121, 141, 154, 162, 166, 181, 182, 183, 191, 197, 204, 214, 225.
19 пех. див., см. 1-я Лит. (бел. дивизия).
20 пех. див. (см. 2-я Лит. (бел. дивизия).
21 (горная) пех. див., 169, 191, 197, 200, 201, 202, 218, 221, 223, 225, 228.
1 дивиз. стрелков., 110, 112, 119, 120, 126.
2 дивиз. стрелков., 110, 112, 119, 120.
3 дивиз. стрелков., 126, 127.
6 дивиз. стрелков., 115, 119, 120, 126.
7 дивиз. стрелков., 119, 120.
Учебная дивизия стрелков., 119.
1 литовско-белорусская дивизия (9-я дивизия), 65, 77, 82, 120, 121, 125, 138, 159, 160, 169, 173, 197, 199, 202, 218, 220, 223, 225, 227, 228.
2 литовско-белорусская дивизия (20-я пех. дивизия), 121, 138, 171, 172, 173, 197.
1 украинская дивизия, 154.
6 украинская дивизия, 167, 181, 212.
7 украинская дивизия, 197.
Украинския дивизия, 212.
Сибирская дивизия 45, 120, 186.
Львовская п. д., 65.
1 великопольская (познанская), дивизия, 138.
Добровольческая дивизия, 221, 225,

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Польша во время мировой войны	32
Глава II. Ноябрьская революция 1918 г. в Польше	48
Глава III. Ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г.	69
Глава IV. Театр польско-советской войны	93
Глава V. Апрель — июль 1919 г.	98
Глава VI. Общее наступление на советском фронте	120
Глава VII. Первое восстание в Силезии	128
Глава VIII. Стабилизация фронта в течение зимы 1919/20 г.	135
Глава IX. Приготовления к кампании 1920 г.	143
Глава X. Наступление на Украину	150
Глава XI. Наступление Красной армии в Белоруссии	157
Глава XII. Отступление поляков	161
Глава XIII. Варшавское сражение	184
Глава XIV. Второе восстание в Силезии	205
Глава XV. Последние операции	212
Глава XVI. Третье восстание в Силезии	233
Именной указатель	242
Указатель географических названий	245
Указатель действовавших войсковых соединений	253

NITOSO
BIBLIOT

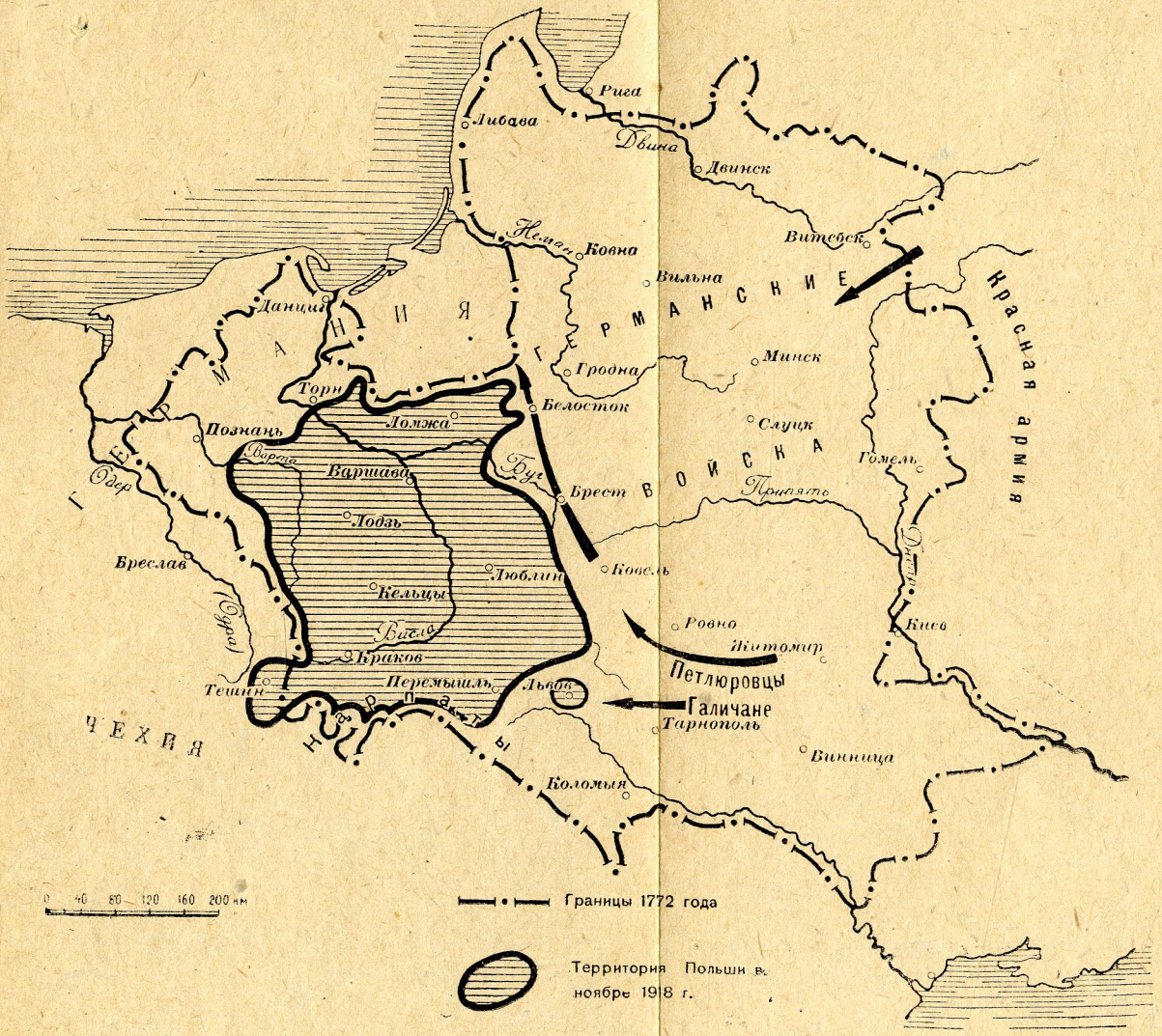

Схема 1. Польша в ноябре 1918 г.

Схема 8. Польско-советский театр военных действий.

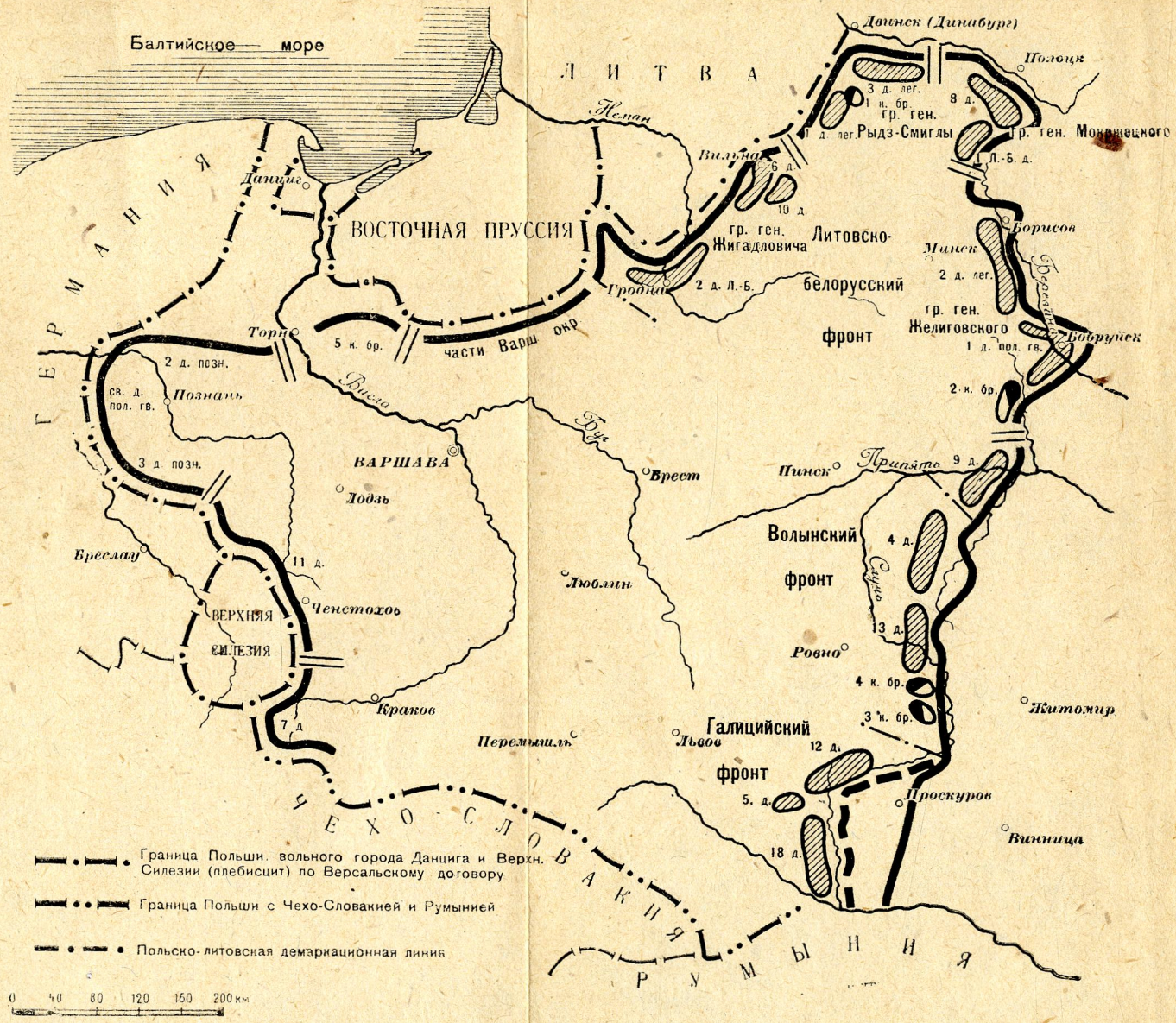

Схема 15. Ноябрь-декабрь 1919 г.

Схема 26. Псложение сторон 12 августа 1920 г.

Схема 27. Варшавское сражение 16—25 августа 1920 г.

PJ 1321 y